

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

МАРЦИН ПОДЛЕВСКИЙ

ГЛУБИНА:
ПРЫГУН

Звезды научной фантастики

Марцин Подлевский

Глубина: Прыгун

«Издательство АСТ»

2015

УДК 821.162.1
ББК 84(4 Пол)

Подлевский М.

Глубина: Прыгун / М. Подлевский — «Издательство АСТ»,
2015 — (Звезды научной фантастики)

ISBN 978-5-17-115253-6

Добро пожаловать в новое измерение постапокалипсиса. Это Выжженная Галактика – Млечный путь, который много лет назад был разрушен серией чудовищных войн. Это космос, в котором люди выживают в остатках погасших систем, искусственный интеллект вызывает страх, а представители иного разума, изгнанные в дальние пределы космоса, стали героями пугающих легенд. Это вселенная Глубины – загадочного, безумного измерения, которое позволяет путешествовать на огромные расстояния, но бодрствующего человека сводит с ума, а то и вовсе может превратить в чудовище. Это мир Миртона Грюнвальда, который потерял свой корабль и команду. И теперь сделает все, чтобы снова отправиться к звездам. Только это будет нелегко. У его нового корабля темное прошлое. Его новая команда скрывает множество тайн. И он еще не знает, что новая работа столкнет его с настоящим кошмаром.

УДК 821.162.1

ББК 84(4 Пол)

ISBN 978-5-17-115253-6

© Подлевский М., 2015

© Издательство АСТ, 2015

Содержание

I. «Черная лента»	6
1. Сборище	6
2. Слежка	15
3. Сюрприз	19
4. Зонд	24
5. Доверие	31
6. Планы	37
7. Вопросы	44
8. Встречи	52
9. Конфликт	62
10. Страх	71
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Марцин Подлевский

Глубина: Прыгун

Marcin Podlewski
Głębia: Skokowiec

© Marcin Podlewski, 2015
© Кирилл Плешков, перевод, 2020
© Валерий Петелин, иллюстрация, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

*Мы в тридцати тысячах световых лет от центра
галактики.
Мы совершаем круг каждые двести миллионов лет.
И наша галактика – лишь одна из миллионов
миллиардов.
В этой удивительной расширяющейся Вселенной.
Вселенная продолжает все расширяться и
расширяться.
Во все стороны она может разлетаться со
свистом,
Так быстро, как только возможно, – скорость
света, знаете ли.
Двенадцать миллионов миль в минуту, и это самое
быстрое.
Так что помни, когда чувствуешь себя маленьким
и уязвимым.
Сколь удивительно маловероятно твое рождение.
И молись, чтобы где-то в космосе была разумная
жизнь.
Потому что тут на Земле – сплошное дерьмо.*

**Монти Пайтон, «Galaxy Song», слова и музыка: Эрик Айدل и Джон
Дю През**

I. «Черная лента»

1. Сборище

*Целью каждой Программы является реализация.
Машинный кодекс, параграф первый*

Корабль был старый, серо-голубого цвета и явно чересчур большой. Не хватало всего нескольких тонн, чтобы считать его полноценным фрегатом. Наверняка он прекрасно смотрелся в полете сквозь космическую бездну, поблескивая желтыми огоньками позиционных огней и голубым выхлопом энергии реактора из грушевидных дюз. Миртон Грюнвальд, уже успевший слегка набраться, осматривал корабль со всех сторон, но не замечал никаких серьезных дефектов. Разве что корпус чуть поцарапан, компьютеры стоило бы обновить, а в одной из кают чем-то воняло.

– Что так дорого? – поинтересовался он у нервного коротышки-торговца, который ходил за ним как приклеенный, потирая маленькие шершавые лапки. Дорого как раз особо не было, но торговля – в своем роде танец, и имело смысл наступить партнеру на мозоль. – Это правда, что про него болтают? – выпалил Миртон в порыве пьяного вдохновения. Он понятия не имел, что говорили про корабль и говорили ли вообще, но попытаться не мешало.

– Да все это неправда, чушь полная, – разволновался коротышка. – Никаких привидений там нет!

Привидения! То, что надо. Миртон присел возле стазис-кресел в рубке управления и с наигранным отвращением потянул за одну из трубок, по которым подавался наркотик.

– Внутри кораблей всегда шумит, – продолжал гнуть свое торговец. – Сами знаете – энергосистемы старые, да и в гальюне порой булькает. Ну и начинают болтать всякие глупости: один по пьяни увидит, как из сральника выходит его покойная мамочка, а другой верит, будто управляющая консоль передает ему некие сигналы. И начинается – «на корабле завелись привидения», «духи переставляют стулья в кают-компанию»... Всё от скуки.

Миртон его не слушал. В духов он не верил, но, если это помогало сбить цену, он готов был поверить в целую их стаю, перемазанную эктоплазмой. Торговец просил два миллиона юнитов – кредитных единиц Альянса – в том числе десять процентов в качестве первого взноса. У Миртона имелось пятьсот тысяч с мелочью – все его накопления, последние заработки и то, что он получил за оставшиеся от «Драконихи» запчасти. Должно было хватить на взнос, переделки и запись программного обеспечения. Быстро посчитав в уме, он понял, что у него остается около ста тысяч, то есть минимальная сумма, которая должна поступать на счет продавца каждый стандартный лазурный месяц, вплоть до внесения полной оплаты с двенадцатью процентами комиссионных.

Кошмар.

Корабль стоил как эксклюзивные апартаменты на Лазури – планете-столице Альянса.

– Оружие? – спросил Миртон, почесывая подбородок.

Торговец явно оживился:

– Лазер с камнерезущим режимом, две турбинные пушки, плазма и луч захвата. Плазма повреждена, как и одна из турбопушек, но можно починить. Луч захвата работает отлично, как и лазер. Прекрасное оружие! Предыдущий владелец несколько его... модифицировал, как и стазис-навигаторскую, но все законно!

– Предыдущий владелец... А как этот красавец назывался до перерегистрации? – спросил Миртон, бросая бдительный взгляд туда, где должна была располагаться стальная табличка с выгравированным названием. Таблички не было. Торговец замахал лапками.

– Думаете, я помню? Откуда мне...

– Не важно. – Миртон небрежно взмахнул бутылкой, до половины наполненной миндальным виски. – Сейчас он сам нам скажет. Немного похимичить в реестре бортжурнала – и готово, – он хлопнул по кнопке включения главного компьютера и пробежался пальцами по запыленной клавиатуре. Система зашумела, а затем застрекотала.

– Что вы делаете? – пискнул торговец, но было уже поздно.

– Ну вот и все, – Миртон нажал клавишу, и на слегка выпуклом экране появился логотип корабля: волнистая черная линия на фоне холодных звезд и название жирным белым шрифтом:

ЧЕРНАЯ ЛЕНТА

– «Черная лента», – прошептал Грюнвальд. – Прелестно.

О «Черной ленте» ходили легенды. Корабль-неудачник, корабль-призрак, корабль-убийца. Якобы он затерялся в Глубине – загадочном псевдопространстве, через которое летали, чтобы преодолеть гигантские космические расстояния, – а когда вернулся, оказалось, что вся его команда отключена от трубок, подающих стазис. Естественно, все погибли. Сквозь Глубину необходимо было лететь, находясь под воздействием стазиса, – иначе человек впадал в безумие, необратимо разрушавшее мозговые связи, что неизбежно заканчивалось смертью. Глубинный прыжок никому не удалось пережить находясь в сознании – слишком чудовищными оказывались последствия. Но история «Черной ленты» на этом не заканчивалась.

В том, что корабль затерялся в Глубине, не было ничего из ряда вон выходящего. Подобное случалось часто – либо из-за аварии глубинного привода, либо из-за ошибочно введенных астролокатором координат. Но «Черная лента» вернулась из Глубины лишь наполовину – корабль появлялся и исчезал с плененной на его борту командой, получив прозвище одного из «призраков», не вполне материальных невольников Глубины.

Так происходило до тех пор, пока «Черная лента» не вышла из Глубины в последний раз, где-то в Рукаве Персея, теперь уже полностью материальная и бесповоротно мертвая.

Чудом найденный корабль подвергли очистке, обновили программы и обследовали до последнего винтика в соответствии с применявшимися во всем Альянсе процедурами, а затем, не найдя ничего подозрительного, выбросили на свободный рынок. Там его купил некий Проклис или Моклис – Миртон точно не помнил – и вбил себе в башку, что займется контрабандой оружия для мелких герцогств во Внешних системах, у самой Галактической границы. Проклис-Моклис установил на корабле тысячи систем безопасности и нелегальное оружие – ходили слухи о чем-то биологическом, подпадавшем под Эстафорскую конвенцию, касающуюся вирусного терроризма, – а затем, как это часто бывает, поссорился с собственной командой из-за прибыли. Кто-то из особо энергичных подчиненных воткнул ему в горло нож для сыра, а поскольку торговец-параноик поставил блокировку на компьютерные системы, вскоре оказалось, что его убийство – не самая лучшая идея. В итоге корабль нашли во второй раз – по прошествии примерно лазурного года, с другим набором трупов на борту. Альянс, несколько не обеспокоенный дурной славой «Черной ленты», в очередной раз очистил корабль и выбросил его на рынок, где им завладели элохимы.

В Выжженной Галактике, где уже много тысячелетий не существовало иных рас, элохимы воспринимались как некая странная группировка, болезненно тосковавшая по легендарной «иности». Сперва они функционировали как обычная человеческая секта, возведшая в культ историю «отвергнутых ксенобратьев», но затем сумели добраться до незаконных генотрансформаторов, изменив себя с их помощью как телесно, так и психически.

Навязчивая идея об изменении тела, свойственная некоторым группам людей, не представляла ничего нового. Секта элохимов, так же как Собрание или стрипсы, тосковала о настоящих Иных. Однако лишь элохимы сумели достичь столь высокого уровня иноности. Им удалось настолько изменить собственный разум, что их образ мыслей и действий выглядел по-настоящему иным. И именно они окончательно испоганили «Черную ленту», ибо мало кого интересовал бывший «призрак», принадлежащий полусумасшедшим элохимам, которые устанавливали на своих кораблях артефакты, оставшиеся после Иных, вроде инзедримов или прочих ксено из легенд времен еще до Машинной войны.

– Откуда она у тебя? – спросил Грюнвальд. Торговец захлопал глазками.

– Не понимаю...

– Прекрасно ты все понимаешь. Этот корабль воняет. Мне плевать на духов, но этот прыгун принадлежал элохимам, – Миртон постучал по клавиатуре, – семь с лишним лазурных лет. Каким чудом он оказался на этой захолустной планете?

– Можете не покупать, – ошетинился торговец.

– Вот только тебе очень хочется, чтобы я его купил, и притом недорого, – спокойно ответил Миртон, отхлебывая виски и бесцеремонно протягивая бутылку торговцу. Коротышка с отвращением покачал головой и словно ушел в себя, с явным испугом глядя на Грюнвальда. – Ибо я намерен рассказать всем, какое сокровище ты пытался мне впихнуть, и тогда тебе нескоро удастся прилично заработать. Большинство оставшихся от элохимов кораблей оборудованы артефактами ксено, которые мало кто сумеет починить, если те сдохнут. Будь я настолько сумасшедшим, чтобы купить бывший корабль-«призрак», меня рано или поздно ждет путешествие к элохимам. А может, не стоит? – Миртон театрально пожал плечами и с притворной задумчивостью поскреб плохо выбритый подбородок. – Просто вброшу информацию о том, что ты тут у себя держишь, в Поток, и тогда ты прославишься в каждом уголке Выжженной Галактики. Разве что, – он сделал драматическую паузу, – мы договоримся о скидке.

– Да вы что?! Это большой прекрасный корабль! Космическая яхта! Отлично оборудованные каюты! Да это в принципе фрегат! У него тоннаж почти как у фрегата!

– Половина цены. Девятьсот тысяч юнитов.

– Это цена за хороший транспортник, не за такой грузовик!

– Никакой это не грузовик – грузовики больше. Собственно, они могут быть какой угодно величины. А это что? Напасть знает что это такое. Здоровенный прыгун, не более того.

– И девятьсот – вовсе не половина!

– С математикой у меня всегда были проблемы, – согласился Миртон.

Именно так он и купил «Ленточку».

Порт на Бурой Элси мало чем отличался от остальной планеты – грязный, обветшалый и коричневый. Кораблей, стоявших на стартовых полосах, было три: бочкообразный транспортник с гербом Великого герцогства Плиц, изящный «Логан-9», скорее всего, истребитель дальнего радиуса действия некоей военной касты, и, наконец, сама внушительная «Черная лента», которой совсем скоро предстояло сменить имя на «Ленточку». Над ней как раз завершали работу портовые механики – последние три дня шла запись проходившего очередные этапы тестирования нового программного обеспечения, частично скопированного с «Драко-нихи», предыдущего корабля Миртона, и модифицированного специалистами Научного клана за немаленькую сумму в двести тысяч юнитов. Передвижной портовый кран под управлением одного из механиков загружал в открытые люки трюма большие черные ящики, набитые богатыми белком лишайниками.

Миртон встретил свою команду возле корабля, опираясь об одну из подставленных под него лесенок.

– Рад всех приветствовать. Если кто-то меня еще не знает, меня зовут Миртон Грюнвальд, и я алкоголик, – чуть хрипло произнес он. Выглядел он довольно неряшливо, словно плохо выбритый актеришка из средневекового черно-белого плоскофильма. В уголках глаз пролегли морщинки, не давая точно определить возраст. Общую картину дополняли черные растрепанные волосы. – Нет, погодите... у нас тут встреча по другому поводу. Меня зовут Миртон Грюнвальд, и я ваш капитан. А это, – он показал на корабль и небрежно плеснул на него пенящимся шампанским, – «Ленточка». Добро пожаловать на борт.

«Это „Ленточка“, а это какой-то клоун, – подумала первый пилот Эрин Хакль. – Вид у него такой, будто он только что проснулся. Только что оттаял после того, как его вытащили из холодильника. А впрочем... какая разница?»

Эрин смертельно устала. Последний день перед запланированным выходом на орбиту она провела в обществе приятелей, с которыми познакомилась на Бурой Элси, и те накачали ее литрами дешевой местной водки. Бурая Элси славилась производством водки, зерна, открытых некоей Элси Нимхоффен бурых лишайников, комплектующих для недорогих электронных гаджетов и воняющей мочой шерсти.

– Это он? – со странным испугом спросила астролокатор Пинслип Вайз. – Тот самый корабль?

– Да, – кивнул Хаб Тански, одетый в потрепанный компьютерный комбинезон со множеством заштопанных карманов, шлейфов и микроразъемов, в котором он выглядел еще более тощим, чем обычно. Эрин успела дать ему прозвище Дракула, которое и впрямь подходило ему как нельзя лучше. – Модифицированный транспортник, но, как вижу, тоннаж у него побольше, – пояснил компьютерщик. – Наверняка на артефактных модулях, а компьютерника третьего поколения. Такие кораблики называли семейными прыгунами, поскольку, в отличие от обычных одноместных и по большей части автоматизированных прыгунов, они были крупнее и вполне могли заменить дом для какой-нибудь сумасшедшей звездной семейки.

– Что-то он мне не нравится. Какой-то... холодный.

– Ничего, мы его еще разогреем, красавица, – бросил тучный бортмеханик Месье, возившийся с сумкой на транспортной платформе, куда они свалили весь багаж, а если точнее, всю свою жизнь. – Так же, как и твою...

– Цыц, Месье. – Хакль уже успела понравиться миниатюрная Вайз, хотя, по ее мнению, не вылезавшей из астрокарт девушке и впрямь не помешал бы крепкий шлепок по перепуганной заднице. – Осторожнее, там модули памяти с дорогими симуляциями. Если разобьешь – придется платить.

– Как прикажешь, принцесса.

На борт они входили не спеша, передав часть вещей нанятым Грюнвальдом носильщикам. Соединенный со шлюзом трап привел их в глубь средней палубы, где находилась каюткомпания и небольшие каюты с микрорулетами. Из девяти кают были открыты лишь шесть поменьше, ожидая прибытия команды. Запертая средняя каюта должна была играть роль гостевого помещения для перевозки туристов, а две побольше предназначались капитану и доктору Гарпаго, который по поручению Миртона разыскал их контракты в Потоке с помощью подсаженного в его личный персонал «ПсихоЦифра».

– Он и впрямь величиной с фрегат, – пробормотала Эрин, с интересом разглядывая размещенные возле кают спасательные капсулы, один вид которых вызывал приступ клаустрофобии. – Неплохую кто-то провернул комбинацию.

– Корабль был переделан, – заявил Месье, зевая во весь рот. Он никому не рассказывал, как он провел последнюю ночь, но ясно было, что он не спал. – И, похоже, неоднократно. Предыдущий судовладелец наверняка дал на лапу контролерам из Альянса. Тоннаж действительно почти как у фрегата, так что и оплата требуется больше. Его еще и перекрасили. Здесь и здесь, – он показал на фрагменты борта, – видна черная краска.

– Черная? – удивилась Хакль. – Как у кораблей пограничников? Вроде есть какой-то указ, по которому это запрещено?

– А Сердце? – спросил Тански.

– На главной палубе, – рядом возник Миртон Грюнвальд, распространяя вокруг слабый запах алкоголя. – Господин Хаб, – обратился он к Тански, задумчиво облизывавшему обветренные губы, – вам ведь наверняка хотелось бы взглянуть на Сердце?

– Компьютерное помещение?

– Именно. Стандартная система, соединенная с глубинным приводом и самим реактором. Его запустят, когда Научный клан закончит записывать программное обеспечение. Доступ туда будете иметь вы, я и доктор Гарпаго. Пока что, – улыбнулся Миртон, демонстрируя набор на удивление белых зубов. «Будто жемчужины, – подумала Хакль. – Хоть сейчас для голо-рекламы». – Что касается остальных... кто хочет, может выбрать себе каюту. Моя и докторская, естественно, уже заняты. – Грюнвальд махнул рукой в неопределенном направлении. – И в завершение нашей экскурсии: на уровне средней палубы имеется как бы вырастающая из нее главная палуба, то есть рубка управления со стазис-креслами. Стандартная СН, или стазис-навигаторская, может, слегка доработанная... прежними владельцами. К находящемуся поблизости Сердцу ведет небольшой коридорчик с лестницей, в данный момент заваленный кабелями наших чудотворцев-интерфейсников, которые закончат, – он бросил взгляд на часы, – где-то через лазурных полчаса. Все соединено с компьютерикой корабля, нейроконнекторами, а также осязательным голоинтерфейсом. Можете взглянуть на прекрасную, обновленную навигационную консоль в СН. Над главной палубой и над частью средней есть еще маленькая верхняя палуба, или модифицированная бронированная боевая рубка, которой пока некому заведовать, – естественно, соединенная с СН. Ниже главной и средней палуб вдоль всего корабля тянется нижняя палуба, то есть трюмы с люками, машинное отделение и реактор. Глубинный привод, как и на любом корабле, находится снаружи, как и антигравитоны. Насколько я помню, у господина Месье, как и у госпожи Вайз, есть права глубинника... так ведь?

– Крейсерский класс, – подтвердил механик, почесывая плохо выбритый подбородок.

– Прекрасно, – улыбнулся Миртон. – Если вдруг что-нибудь накроется, до привода вы сможете добраться через такой... довольно неприятный канал. Ими покрыта вся «Ленточка». Как они называются?.. Забыл.

– Служебные ходы.

– Ну да. В крайнем случае можно прыгнуть в скафандр и приклепать отваливающуюся деталь молотком. Пока достаточно, – объявил Грюнвальд. – Занимайте каюты. Инструктажа не будет, но приглашаю всех в СН через... два часа. Старт в восемнадцать по планетарному времени, то есть в двадцать два часа по стандартному времени Лазури. Прыжок еще через час. Летим в сторону Ядра, к более цивилизованным системам, которые дрожат от предвкушения купить наши лишайники. Стороной обойдем только... гм... Рукав Персея. Так или иначе, чтобы туда долететь, придется еще немного покрутиться по Внешним системам, а точнее, по Пограничным герцогствам. Первая остановка: шахтерская станция в системе Гадес, то есть во внешнесистемной заднице. Доктор, – бросил он только что появившемуся Гарпаго, – попрошу вас на минутку в стазис-навигаторскую. А вас всех благодарю за внимание, – закончил он и неожиданно подмигнул смутившейся Вайз.

«Вот Напасть! – подумала Эрин. – Да он еще и бабник. Великолепно».

Всоответствии с поручением Миртона они начали занимать каюты – не спеша, может, за исключением Хаба, который целеустремленно направился к каюте, расположенной ближе всего к главной палубе. Никто не возражал – Тански требовался как можно более быстрый доступ к Сердцу.

Пинслип Вайз выбрала каюту последней.

– Пинслип Вайз, – прошептала она, кладя ладонь на осязательный интерфейс. С этого момента каюта должна была принадлежать только ей, и никто не мог попасть внутрь без ее разрешения. Овальная дверь с тихим гидравлическим свистом ушла вверх, и астролокатор вошла в каюту.

Помещение было небольшим, но нетесным – пристегивающаяся к стене койка, столик, встроенные в стену шкафчики, несколько похожих на мыльницы полок, голониша и, наконец, туалет с душем. Вайз закрыла за собой дверь и, уверенная, что никто ее больше не видит, повалилась на разложенную койку.

Собственная каюта. Последний корабль, на котором она служила, был не только тесным, но на нем еще и негде было уединиться. Каюту ей приходилось делить с монашкой, последовательницей культа ксено, готовившейся ко вступлению в секту элохимов. Монахиня была до ужаса худой, у нее воняло изо рта, и полностью отсутствовало чувство юмора. Когда капитана – некую Содео Матака – задержали за контрабанду, а корабль конфисковали, Вайз с облегчением восприняла долгие допросы, которым подверг ее Контроль Альянса. Все лучше, чем не вполне нормальная монашка, без конца твердившая заученные фразы об Ушедших и бывшаяся головой о пол в приступе религиозного умопомрачения. Впрочем, теперь это было уже неважно. Вайз не волновали ни Альянс, ни Матака, ни тем более Дурдом. Она была свободна, и ей наконец ничто не угрожало.

Лишь бы только выбросить из головы ту неприятную холодную дрожь, которую она ощутила еще сильнее, едва ступив на трап! Но пока что Вайз решила об этом не думать. Она не спеша начала доставать свое имущество – книги по астролокации, модули памяти, сувенирные брелки за литературные абонементы в библиотеках Потока, проигрыватель «КеноЗеро» и – что самое важное – черный куб Кристалла с записанной в нем картой всей известной Выжженной Галактики, от Ядра в Рукаве Трех Килопарсек до самых Внешних систем, забитых не входящими ни в какие объединения планетами и Пограничными герцогствами.

У Эрин Хакль, в отличие от Вайз, не имелось практически ничего.

Окинув критическим взглядом свою каюту, она почти сразу же схватилась за висевший перед входом в микротуалет турник. Раз подтянувшись, она решила, что снаряд не помешает усовершенствовать, воплотив в жизнь ряд собственных идей. Она также обратила внимание на то, на что едва взглянула Пинслип, – черную коробочку кофемашины с простым программатором. Выглядело это как нетипичное расточительство энергии – насколько знала Эрин, в кают-компаниях уже имелась кофемашина, но вид собственной доставил ей немалое удовольствие. Может, она была и не столь хороша, как на камбузе в кают-компаниях, но, к счастью, в ней имелась опция приготовления самого обычного, веками известного человечеству кофе – черного, подобно ночи, и сладкого, подобно греху. Хакль признавала молоко только у беременных.

– Думаю, мы друг другу понравимся, – сказала она кофемашине и начала извлекать самое большое свое сокровище – модули памяти с симуляторами, которые можно было подсоединять через нейроконнектор. Часть из них, о чем она прекрасно знала, были нелегальными, подключенными к пиратским серверам, где хранились симуляторы истребителей не только Альянса (те были ей прекрасно знакомы), но и Старой Империи, а также, по крайней мере, три – времен легендарной Машинной войны, которая после Ксеновой войны и таинственной Напасти в буквальном смысле выжгла всю Галактику, оставив в живых лишь горстку пригодных для заселения систем.

Если симуляции были в самом деле настоящими, то за обладание одним таким модулем грозила полугодовая ссылка на тюремную планету. За обладание тремя... Что ж, мало кто пробовал рискнуть и сам убедиться, какие санкции грозят за установку в нейроконнекторе глубоких симуляций запрещенных древних боевых кораблей. Наверняка весьма суровые,

поскольку подробные данные о каждом из смертоносных истребителей, фрегатов и крейсеров вполне годились для постройки их реальных версий.

То, что хранилось в модулях памяти Хакль, наверняка заинтересовало бы Хаба.

Изголодавшийся, пожелтевший от неоникотина Тански вплыл в свою каюту, словно худая водоросль, распространяя вокруг слабый запах пота и тлеющих окурков. Его бритую, слегка морщинистую макушку залило компьютерное свечение от экрана голониши, которую он включил сразу же, едва успев войти. Свет лазеров падал на сморщенное лицо и свободно болтающийся комбинезон компьютерщика.

– Старая система, – определил Хаб. – Но стандарт выше среднего, – его худые пальцы заплясали по консоли с грацией пианиста. Голониша зашумела, демонстрируя структуру данных на фоне трехмерной мозаики. Тански, однако, не интересовали развлечения, которые тысячами – а может, миллионами – предлагала система корабля. Куда больше увлекал его вопрос аварийных ходов, дававших тот или иной доступ к Сердцу с уровня кают. Нажав комбинацию клавиш, отвечавших за перезагрузку системы, он быстро, еще до того как снова засветился экран, заблокировал автозапуск. Экран позеленел, покрывшись белыми, как кость, буквами.

Склонившись над клавиатурой и не глядя на комбинации букв, цифр и пиктограмм, Хаб начал строка за строкой вводить команды. Слышалось лишь его тихое дыхание и стук пластиковых клавиш.

Команда, команда, выполнить. Команда, команда, выполнить.

Ничего. Никакого доступа, никаких копий, никаких черных ходов. И проблема заключалась вовсе не в программном обеспечении – никакого физического соединения попросту не существовало, к тому же сеть была заблокирована столь мощной защитой, что та выглядела такой же огромной, как и сама сеть. Если абстрагироваться от факта, что программа еще не до конца была введена в Сердце и компьютеры корабля, защиту загрузили в самую первую очередь. Что ж, может, это был еще и не конец войны, но данное сражение Хаб проиграл в самом начале.

– Подождем Сердца, хитрый лис, – проговорил Хаб, доставая из-за уха окурков.

Из всех четверых, только что принятых на работу, только Месье не интересовали голониша, шкафчики, туалет или даже распаковка вещей. Закрыв дверь, механик рухнул на койку и почти сразу же заснул.

Корабль шумел.

Механики из Научного клана не спеша отсоединяли кабели и забирали инструменты. Системы со свежезаписанными программами ждали ввода кодов. На темных экранах компьютеров мигали белые черточки курсоров.

Сев в капитанское кресло, Миртон Грюнвальд хлопнул ладонью по кнопке, переводя сиденье в позицию полулежачего. Стоявший рядом доктор Гарпаго проверял трубки-инъекторы. При соединении с импринтом стазис приходилось подавать аккуратно, чтобы отключить двигательные функции, но не мозг.

– Как ты их оцениваешь, доктор? – спросил Грюнвальд.

Гарпаго пожал плечами.

– Они в точности такие, как вы и хотели, капитан.

– Откуда ты знаешь, чего я хотел?

Джонс присел, нажимая кнопку введения наркотика. Находившийся над управляющими консолями счетчик показал двадцать секунд. Стазис действовал быстро, но для безопасности прыжок в Глубину происходил еще через десять секунд. Естественно, в случае настоящего ввода стазиса, а не его несколько разбавленной версии запас времени обычно устанавливали больше.

– Думаю, знаю, капитан.

– Джонс... – Миртон чувствовал, как начинают застывать мышцы лица. Может, стазис и был разбавлен, но дело свое делал. – Сжался. Давай подробности.

– «ПсихоЦифр» подтвердил, что все ведут себя достаточно скрытно, – сказал доктор. – Скорее всего, они настолько отчаялись, что готовы закрыть глаза на ваше прошлое... насколько им это удалось. Заметно, что история с «Драконихой» больше всего беспокоит Хакль. Подписывая контракт, она несколько раз пыталась расспрашивать о... вашем бывшем корабле. Так или иначе, я мало что о них знаю, но «ПсихоЦифр» утверждает, что это лучшие из кандидатов. Может, для начала... вы меня слушаете?

– Да-а, – невнятно пробормотал Грюнвальд. Тело постепенно теряло структуру и очертания – Миртон уже почти плыл в кресле. – Ка-ак-нибудь на-адо будет повтори-ить...

– Сейчас будет немного больно, – предупредил доктор. – Возвращаясь к нашей теме... о механике мне ничего не известно. Какие-либо данные отсутствуют, не считая крайне высоких профессиональных оценок. Нет даже никаких спецификаций, только этот идиотский псевдоним. Но ко всем остальным бумагам не придраться. Так что, похоже, для нас он ценное приобретение. Внимание, включаю управление импринтингом.

Миртона затрясло. Почти невыносимая боль пронзила тело, вызвав ряд непроизвольных судорог.

– Тански, в свою очередь, тот еще фрукт, – продолжал доктор, проверяя уровень загрузки. – Возможно, был как-то связан с Научным кланом. Эгоцентрист до мозга костей, как и все они. Данные о прежних местах работы он стер сам. Каким образом, понятия не имею. Может, и правда он раньше нигде не работал? Скорее всего, самоучка. По сути, мы знаем о нем ровно столько, сколько хотелось бы ему самому. Быстро идет... уже двадцать процентов. Выдержите?

Грюнвальд застонал.

– Эрин Хакль была военным пилотом. Эсминцем, правда, не командовала, но это вовсе не значит, что она не справлялась со своими задачами. Поскольку официальных данных нет, подозреваю тайные операции Альянса. Молниеносная карьера – а потом она вдруг исчезает, причем имея весьма хорошие рекомендации от начальства. Почему – неизвестно. Известно лишь о нескольких последних, не особо интересных контрактах, но трудно сказать, чем они закончились. Уже почти сорок процентов... еще немножко... – доктор поскреб плохо выбритый подбородок. – Больше всего мы знаем о Пинслип Вайз. Она – гений астролокации и высококлассный глубинник. Родом с Евромы-7, маленькой лесистой планеты. Увы, последние несколько лет она провела в Дурдоме – кажется, три года. Это мы знаем точно, поскольку такие документы не скроешь.

– В Ду-урдо-оме?!

– Именно. На Центральной психиатрической планете Альянса. Но прежде чем вы заявите, что сумасшедшая вам на корабле ни к чему, напомню, что хорошего астролокатора практически не найдешь, и уж точно не на то жалованье, которое позволяет ваш бюджет. А она весьма хороша... хотя и ведет себя... не знаю... как мимоза? Девяносто процентов. Уже почти всё.

Грюнвальд его не слушал, обмякнув в кресле. Внезапно, когда желтая полоска загрузки сменила цвет на зеленый, он ощутил корабль.

Вряд ли это чувство можно было описать словами. «Ленточка» вдруг попросту стала полностью принадлежать ему. Он ощущал потоки и пульсации в реакторе, размеренный шум Сердца, воспринимая нервными окончаниями щекотку компьютеров и генокомпьютеров, напряженные волны антигравитонов, а также сам глубинный привод, опутывавший корабль сетью соединений и магнитно-гравитационных наростов. Может, что-то еще, нечто почти

неуловимое, но ощущение взаимосвязи уже исчезало, расходясь медленными волнами и ослабевающая вместе с воспоминаниями о боли.

– Готово, – кивнул доктор Гарпаго. – Мне стоит говорить, что это вас убьет?

– Дай... – простонал Грюнвальд. Поморщившись, доктор протянул ему бутылку с энергетиком. – Не то... – скривился Миртон, но доктор был неумолим.

– Никакого алкоголя после импринта, – объявил он. – Предписание врача. Вам уже хватит.

– Эгоцентрики, говоришь?

– Все до единого.

– Ты разыграл все так, как я говорил?

– Да. Они думают, будто что-то выяснили, но на самом деле не знают ничего.

– Хорошо. А ты... как их оцениваешь? Поладят друг с другом?

– Насколько смогут. Похоже, Хакль понравилась Вайз, но могу поспорить, что лишь до поры до времени, – доктор Гарпаго отключил трубки со стазисом. – «ПсихоЦифр» никогда не ошибается. А, по его мнению, о вашей новой команде точно можно сказать одно.

– И что же?

– Сыгранной команды из них никогда не выйдет, даже если бы они сами захотели, – ответил доктор, а затем, наклонившись к капитану, прошептал: – И они никогда не узнают правды.

2. Слежка

*Человека ограничивает сам человек.
Книга злохимов*

Отверженный.

Натрий Ибессен Гатларк из рода Гатларков сидел на террасе старинного родового замка Гатларк, недовольно глядя через выщербленное ограждение.

Веселье только начиналось. О празднестве в честь помолвки Исы Анемотрии Ибессен Гатларк с принцем Рунхоффом Казаром из рода Исеминов, транслировавшемся вживую с помощью тысяч летающих голокамер, было объявлено больше лазурного месяца назад, и оно должно было продолжаться еще по крайней мере месяц. Торжество по случаю будущего замужества глуповатой Исы с якобы слегка психически ненормальным Рунхоффом все же не относилось к разряду обычных. Союзу двух молодых людей предстояло завершить старый конфликт между системами Гатларк и Исемин. «Собственно, даже не конфликт, – подумал Натрий, – а бессмысленную грызню. Грызню, которая ни к чему не приводила и вполне могла длиться еще несколько столетий».

Гатларк, Исемин и полтора десятка других близлежащих систем официально входили в состав Альянса, который – по великой своей милости – позволял частично сохранять структуры Старой Империи. Чем ближе система находилась к ядру Выжженной Галактики и Лазури – планеты-столицы Альянса, – тем меньшую терпимость к ней проявляли. Кого, однако, волновали Пограничные герцогства? Внешние системы на краях Выжженной Галактики, может, и объединялись в коалиции или вели между собой романтические войны, но – что важнее всего – регулярно платили причитающиеся налоги и выделяли часть своих флотов пограничникам для их патрулей, охраняющих Галактическую границу. Соответственно, им позволяли существовать в прежнем виде – как из сентиментальных чувств и удобства, так и из-за невозможности полностью их контролировать.

«Что ж... интересно, позволят ли нам существовать так и дальше, когда мы заключим союз с соседней системой, – с усмешкой подумал Нат. – Пока что ничего особо интересного. Бывшие генералы крутятся внизу, подобно сломанным каруселям, вспоминая былые дни космической славы и борьбы с Исемином. С точки зрения нашего нового союзника, дело вполне выгодное. Системы Гатларков – Гадес, Эзоон или Дохлый Пес – основательно обогатят их галактический портфель. Но – мир? Застой? Генералы наверняка напьются, – решил он. – Я бы тоже напился, если бы отец пустил вниз сына-калеку, страдающего психофизией. Отверженный, – снова пробормотал он себе под нос. – Отверженный».

Обреченно вздохнув, он нажал клавишу на пульте своей антигравитационной коляски, приблизив фрагменты показывавшей торжество голограммы. Подвыпившие дамы, молодые щеголи, чиновники... Где-то там и отец. Интересно, он...

Погоди-ка.

По изображению что-то промелькнуло – лишь на мгновение, но нечто такое, что сразу же должно было вызвать у Натрия некие ассоциации. Что-то, внушавшее тревогу.

Он провел пальцами по клавишам. Картинка замерцала и стабилизировалась, сосредоточившись на одной конкретной личности в серой чиновничьей форме. Форме, характерной лишь для одной группы, прекрасно известной во всей Выжженной Галактике.

Контролер Альянса.

Не может быть.

«Вальтер Динге», – услужливо проинформировал Поток. Контролер Альянса без выделенного ему сектора для контроля.

Нат почти сразу же нажал кнопку вызова. Встроенный в кресло голопроектор зашумел и выплюнул небольшую сферу, в которой появилось заспанное лицо коротко подстриженной Керк Блум. На заднем фоне виднелась захламленная деталями генокомпьютеров комната и немилосердно измятая постель.

– Нат... – Керк потерла глаза. Он заметил шедший от ее плеча кабель – похоже, она снова подключилась. – Чего тебе? Ты что там, не развлекаешься?

– Канал закодирован? Никто нас не слышит?

– Сейчас... – лицо Блум на мгновение исчезло из сферы. – Уже нет, – сказала она, появляясь снова. – Стопроцентное экранирование. Спать хочу, – зевнула она. – Сегодня чинила клиенту личную систему... повреждение персонала с отключением функции эпифиза. Нат, знаешь, до чего же это напастно больно? А ты что, просто потрепаться захотел?

– Мне на все это наплевать, Блум. Нам сел на хвост контролер Альянса, – процедил Натрий. – Шпион с Лазури!

– Контролер? Здесь? В этой заднице? – Керк протянула руку и отсоединила кабель. Видно было, как по ее телу пробежала дрожь – отключение от системы приятных ощущений отнюдь не вызывало. – Что он тут делает?!

– Это ты мне расскажи. Я его только... – он поколебался. Блум, может, и знала о психологии, но ей вовсе не обязательно было знать, что эта болезнь означает для него лично. – Я его только случайно увидел и понял, что что-то тут не так, – уже увереннее закончил он. – Может, Альянс заинтересуется союзом с Исемином? Может, это первые шаги перед тем, как впихнуть нас под полную юрисдикцию Лазури? А может, он узнал что-то о Ложе? – Нат понизил голос. – Мне нужно выяснить, зачем его сюда прислали. Ты подключись к нему. Полный отчет с непрерывной голотрансляцией. Мне нужно видеть и слышать, о чем он говорит и с кем, где болтается, где спит, с кем спит... в общем, все.

– Ладно, – Керк уже не выглядела полусонной. – Будет сделано, Нат.

– Я бы предпочел «Так точно, ваше высочество».

– Так точно, ваше долбаное высочество.

– За работу, – приказал Нат и выключил голопроектор.

У него были дурные предчувствия. Собственно говоря, ему вовсе не хотелось знать, до чего докопается Керк Блум.

Весь Гатларк вонял.

Запах был раздражающим и липким – странная мешанина пота, мокрых камней и чего-то неуловимого, но весьма мерзкого. Старость, решил Динге. Все дело в старости. Старая планета, старые камни, старые люди. Старость и ползучая планетарная смерть. Особенно его раздражали гости на торжестве по случаю помолвки идиотки и психопата. Прежде всего, они не отличались чистотой – естественно, не в физическом смысле, хотя он мог бы поклясться, что тела их кишат невидимыми невооруженным глазом паразитами и местными бактериями. Чистота в понимании Вальтера Динге являлась чем-то трансцендентным, независимым от тела. Чистота – это состояние души. Скажем так, им не хватало благовоспитанности.

Проклятая деревенщина.

Естественно, его пытались задержать.

Сперва к нему прицепилась некая дама, чересчур часто пользовавшаяся запрещенными Альянсом генотрансформаторами, что видно было по бледной, почти прозрачной коже, пережившей множество генетических перегрузок. Еще немного, подумал он, и ее примут за элохима. Дама была явно пьяна, и Динге едва удержался от желания ее оттолкнуть. Следующим оказался какой-то толстяк, пытавшийся представиться бароном Генхоффеном, хотя Вальтер сомневался, что точно расслышал произнесенную слюнявыми губами фамилию. Потом снова какой-то неестественно щеголеватый офицер и очередная дама, на этот раз годившаяся Валь-

теру в матери. Динге улыбался каждому и издавал культурные звуки, но взгляд его был полон отвращения, которого, к счастью, никто не замечал.

Проклятый, похотливый, вонючий муравейник! Но выхода у Динге не было – только здесь он мог добыть эти проклятые данные с поверхности планеты.

Он ускорил шаг, уже не заботясь о приличиях, и почти ввалился в свою комнату, оборудованную простым магнитным полем, которое защищало от голокамер. Гостям бала требовалась некоторая интимность. Тщательно заперев дверь, он достал контрольный модуль персонала, включив опцию голоконтакта. Устройство тихо запищало, соединяясь с расположенным над Гатларком спутником, после чего Динге включил встроенный в персонал глушитель. С этого момента все приемники и передатчики поблизости могли уловить лишь исходящий из его комнаты белый шум. Выбрав контакт и подтвердив его зеленой иконкой вызова, Вальтер улыбнулся про себя.

Наконец-то, пусть и ненадолго, он оказался в полном одиночестве.

Керк Блум пришла в ярость, потеряв связь с Вальтером Динге.

Когда голокамеры отрезал от комнаты контролера магнитный барьер, она особо не беспокоилась – замок был нашпигован жучками, которые в изобилии имелись даже в якобы отдельном от всех прочих помещении для гостей. Часть их уже работала, часть нет, а часть ей удалось активировать заново. Вскоре этот смешной шеголеватый человечек оказался перед ней как на ладони, и Керк весело смотрела, как он достает модуль персонала и кладет его на стол. Соединение со спутником! Наверняка все тот же напастный Альянс, с мстительным удовлетворением подумала она, почти машинально записывая данные спутника и номер канала связи. Ни для кого не было тайной, что в каждой из обитаемых систем на орбите болтался по крайней мере один шпион Лазури.

«Ты у меня в руках», – улыбнувшись, подумала Керк.

Увы, в это самое мгновение сукин сын включил потоковый глушитель.

Устройства для глушения сигналов были столь же стары, как и первые передатчики данных. И точно так же столь же стары были способы их обхода. До Керк, однако, доходили слухи о новой интересной технологии, которую можно было – естественно, неофициально – встраивать в уже несколько веков составлявшие часть человеческих организмов персонали: хитросплетение введенных в тело проводов, нанитов и микрочипов, без которых в Выжженной Галактике человеческий организм попросту не мог нормально функционировать.

«Это конец», – решила Керк. Никто и ничто не могло пробиться через подобный белый шум. Существовали фильтрующие программы, якобы позволявшие выделить из сигнала заглушаемую передачу, но Блум знала, что пока что это лишь пустые мечты. Из качественно заглушенного Потока можно было получить самое большее хаос, перемежающийся немногочисленными фрагментами данных.

«Нат придет в бешенство», – подумала она. Что ж, это не ее проблема – ничего больше поделаться она все равно не могла. Нату она была обязана многим, в том числе жизнью, но через глушитель не пробиться никому. Это было попросту невозможно. Тот напастный контролер экранировал всю комнату так, будто находился в пузыре информационного вакуума.

Разве что...

Керк включила нейроконнектор. Полностью подключаться она не стала – лишь вызвала интерфейс компьютерного управления и быстро просмотрела записи за последние несколько минут. Данные спутника и контактный номер все еще оставались там, поблескивая зелеными циферками на черном фоне. Блум машинально проверила каналы связи. Спутник заливал участок планеты сканирующим полем с возможностью отправки и приема данных. Он принимал белый шум из комнаты Вальтера, но внутри его хранилась незакодированная передача, навер-

няка шифровавшаяся лишь с помощью внешней программы и передававшаяся на Лазурь с помощью глубинного передатчика.

Динге мог заглушить комнату, но не мог заглушить спутник. Зато у Блум имелся доступ к спутнику Альянса – если ей удастся его взломать... или скорее подслушать, о чем шепчутся в Потоке.

Ей никогда еще не приходилось идти на подобный риск. Если Альянс ее обнаружит, ей придется убираться с Гатларка – а может, и из всей Выжженной Галактики.

Поколебавшись лишь мгновение, Керк Блум вновь влилась в систему, превратившись в поток компьютерных данных. Всплыв вместе с ними наверх, она притаилась в потрохах спутника, прогуливаясь, словно муха из нулей и единиц, по пузырьку сетевых экранов. Ей хватило нескольких секунд, чтобы понять, что в спутнике установлены стандартные программные преграды, не представлявшие особых проблем для генохакера. Однако пробиваться сквозь них она не стала, копируя все данные – вместе с разговорами Вальтера Динге – в свою собственную систему. Сам процесс копирования в принципе поддавался обнаружению, но Блум прекрасно знала свое дело. Она запустила хакерскую подпрограмму, имитировавшую стирание копии в реальном времени и притворявшуюся внутренним программным обеспечением спутника. Благодаря этой операции все выглядело так, будто сам спутник сбрасывал данные во вспомогательную память с целью их защиты и дефрагментации. Система эта, однако, имела один недостаток: длившийся долю секунды импульс в памяти спутника, с помощью которого ее могли обнаружить. Этого импульса Керк боялась больше всего, но выбора у нее не оставалось.

По прошествии нескольких лазурных минут она убедилась, что контролер закончил свою передачу. Динге переслал свои данные и получил ответную информацию, наверняка отправленную раньше и ожидавшую приема в памяти спутника. Проверив, что скачано действительно все, Керк завершила процесс и покинула спутник, по возможности затирая все свидетельствовывавшие о ее присутствии следы. Отключилась она и от нейроконнектора, пробудившись из генокомпьютерного транса.

Блум села на постели, ощущая холод, как обычно бывало после чересчур напряженного пребывания в системе, и машинально почесала плечо возле контактного интерфейса – порта доступа персонала, позволявшего подключаться к Потоку через нейроконнектор.

– Ладно, – хрипло проговорила Керк, вновь включая нейроконнектор и консоль. Теперь она уже могла беспрепятственно пробиться через скопированные сетевые экраны. – Посмотрим, что тут у нас.

Передача Вальтера Динге и передача с Лазури длились около трех стандартных лазурных минут. Керк Блум включила воспроизведение, чтобы первой услышать то, что хотел получить Нат.

По мере того как она слушала, ее прекрасные миндалевидные глаза становились все шире.

3. Сюрприз

Неизбежен вопрос: что я могу сделать для Плана? Ничего. Ты не можешь быть лишь препятствием для его реализации. Необходимо обретение технологического спасения.

Выдержки из «Плана стрипсов»

Глубина.

Ученый конца XX века доимперской эпохи, некий Ален Аспект, обнаружил, что субатомные частицы взаимодействуют между собой не только мгновенным образом, но и вне зависимости от разделяющих их расстояний. Каждая электронная частичка тотчас же знает, что происходит с другой частичкой на другом конце Вселенной. Вселенная оказалась Великой Одновременностью, которую благодаря глубинному приводу Гарольда Крэмптона можно было пересечь, оказавшись в предварительно занесенной в каталог точке Галактики. Если, конечно, удавалось рассчитать параметры такой точки.

Экстраполяция данных прыжка была не единственным ограничением. В зависимости от массы корабля и мощности глубинного привода, а также таких данных, как параметры переменных векторов или гистерезис, использовавший прыжковую экстраполяцию корабль мог позволить себе прыжок в радиусе всего лишь нескольких световых лет, не рискуя исчезнуть в космической бездне. Любая малейшая ошибка в расчетах могла отбросить его за миллионы или триллионы километров от цели, тем самым обрекая на гибель во вселенской пустоте. Поэтому в имперскую эпоху, когда Галактикой правила Старая Империя (называвшаяся тогда не Старой, а Галактической Империей), беспилотные зонды с глубинным микроприводом засекали межзвездное пространство семенами локационных буев, оборудованных глубинными передатчиками, которые позволяли более дальние прыжки, хотя и не превосходившие пятнадцати световых лет. Соответственно, чтобы пролететь через всю Галактику, имевшую в поперечнике около ста двадцати тысяч световых лет, теоретически требовалось совершить восемь тысяч прыжков по пятнадцать световых лет каждый, хотя физически – учитывая материальные ограничения и необходимость заряжать реактор – это было невозможно.

Так или иначе, Галактика постепенно каталогизировалась – хотя разумнее было бы говорить, что ее покрыла сеть соединенных между собой точек. Вряд ли стоило считать ее точной картой – настолько огромным было разделявшее точки расстояние. Но чтобы создать даже такую сеть, человечеству пришлось дожидаться рождения Крэмптона, который показал, как совершить прыжок через таинственное пространство, находившееся одновременно во Вселенной и за ее пределами.

Прыжок через Глубину.

На «Ленточке» не было ни единой живой души.

Выдернув корабль из Глубины, глубинный привод медленно угасал, уступая место остальным навигационным системам, получавшим питание от реактора. Символ глубинного привода – двойной круг – все слабее мигал в уголках экранов, пока наконец не исчез полностью. Корабль разогнался до половины скорости света, постоянно отслеживая перегрузку, которую уравнивали антигравитоны.

Компьютерное Сердце «Ленточки» с тихим жужжанием перерабатывало данные, считывая их с модулей и кристаллов памяти. Мозг Сердца – небольшой нейронный генокомпьютер предпоследнего поколения – двукратно тестировал все системы корабля. Лишь проведя все необходимые расчеты, он принял решение о подаче на борт кислородно-азотной смеси и воскрешении экипажа.

Слово «воскрешение» заменило «пробуждение» после того, как человечество уже поняло, что Глубину можно безопасно преодолеть лишь благодаря стазису. В отличие от использовавшегося ранее анабиоза стазис не замораживал организм, но вводил его в воистину шредингеровское подвешенное состояние, когда, подобно знаменитому запертому в ящике коту жившего в доимперские времена физика, человек в состоянии стазиса не был ни жив, ни мертв, пребывая в итоге в полной безопасности. И, хотя иногда все же употреблялись слова вроде «пробуждение» или «выход из стазиса», все прекрасно понимали, что речь идет о чем-то значительно более глубоком.

Производством позволявшего войти в это состояние наркотика, который называли гасителем, стазисом или «белой плесенью» по цвету планеты, откуда его доставляли, занимался исключительно Научный клан. Естественно, пытались искать и другие решения – в конце концов, бессознательного состояния можно достичь множеством способов. Однако еще во времена Старой Империи стало ясно, что усыпленный или замороженный мозг может воспринимать данные даже вопреки собственной воле, а данные эти могут рано или поздно привести к безумию и смерти, ибо пребывание в Глубине в сознании вызывало не до конца объясненный прогрессирующий распад нейронных связей. Итогом становилась неизбежная смерть мозга, а предшествовавшему ей состоянию могли бы позавидовать продвинутые шизофреники и психопаты.

Судя по историческим сведениям, лишь Машины, как до этого часть Иных, могли беспрепятственно преодолевать Глубину – что в конце Машинной войны едва не привело к вымиранию человечества. Многие заплатили смертью за знание о том, что корабли Машин способны реагировать сразу же после появления из Глубины. Человечеству же требовался стазис, так что было решено, что расстояние и время, необходимые для полета сквозь Глубину, определяются не только объемом энергии, поставляемой реактором глубинному приводу, или тоннажем самого корабля, но и количеством требовавшегося для этого наркотика, дозы которого, рассчитанные Сердцем, позволяли совершить полет без послеглубинных осложнений.

Пинслип ожила первой.

Так было всегда – насколько она себя помнила, ей требовались самые маленькие дозы гасителя, а процесс воскрешения происходил у нее почти мгновенно. Когда-то, еще во времена учебы, кто-то угостил ее нелегально добытой дозой разведенного стазиса, после чего она тут же свалилась, и пришлось вызывать реанимационную бригаду. Случившееся несколько не способствовало ее будущей карьере астролокатора и обошлось в немало дополнительно оплаченных сессий ПСП, или Подготовительной стазис-программы, которую ей пришлось пройти, чтобы попасть хоть на какой-нибудь корабль с глубинным приводом. Время показало, что расходы окупились с лихвой.

Она лежала на разложенном в стазис-навигаторской кресле не шевелясь – единственным ее движением стало поднятие век. Далеко не каждому капитану было по нраву, когда кто-то из команды воскресал раньше него. Она мысленно отсчитывала секунды – одну, вторую, третью... а дойдя до пятой, услышала кашель первого пилота Эрин Хакль.

– Никак не привыкну к этому дерьму, – заявила Эрин, хлопая по кнопке, переводившей кресло в сидячее положение. – Кто-нибудь уже тут?

– Да, – прошептала Вайз, тоже поднимая спинку кресла.

– Отлично. Найди мне локационный буй.

– Так точно.

– Я пошел к Сердцу, – хрипло проговорил только что воскресший Хаб. – Что с капитаном?

– Пока как кот в ящике.

– Хм, вы даже шутить способны? – удивился Месье, слезая с кресла. Толстый механик потянулся и судорожно закашлялся. – Как очнется, скажите ему, что я пошел взглянуть на реактор.

– Погодите, – возразил доктор Гарпаго, выбираясь из кресла и подходя к Миртону. – Капитан уже с нами. Еще немного... и все, – он нажал кнопку пробуждения на панели управления стазисом сбоку капитанского кресла.

– Буй 736В, пограничная зона системы Гадес, – начала зачитывать Вайз. – Три возможных пути подхода к станции Гадес-Сигма.

– Каков уровень безопасности корабля? – хрипло спросил Грюнвальд. Эрин машинально бросила взгляд через плечо. Миртон в самом деле уже неуклюже сидел в кресле, словно воскрес не после них, а до.

– Желтый, – ответила Пинслип. – Редкие системные патрули, возможна преступная активность.

– Пираты? – поинтересовался Месье, подходя к ведущей на нижнюю палубу лесенке.

– Гадес – шахтерская планета в первой зоне Внешних систем, – объяснил Грюнвальд. – А там, где есть шанс на добычу, появляются и пираты – особенно если речь идет о каком-нибудь мелком герцогстве. Месье, разрешаю спуститься в машинное отделение. Глянь, что там с реактором.

– Благодарствую.

– Хакль, выбираем путь В. Час управляемого полета, затем пилотирование возьмет на себя наш кастрированный искин. Вайз, тщательно проверь системную карту. Не хочу никаких сюрпризов, кроме... ожидаемого.

– Ожидаемого? – переспросила Хакль. Миртон пожал плечами.

– Возможно, нас ждет скромная встреча. – Он повернулся в кресле. – В окрестностях станции. Хаб, слышишь меня?

– Четко и ясно, – протрещало в динамике.

– Что говорит Сердце?

– Подтверждает удачный прыжок и готовность всех систем. Отчетливо ощущается послеглубинная волна.

– Пусть так и остается. Проверь автоматику верхней палубы, особенно связь с боевой рубкой. В случае каких-либо неприятностей будем обороняться тем, что есть, пока не найду специалиста по оружию. Доктор Гарпаго?

– Да?

– Кофе.

Проверяя запорные вентили с фонариком в зубах, Месье думал о Пинслип Вайз.

К женщинам он относился достаточно просто – он их покупал. Изображавших из себя дам девиц-андрогинов, черных полногрудых злюк и худых как щепки бывших любительниц генотрансформаторов, обычных ленивых шлюх с захолустных шахтерских верфей и странно напуганных сиястых обитательниц немногочисленных сельскохозяйственных планет Альянса, вонявших скотиной, сеном и страхом.

Но ни одна из них не подействовала на него так, как миниатюрная, похожая на девочку-подростка Вайз.

Эрин Хакль он не удостоил даже взглядом – за парсек было видно, что она из бывших военных, а подобные бабы обычно лежали в постели как бревно. Да, симпатичная, с небольшой, хоть и торчащей, грудью, но один лишь вид военной формы отбивал у него всякую охоту. Плюс еще ее светлые волосы, завязанные в какой-то солдатский конский хвост... Хакль наверняка даже спала в форме, для надежности засунув себе между ног снятые с мундира нашивки. В этом он не сомневался.

Пинслип – совсем другое дело.

Она выглядела столь слабой и эфемерной, что ее хотелось просто придушить. В отличие от светловолосой Эрин, у нее были длинные, черные с фиолетовым отливом волосы. Отчего-то она вызывала у Месье ассоциации с неким талисманом, дающим немедленное и беспроблемное наслаждение. От нее исходил свежий, не вполне понятного происхождения запах, вызывавший у него болезненную, мучительную эрекцию. К тому же она носила короткое, обтягивающее изящный задик платье. Платье! Последнее он видел, пожалуй, разве что в каком-то засранном музее. Средневековое одеяние доимперских времен вызывало у него еще большее желание.

Именно из-за нее он решился на этот контракт. В запасе у него имелось еще три варианта – окрестные системы не предлагали особого выбора. Но когда он пришел на встречу с доктором и увидел Вайз, его перестала интересовать плата или возможность устроиться на фрегат герцогства Хьюстон. Автоматически подписав контракт, он позволил внести свои данные в потоковую Торговую систему Альянса. Капкан захлопнулся, и теперь каждый потенциальный работодатель будет смотреть на историю его трудоустройства через призму корабля, на который он нанялся из-за зудевшего члена.

«Я должен ее заполучить, – подумал он тогда. – И заполучу». Пинслип Вайз предстояло близко познакомиться с Месье – намного ближе, чем она могла предположить. Можно даже сказать – познать его во всех смыслах, и притом неоднократно. Но с данным конкретным мотыльком вряд ли все получилось бы легко и просто. Он видел, как она на него смотрит – словно на пустое место, видя лишь жирный грубоватый силуэт закопченного бортмеханика.

Но все наверняка должно было стать иначе, и, может быть, уже скоро. Корабль был не слишком велик, но вполне достаточно, чтобы почувствовать себя одиноким. А он, Месье, позаботится о том, чтобы раз и навсегда покончить с одиночеством. Как следует ее придушить, овладеть ею, а потом...

Он вынул изо рта фонарик. Мысли мешали ему работать, и он немного подождал, пока видение ослабнет, сменившись монотонным шумом машинного отделения корабля.

«Главное – спокойствие», – решил он и снова сунул фонарик в зубы.

Пока Хакль и Вайз занимались коррекцией траектории корабля, Хаб успел узнать много интересного.

Сердце, с которым он уже успел подружиться, напоминало формой срезанный у основания шар, внутри которого он сейчас находился. Вокруг мигали информировавшие о состоянии систем огоньки и теснились лесенки клавиатур. Тански сидел внутри сферы словно старый отощавший паук, высасывавший живительные соки из потоков данных. Он развернул свою паутину, цепляясь к черным шкафчикам компьютерных и генокомпьютерных подсистем, в большинстве своем исполнявших роль банков резервной памяти для самого Сердца, оборудованного блокировкой искусственного интеллекта, как того требовал Альянс, и скрывавшегося за простым кинескопным экраном, расположенным под изобиловавшей кнопками контактной консолью.

Хаб решил, что сердце корабля должно стать и его сердцем. Лишь тогда он сможет погрузиться в полную покоя и стабильности тишину. Тишину, полную свободы. Разве любым королевством не правили на самом деле маги? А он, Хаб Тански, был могущественным магом, вооруженным миллионами микроскопических магических книг. Да, это сравнение особенно ему нравилось. Маг за спиной короля. Человек за занавеской. Хаб, сотканный из тени.

Ему требовалось только знать.

Увы, знание было ему недоступно.

Сперва он не понял, что происходит. Да, у него имелся доступ ко всему... но, по сути, этот доступ на уровне пользователя ничего ему не давал, не позволяя войти в ключевые данные. Кубики были уже расставлены, и он мог прогуливаться по образованному ими лабиринту,

но не мог ничего построить сам. Некоторые здания были заперты и даже забиты досками, а часть их украшали раздражающие надписи: «Информация только для капитана», «Свяжитесь с администратором», «Введите капитанский пароль доступа».

Подобным образом защитить систему никто не мог. Это было не только невозможно, но и оскорбительно. Как долго ему удастся шарить в аортах Сердца, оставаясь незамеченным? Пациент оказался весьма искушенным, но и он, Хаб Тански, был опытным хирургом. Что, однако, в состоянии сделать хирург без согласия больного? Что он может сделать, столкнувшись со столь печальным отсутствием доверия? Это пугало его и тревожило. Отсутствие доверия было для него чем-то новым – и весьма неприятным.

«Импринт», – вспомнил он. Гарпаго во время подписания контракта говорил что-то о том, что капитан будет находиться в состоянии импринта с кораблем. Не может быть – и тем не менее... Полное слияние с кораблем, побочный эффект попыток преобразовать человека, которые проделывали над людьми Машины. Но это было тысячелетия назад, в конце войны! Хабу доводилось читать самое большое о двух подтвержденных случаях за последние двести лет... да и те воспринимались скорее как легенда или диковинка. Как такое вообще возможно?! Удобнее устроившись в своем паучьем коконе, Тански начал нервно вводить очередные бесполезные команды.

Сигнал объявленной Миртоном «скромной встречи» появился на мониторах чуть меньше чем через тринадцать часов.

Его услышал доктор Гарпаго, сидевший в своей каюте после только что принятой дозы успокаивавшего тело и душу когнитика, запрещенного в большинстве цивилизованных систем.

Его услышала Пин, подумав, не очередной ли это симптом окутывавшего корабль странного холода.

Его слышали сидевшая за приборами прыгуна Эрин и трудившийся в машинном отделении Месье. Услышал его и стучавший по клавишам Хаб Тански.

Услышал сигнал и Миртон Грюнвальд.

Капитан «Ленточки» лежал на удобной кушетке, держа в руке стакан с выпивкой и нажимая кнопку голопульта. В центре каюты появлялся голубоватый светящийся силуэт женщины, которая произносила два слова, улыбалась и исчезала, после чего Грюнвальд снова нажимал кнопку, и представление повторялось сначала.

– Хватит, Миртон, – говорила голографическая женщина. – Хватит, Миртон.

– Сама знаешь – не могу, – отвечал он.

– Хватит, Миртон, – повторила она, но картинка уже дрожала, искаженная вибрацией сигнала о приближении «Ленточки» к некоему космическому объекту.

– Могу сказать одно, – заявил Миртон, выключая голо. – У тебя получается все лучше и лучше.

Женщина улыбнулась и пропала.

4. Зонд

*Я – наука. Я – свет во мраке, надежда в сомнениях, спасение в
гибельные времена. Я – наука, а наука – меч мой и щит.
Математический альманах Научного клана, фрагмент предисловия*

Вальтер Динге, контролер Альянса, кавалер ордена Лазурной жемчужины, чиновник третьей степени, дипломированный специалист в области системного хозяйства и один из шести самых доверенных сотрудников КА, чувствовал, как у него потеют подмышки.

Естественно, это была лишь иллюзия – пятнадцать стандартных, то есть лазурных, лет назад Динге подвергся простой легальной генотрансформации, и его тело больше не выделяло никаких ненужных жидкостей. Ощущение стекающего пота, однако, никуда не девалось – подобно фантомной боли, оно появлялось даже на сухой и тщательно вымытой дезинфицирующим средством коже. Все из-за проклятой грязи и биологических испарений – Вальтер в буквальном смысле видел, как атмосфера Гатларка пытается окутать его парами, нарушая столь любимую им чистоту. Даже там, где, казалось, было чище всего – в каменных Пустошах.

На Гатларке, как и на большинстве населенных планет, имелись городские агломерации. Странность их, однако, заключалась в том, что они уходили корнями в древнее Средневековье, о котором Вальтер знал лишь то, что оно относилось к доимперским временам. Видимо, первые имперские поселенцы представляли собой некий любопытный исторически-религиозный осколок, поскольку они отказались от многих удобств, которые предлагала Старая Империя, и по завершении терраформирования решили возвести каменные здания, используя для этой цели местную разновидность известняка и серо-белого песчаника.

Ладно, не важно. Риск следовало свести к минимуму, и Вальтер сообщил координаты точки на границе окружавших столицу Пустошей. За ними, как он уже успел понять, простирались лишь Мрачный лес – так местные называли густую чащу странно скрученных толстых деревьев. Прекрасное, отдаленное, а самое главное, безлюдное место встречи. Отличный выбор – пока он не понял, что не знает, как туда попасть.

Желая сохранить тайну, он предпочел не пользоваться антигравитационными скутерами, которые предлагал замок Гатларк. В конце концов, уже потеряв надежду, в здании с вывеской «Гутфин и сыновья» он нашел ходуны – относившиеся, похоже, еще к Имперской эпохе металлические ходячие устройства с примитивной, не подпадавшей под запрет машинерией. Состоявшие из рычагов, шестерен и трубок, они выглядели так, будто вот-вот развалятся.

Хозяин, скаля желтые зубы, радостно сообщил, что это «авторизованные самим герцогом Ибессеном паровики». Лишь после долгих объяснений стало ясно, что металлические устройства используют некую основанную на давлении пара технологию и не снабжены даже самыми простыми антигравитонами, а это означало, что в случае падения Вальтер вполне мог свернуть себе шею.

– Вот тут повернете, и порядок, – говорил довольный торговец, показывая на торчащие из ржавой панели управления рычаги. – Вот эта ручка для скорости, автопилот на замок запирается...

Ходун пыхтел и клокотал, а сиденья на его верху – для водителя и пассажира – выглядели изрядно потертыми, и из них вылезала губка. Вальтер решил, что на максимальной скорости доберется до места за стандартные пятьдесят минут.

Поездка стала для него настоящим кошмаром. Механизм раскачивался, тряся, с шипением выпускал пар и скрежетал. Добравшись наконец до цели, Динге едва сумел слезть с сиденья. Ему пришлось с минуту подождать, прежде чем он смог полностью выпрямиться. Однако, в отличие от физического состояния, в душевном плане он чувствовал себя намного лучше.

Не так уж страшны Пустоши, решил он. Каменная равнина с немногочисленными кратерами, испещренная скоплениями белых кустов, действовала успокаивающе. К тому же тут наверняка было чисто. Может, просто обо всем забыть, хотя бы на мгновение? Нет. Никак и ни за что. И все из-за Мама Кость.

Запищал сигнал на модуле персонала. Вальтер бросил взгляд на небо, где постепенно увеличивалась черная точка, и со странной обреченностью достал маленькую коробочку с ионизирующими таблетками, которые он принимал с тех пор, как появился на орбите этой унылой системы. Таблеток оставалось еще восемь. Ему не хотелось думать, что с ним будет, когда они закончатся.

Небольшой кораблик, глубинный прыгунок «Игла», уже садился на планету. Корабль едва заметно задрожал, охлаждая поверхность, а затем открылся вертикальный люк, и на Гатларке появился его пассажир – опутанная управляющими механизмами Маделла Нокс, верный гончий пес Совета Альянса, повсеместно известная как Мама Кость. Ее называли «бичом контролеров», и в этом не было никакого преувеличения, хотя от названия ее официальной должности еще больше бросало в холод: смотрительница сектора Контроля. Но слово «смотрительница» употреблялось редко. Нокс предпочитала, чтобы к ней обращались по прозвищу, в чем Вальтер не видел никакого смысла. Но, по крайней мере, оно вполне подходило к ее худой фигуре и бледному лицу со сжатыми в тонкую линию губами – она действительно напоминала обтянутый кожей скелет.

– Внешние системы, – проговорила она, отсоединяясь от мигающих голубыми лампочками модулей. – Хуже того – какое-то всеми забытое Пограничное герцогство. Пусть уж лучше это в самом деле окажется правдой, Динге.

– Это правда, Мама.

– Посмотрим. Раз уж ты меня сюда вытащил – значит, уверен, как Напасть знает кто. Да, да... – Она неохотно махнула рукой. – Знаю, про меня ты не думал. Что, неприятный сюрприз, Динге? Ожидал какую-нибудь мелкую сошку из КА? Которой ты мог бы скормить любую чушь и похлопать на прощание по спине, после того как он подпишет разрешение на вмешательство? Нет, извини – тебе было нужно вовсе не это, – лишь не осознававший опасность новичок воспринял бы улыбку Мама Кость как желание разрядить обстановку. – Никакие разрешения тебе не требовались. Ты знал, что когда твоя информация дойдет до Лазури, ты уже давно уладишь все сам. И оправдание у тебя найдется.

– Контроль? – сухо спросил Динге.

– Контроль, – неохотно согласилась Нокс. – Снова слухи насчет Возвращения и тому подобная чушь. Элохимы летают у Галактической границы как сумасшедшие, Собрание выступает с какими-то мрачными предсказаниями... Чего стоишь? Помоги мне выйти. Нужно перебросить координаты «Иглы» на «Няню». Если у тебя действительно что-то ценное, может, попрошу разрешения официально нарушить запрет на вход в атмосферу, и нам спустят транспорт.

– «Няня» здесь?

– Не думаешь же ты, будто я прилетела в эту жопу мира на глубинном прыгунке? Я уже почти год в контрольном полете. А ты на чем сюда прилетел? Не на этом же? Что это – старомперский ходун?

– Я прибыл «ТрансЛинией»... Но... не вызовет ли подозрений корабль класса эсминца? Я ведь прямо говорил, что мне важно сохранить тайну...

Маделла поморщилась.

– Не носи чушь, Динге. «Няня» – не крейсер. Она лишь чуть больше типового фрегата. Никто тут из-за этого не обмочится в комбинезон. Не тот порядок величины.

– У Гатларка есть сканирующие спутники, Мама. И собственный флот. Может, и небольшой, но...

– Всех технических усовершенствований «Няни» так просто не обнаружишь. Для постороннего наблюдателя это лишь небольшой эсминец. Напасть, мне что, учить тебя классификации кораблей? Дай мне руку, или я оставлю тебя на этой захолустной планете контролировать ежегодный прирост чирьев у каждого ее жителя.

Мысленно вздохнув, Вальтер неохотно подал руку Маме Кость.

Нат понятия не имел, почему он не избавился от Аро – своего механического опекуна. Может, из-за первобытного страха, который он ощущал при виде Машины, – страха, приятно напоминавшего симптомы психоза.

Человечеству потребовалось триста лет после Машинной войны, чтобы решиться на появление первых полуразумных механизмов, и еще триста, чтобы начать создавать новое, хотя и обедненное с технической точки зрения, поколение Машин. Новые Машины грубо подразделялись на три разряда. Первый означал устройства с искусственным интеллектом на уровне насекомых, второй – зверей, а третий, опасно приближавшийся по разуму к человеку, был наспигован всевозможными средствами защиты.

Существовали якобы и Машины повышенного третьего разряда, именовавшегося также уровнем три с половиной, интеллект которых почти соответствовал человеческому, но встречались они столь редко, что найти их можно было только во Внутренних системах, а количество их ограничивалось жесткими протоколами Совета Альянса. Мифический четвертый уровень был полностью запрещен под страхом смерти, но даже Машины третьего уровня воспринимали во Внешних системах как неких демонов из древних легенд, облеченных в металлические тела.

Натрия Гатларка демоны нисколько не волновали – в конце концов, его и так подозревали в том, будто он сам один из них.

Сейчас имело значение только время. Получив информацию от Керк, Нат почти сразу же отправил сообщение в защищенном глубинном зонде. Более быстрого способа не существовало, так что оставалось лишь ждать ответа. Нат рассчитывал, что, если ответ запишут достаточно быстро, зонд должен преодолеть обратный путь примерно за пятьдесят шесть стандартных минут.

Проблема галактического общения решалась тройко. Можно было отважиться на связь посредством Потока, переславшего информацию от одного стационарного спутника до другого, что само по себе уже означало, что отправленная с помощью глубинного передатчика данного спутника информация достигала цели со значительной задержкой. Впрочем, именно так функционировал Поток, основанный на электронном шуме, испускаемом каждой населенной системой, и опутывавший Выжженную Галактику таинственной сетью постоянно обновляющихся связей. Именно таким потоковым спутником воспользовался ранее Динге.

Второй способ был столь же очевиден, как и прост. Информацию забирали корабли, чаще всего принадлежащие известной во всей Выжженной Галактике «ТрансЛинии» Альянса. Перемещаясь быстрее, чем пересылаемая потоковым методом информация, они добивались до определенной системы и начинали передавать данные всем находившимся в ее окрестностях спутникам.

Третий и последний способ, самый быстрый, но и самый дорогой, заключался в использовании глубинных зондов, представлявших собой не что иное, как беспилотные кораблики, конструктивно приспособленные для преодоления заданных расстояний в точно определенном направлении. Расстояние не могло быть слишком большим – с его увеличением возрастала также стоимость зонда и степень его сложности, что по достижении определенного предела ставило под вопрос окупаемость их производства. Однако величина эта превосходила пятнадцать световых лет – в конце концов, зонды, в отличие от кораблей, не обладали большой массой. Максимальное расстояние, которое они могли преодолеть, с трудом поддавалось определению – работа над постоянно совершенствующимися новыми версиями открывала новые

возможности, и уже шла речь о зондах, способных преодолеть расстояние втрое большее, чем могли позволить себе обычные прыгуны.

Увы, точная настройка зонда для его успешного – и, соответственно, самого быстрого – полета требовала учета в его конструкции постоянных составляющих, а именно координат старта и конечного пункта. Короче говоря, зонды оправдывали себя лишь на проторенных транспортных путях.

Проблема заключалась в невозможности их перепрограммировать – внести изменения в физическую конструкцию привода было не так-то просто. К тому же около пятнадцати процентов зондов никогда не возвращались – масса их была слишком мала, чтобы подобная «мошка» могла каждый раз безопасно преодолевать Глубину. Всем этим и определялась их цена, и ничто не говорило о том, что в ближайшие десятилетия ситуация может хоть как-то измениться. Даже пограничники пользовались в основном рассеянными вокруг Границы спутниками, подключенными к Поток.

– Нат?

Аро затрещал, включая голосовую связь. Во встроенном динамике послышался размеренный белый шум, внезапно сменившийся напряженным голосом Керк Блум.

– Нат? – снова позвала она. – Слышишь меня? Голограмму передавать не буду – канал может быть под контролем. Но одно лишь аудио мало кто проверяет.

– Слышу, – странно безжизненным голосом ответил он.

– Ты уже передал информацию?

– Да.

– Напасть... Ну ладно. Раз уж тебе так было нужно...

Натрий перестал постукивать пальцами о подлокотник. Неужели она что-то нашла? Напастная Керк! Не могла сообщить раньше?

– Что случилось? – спросил он, пытаясь сохранять спокойствие. Ему ответило молчание – Блум секунд на пять задержала дыхание. Лишь затем в динамике Аро послышался мрачный вздох.

– Прямого канала у тебя, конечно, не будет?

– Прямого? Он за пределами системы! Я передал информацию с глубинным зондом. Это самый прямой контакт, какой я смог получить. Что там у тебя, Блум?

– Ничего особенного, – сообщила она. – Контролер, не считая диалога, отправил пакет закодированных файлов. Я уже раньше их скопировала, но они зашифрованы его персоналом. Мне удалось их раскодировать всего несколько минут назад.

– И?

– У нас есть координаты, о которых он говорил. С точностью до тысячи километров. Всего-то!

– В сообщении для Альянса он утверждал, будто это лишь предположения. Откуда столь точные данные? – удивился Нат.

– Похоже, этот самый Динге любит историю. Я не взламывала его персонал – сам знаешь, что это практически невозможно и наверняка легко обнаруживается, – но мне удалось подсмотреть названия нескольких содержавшихся в нем пакетов данных. Там была масса исторических сведений, в том числе о мертвых прыжках, затерянных в Глубине кораблях и так далее. И еще больше о «призраках». Я просто мельком взглянула, ни во что не вмешиваясь, – голос Керк дрогнул. – И они там были, Нат. Эти напастные координаты.

– Сбрось мне их, – хрипло проговорил Нат, доставая модуль персонала и вставляя его в слот Аро. Послышался треск, Аро запищал, а Керк начала передавать.

До возвращения глубинного зонда оставалось еще около тридцати лазурных минут.

Керк Блум ощущала знакомую дрожь.

Около десяти лазурных лет назад она выбралась в Центр Собраний – высокое серое здание секты на окраине Прима, города, в котором она жила, построенного Альянсом примерно в ста двадцати километрах к юго-востоку от столицы Гатларка. Прим, который Альянс именовал «технологическим шансом» планеты, постепенно приходил в упадок – опустевшие площади и автономные дома не вызывали симпатии у жителей древнего герцогства, и Блум, как и многие ее ровесники, жила там словно в технологическом заповеднике. Жизнь была тяжелой, но Центры Собраний по всей Выжженной Галактике обещали вполне конкретные суммы за возможность проводить выборочные исследования потенциальных парапсихологических способностей ее обитателей. Керк по молодости лет было весьма любопытно, нет ли каких-нибудь сверхъестественных способностей и у нее. К тому же она по наивности верила, что, если Собрание обнаружит у нее телепатию, телекинез или какое-нибудь еще парапсихологическое умение, это не будет иметь никаких последствий. Вряд ли секта стала бы отказываться от потенциальных приобретений.

Шансы на положительный результат теста были весьма велики – в то время девушка уже имела на своем счету несколько удачных геноподключений к генокомпьютерным комплексам, значительно превосходивших обычное подсоединение к системе.

Здание Собраний показалось ей холодным и мертвым. Оно располагалось в не слишком плотно застроенном секторе, выглядевшем достаточно удручающе, чтобы у Блум пропала всякая охота проходить какие бы то ни было испытания, однако она все же решила, что занимаемая Центром территория не сильно отличается от остального унылого Прима, с его расположенными как попало кварталами и вымершими площадями.

Оставив антигравитационный скутер на парковке возле Центра, Керк позволила просканировать свои гены у дверей, которые мгновение спустя раздвинулись с тихим шипением, вызывавшим ассоциации со звуком открываемой перегородки на космической станции. Пожав плечами, Блум вошла внутрь, ступая по сверкающему белизной коридору, за которым наверняка наблюдали голокамеры Собраний. Она не знала, где проходят тесты и вообще интересуется ли кого-то она сама, пока вдоль части коридора не начала слегка пульсировать зеленая линия, направляя ее в одно из помещений. Она быстро двинулась вперед, желая побыстрее покончить с неприятной частью испытания.

– Керк Блум? – приветствовала ее последовательница секты. Одета в белое, слегка грязноватое монашеское одеяние, она напоминала отвратительную старуху. – Мы тебя ждали.

Слова ее развеселили Керк. Собрание отличалось склонностью к подобным утверждениям, не имевшим, как она полагала, никакого отношения к реальности, – всего лишь прикрывающая неведение дымовая завеса для наивных. Женщину, однако, не слишком интересовала реакция Керк на зауценную фразу. Она лишь удобнее устроилась в стоявшем за длинным узким столом кресле и провела пальцами по стопке, напоминавшей пачку отпечатанных на средневековой бумаге документов.

– Это все касается тебя, – сообщила она, довольно похлопывая по одной из набитых документами папок. – Мы всегда проверяем потенциальных кандидатов. Садись, – она показала на стул. Керк пожала плечами.

– Я хотела только пройти испытания, – ответила она.

– Конечно, – согласилась женщина, наклоняясь и протягивая нечто похожее на разъем тестирующей машины. – Нас интересует твое будущее. Прогнозы выглядят весьма любопытно. То, что ты видишь, называется «ПсихоЦифр», – она положила на стол разветвитель, заканчивавшийся несколькими проводами и контактной иглой. – Он модифицирован для нужд Собраний. Чтобы он правильно работал, требуется подключение.

Подключение к анализирующей программе? То был, пожалуй, первый «ПсихоЦифр», требовавший непосредственного соединения с мозгом. Ничего хорошего это не предвещало.

Керк не пугало подключение к чему бы то ни было, но только при условии, что она сама решала, что это и как оно будет копаться в ее нейронах.

– Я обязана проинформировать тебя, что исследование может оказаться болезненным, – добавила женщина.

– Великолепно, – поморщилась Блум. – И насколько?

– Зависит от обстоятельств, – ответила женщина. – Боль – это путь. Путь – это познание.

– Чтоб меня Напасть задрала, – выругалась Керк. О боли ей никто не говорил – как и о сумасшедшей в монашеском облачении с растрепанными седыми волосами, выглядевшей так, будто у нее полностью перегорели мозги. – Ладно, будем прощаться, – она встала, не глядя на женщину и не сомневаясь, что совершила нападную ошибку, придя сюда. Ее все сильнее охватывала дрожь, которую она уже ощущала раньше. – Пока. Путь – это познание, унитаз – это говносрание и так далее. Всего хорошего.

– Блум.

Керк не знала, почему остановилась, но голос женщины приковал ее к полу на полпути к двери. Она обернулась почти вопреки собственному желанию. Сектантка улыбалась, положив подбородок на небрежно опертую о стол руку.

– Ты это чувствуешь, девочка, – сказала она. – Не знаю, что оно для тебя значит, но ты его чувствуешь. Оно внутри тебя и снаружи тебя – твое будущее. Если ты отсюда уйдешь, ты никогда не узнаешь, каково оно. Это нечто большее, чем твои компьютеры, большее, чем геносоединение с Поток. Твое будущее зовет тебя.

«Напасть, – подумала Керк. – Что со мной?» Дрожь начала подбираться все ближе к сердцу. Она все так же стояла, не шевелясь, думая, сумеет ли вообще выйти из Центра.

– Собрание даст тебе то, чего не даст никто другой, – продолжала женщина, окутывая ее голосом, словно липкой паутиной. – Ты можешь стать его частью. Можешь познать его в той мере, в какой оно желает быть познанным. Можешь укрепить его своей силой. Можешь, – добавила она, и от этих ее слов Керк охватил ужас, – стать другой.

Именно тогда внутри Керк что-то оборвалось. Дрожь охватила ее сердце, а затем она ощутила то, что ощущала уже не раз, – холод. Она стала холодной, словно компьютерная система, – холодной и надежной, словно геносоединение, и ей ничто больше не угрожало. А потом она перерезала нить.

– Спасибо, – спокойно проговорила она. – Но я не воспользуюсь вашим предложением. У меня слишком много работы и мало времени на всякую чушь.

– Блум, – снова сказала явно застигнутая врасплох женщина, но Керк вышла так же быстро, как и появилась. Краем глаза она успела заметить, как сектантка встает и нажимает спрятанную где-то кнопку, и ускорила шаг, в последнее мгновение выйдя через закрывающиеся двери Центра. Спокойно и уверенно подбежав к скутеру, она сняла генную блокировку и включила зажигание. Машина затарахтела, а затем с негромким свистом устремилась как можно дальше от Центра, дальше от Собрания, дальше от Прима.

Лишь когда Керк оказалась достаточно далеко, холод и дрожь начали проходить, пока наконец она не смогла затормозить, сойти со скутера, сесть, и ее начало трясти.

И теперь, сидя перед шумящим аудиоканалом и подтверждая передачу обновленных данных, она чувствовала то же самое – нарастающую дрожь, доходящую прямо до сердца и предвещающую близкую смерть. Завихрения будущего. Выбор пути.

Да, она это чувствовала. Дрожь никогда ее не обманывала. Она шагнула в дерьмо, в черную дыру, и ее вышвырнуло за Галактическую границу, в пустоту.

Но связь она не прервала, глядя, как постепенно заполняется полоска передачи данных, вспыхнув в конце веселым ярким зеленым цветом.

Зонд вынырнул из Глубины, оставляя за собой серо-голубой отблеск вибрирующих суперструн и квантово-гравитационных трещин. Если бы в космосе мог распространяться звук, можно было бы услышать затухающий гул и свист только что разорванного пространства-времени. Но на эпилептической орбите Гатларка царил тишина.

– Фли-инк... Фли-инк...

Второй астролокатор «Няни», Цицero Флинк, невольно вздрогнул. Как он и предполагал, первый астролокатор развернулся в кресле и смотрел на него умоляющим старческим взглядом.

– Да, Лем?

– Что-то тут у меня сдохло...

Напасть, опять то же самое! После того как Научный клан недавно обновил программное обеспечение, стоны и жалобы Захария Лема раздавались все чаще. Дошло до паранойи: гаситель с эмблемой корабля вызывал у первого астролокатора приступ паники. Проведя пальцами по коротко подстриженным светлым волосам, Цицero устался на старика.

– Где?

– Вот тут, что-то мигает...

«Во имя Ушедших, – мысленно простонал Флинк. – Один из самых современных кораблей Альянса, эсминец самой смотрительницы сектора Контроля, с кастрированным самое большее на четверть искином, – а я вынужден нянчиться со старым дурнем!»

С деланой, полной театрального сочувствия улыбкой, он встал с кресла и, стараясь не вызывать лишнего любопытства у остальной команды, подошел к Лему, который ткнул высохшим старческим пальцем в пульсирующее пятнышко на фрагменте двухмерной карты на экране монитора. Новая графическая надстройка, которую не мог или не хотел понять Захарий, светилась голубой черточкой послепрыжковой полосы – едва заметной, но вполне реальной.

В пространстве Гатларка появилось нечто незарегистрированное, к тому же оно вело передачу неизвестным искину «Няни» кодом. «Шифр, – понял Флинк. – С какой-то межзвездной мошки». Что же это? Наверняка нечто достаточно продвинутое, а потому дорогое. Дорогое, а потому интересное. Оно как раз начало испускать тонкие струйки локационного сигнала, ища, как приблизиться к планете.

Глубинный зонд.

– Починишь? – в ужасе простонал Лем. Цицero кивнул.

– Конечно. Оставь мне... – Он уже сидел на месте поспешно поднимающегося Захария. – Сделаю все, что надо.

«А когда закончу и запишу в боржурнале как собственную заслугу, – подумал он, – может, разрешу тебе оставить нашивку со звездочкой астролокатора».

5. Доверие

Я видел лицо Императора, видел ожидающую ответа Машину. Вот она, дилемма: смерть Империи или невообразимое число обреченных на гибель планет. Но Единственный не прогнулся перед требованиями искусственного разума, одним лишь жестом перечеркнув надежду на мир.

Хроники Машинной войны, записанные имперским секретарем Альцебиусом Хабом и сохранившиеся в Галактической сети

Межзвездное пространство вовсе не пусто.

Его заполняют газ и пыль, пересекают потоки нейтрино и отблески электромагнитного излучения. Отчасти оно заполнено тянущимися на миллионы километров межзвездными облаками, освещенными космическими лучами и перемежающимися крошками заблудшей материи. Заполняющие его туманности препятствуют затерянному в космосе свету, который словно набухает и расплзается, превращаясь в призрак медленно гаснущих красок.

В царящей среди звезд тишине открытие Глубины напоминает внезапный отчаянный крик. Материя Вселенной трескается, образуя щель, которая одновременно существует и не существует, а возвращение из Глубины подобно эху того самого крика. Затем появляется послепрыжковая волна, словно серебряная пыль фей, – но это никакая не пыль, а угасающий шрам.

«Ленточка» что-то шептала про себя, сканируя пространство полосами шумящих датчиков. В ее Сердце билась программа, отыскивающая следы частиц и излучения, затерянных энергетических пятнышек, которые оставлял привод, эхо напряжений антигравитонов и затишающего воя Глубины.

Обнаружить эхо послеглубинного разрыва практически невозможно, учитывая, насколько огромен космос. Со времен открытия нового привода и экспансии человечества Вселенная словно сжалась, изрезанная сетью торговых трасс и уменьшенная до содержащихся в Галактических кристаллах данных. Когда-то невообразимые расстояния стали вполне приемлемыми, поскольку они определялись лишь количеством прыжков и решимостью звездоплавателей. Само собой, существовали и глубинные дыры – естественные червоточины Глубины, позволявшие совершать прыжки на гораздо более далекие расстояния; но часть их была нестабильна, часть уничтожена во время Машинной войны, а часть зарезервирована для «ТрансЛинии» Альянса.

«Ленточка» искала шрам во внесенной в каталог точке пространства, а когда она наконец его заметила, ожили мониторы, на которых вспыхнул сигнал тревоги. Консоли с негромким треском загружали вспомогательную память множеством данных. Корабль модифицировал курсовую блокаду, наложенную Эрин Хакль, и скорректировал полетные директивы, учтя послеобраз Глубины. Все это длилось лишь несколько секунд.

А потом все погасло.

- Тански, есть направление?
- Нет, Сердце не отвечает.
- Мне нужно направление, Хаб.

Хаб застучал по клавиатуре, запуская фазу концентрации сигнала, который только что ударил в датчики «Ленточки». Тень чужого корабля никуда не делась, нужно было найти сам корабль. Как назло, компьютерщик всего два часа назад выбрался из Сердца, чтобы выпить кофе. Он соорудил себе слабозаброденный напиток с большим количеством молока и сахара, и ему хватило ста миллилитров этой дряни, чтобы его внезапно начало клонить в сон.

Когда он оказался в своей каюте и закрыл глаза, весь корабль неожиданно засверкал огнями, словно бар на шахтерской станции в день зарплаты. Полусонный Тански сполз с койки и направился в компьютерное помещение, краем глаза заметив напряженно сидевшую в кресле первого пилота Эрин Хакль. Никого больше не было. Док наверняка сидит на жопе и готовит мази от геморроя, механик жрет, астролокатор пердит в койку, а капитан... что ж, капитан капитанствует. Жаль, что не на главной палубе.

«Все-таки мушки начинают трепетать крылышками, – довольно подумал Хаб. – Вот к чему может привести обещанная капитаном „скромная встреча“». Усевшись в подвижном кресле Сердца, менявшем положение в зависимости от потребностей оператора, он вновь заплясал пальцами по контактной консоли. На главном мониторе начали появляться таблички с данными; буквы цвета слоновой кости на зеленоватом фоне задрожали, превращаясь в математические столбики. Большую часть работы должен был проделать искин, но это вовсе не означало, что Тански нечем было заняться.

– Вызываю неопознанный корабль в пространстве Гадеса, – донесся до его ушей спокойный голос Хакль. – Прошу представиться. Говорит частный пилотируемый прыгун «Ленточка», торговая спецификация тысяча четыреста десять НЕ, в пути к станции Гадес-Сигма. Повторяю...

– Повторяй, повторяй, – буркнул себе под нос Тански. Он уже поймал послепрыжковую волну и вводил ее в навигационную систему, передавая эстафету Эрин. Теперь ему оставалось лишь смотреть на потоки данных и рассчитывать, что ничего не накроется. По крайней мере, он на это надеялся.

Бросив взгляд на экраны, он похлопал по потертому комбинезону и удовлетворенно извлек из одного из многочисленных карманов забытый окурок. В Сердце нельзя было курить, а тем более вещества, являвшиеся копией существовавшего когда-то никотина, но он уже успел стереть наложенные блокировки – что, как ни странно, ему удалось. Даже на удивление легко – Грюнвальд оставил ему иллюзию свободы. Хитрец.

Затянувшись неоникотином, Хаб замер в ожидании.

Человечество быстро поняло ценность, которую представлял хороший астролокатор. Пилота легко можно заменить, так же как механика или даже капитана. Еще легче заменить компьютерщика. Замена же астролокатора была крайне трудной задачей.

Речь шла не только об образовании – с этим Альянс мог справиться, располагая соответствующими средствами и сотрудничая с Научным кланом. Астролокатор должен был обладать неподдающимися генотрансформации способностями, свойственными гениальному музыканту или поэту. И он должен был уметь ими пользоваться.

Само собой, не каждый астролокатор был гением. Большинство просто выполняло свою работу, к тому же с течением лет и появлением Потока труд астролокаторов постепенно терял свою значимость. Данные, касавшиеся Выжженной Галактики, постоянно обновлялись, а локационных буев становилось все больше. Однако человечество не могло вновь довериться искусственному интеллекту, и потому работа астролокатора по-прежнему считалась достаточно престижной. Ценность ее падала лишь в том случае, если астролокатор попадал в черный список – как из-за собственных ошибок, так и вследствие иных обстоятельств.

Например, таких, как пребывание в Дурдоме.

Сидевшая в кресле второго пилота Пинслип Вайз взглянула на выведенное на навигационный монитор плоское изображение системной карты. По краям ее уже виднелись помехи, излучаемые послепрыжковой волной. Потрепанные неровные пульсирующие кружки обозначали только что обнаруженный эпицентр – след разрыва Глубины. Услужливый компьютер изобразил поблизости треугольник – очертания космического корабля, сигнатуру и точное положение они пока не могли определить.

– Лечу в тот квадрат, – сказала Эрин, хотя этого вовсе не требовалось. – Точное направление... – она замолчала, вводя координаты, – на 60С. Пин?

– Наверняка он тоже передает локационный сигнал, – ответила Вайз, увеличивая выбранный фрагмент карты. – Если будешь лететь по прямой, есть шанс, что мы легко найдем друг друга.

– Что там?

– Обычный прыгун. Достаточно большой, чтобы его идентифицировать, и достаточно маленький, чтобы затеряться в помехах. Лети на 60С, но на границе... вот здесь, в этом месте. По картам это чистая локализация, никаких шумов. Сигнал будет чище.

– Ладно, – согласилась Хакль, перемещая ручку управления чуть правее. «Ленточка» плавно свернула и поплыла вперед, оставляя позади слабую струйку энергии из питаемых реактором сопел.

Пребывавший в явном замешательстве Месье грыз кусок колбасы. У него имелись причины для беспокойства, хотя здесь, в машинном отделении на нижней палубе, напротив светящегося десятками огоньков реактора, он чувствовал себя удельным князем. Хаб мог хозяйничать в Сердце, но единственное, что мог делать тощий компьютерщик, – это нежно прикасаться к поверхности реальных предметов, вроде реактора, глубинного привода, антигравитонов или пока неиспользуемой боевой рубки на скромной верхней палубе. Испускаемые Тански электромагнитные импульсы, может, и отдавали приказы механическим частям корабля, но только от Месье зависело, готова ли данная часть их слушаться и в какой степени.

«Ленточка» плавно набрала уравнивающую антигравитонами – частично, поскольку полностью избавиться от перегрузки можно было не всегда, – скорость в пять десятых от световой. Похлопав по циферблату реактора, Месье достал ключ с датчиками и проверил уровень напряжения в третьем секторе – предпоследнем на нижней палубе, перед самым механизмом приводных дюз. Капитан мог быть уверен, что корабль начищен до блеска и упакован программным обеспечением Научного клана, словно подарок, но механик предпочитал сам проверить, что все в самом деле работает. Если все пойдет как надо и он как следует отрегулирует эту напасть, вся эта древняя лайба войдет в режим торможения, даже не дрогнув.

Уже после того, как Месье неожиданно для самого себя подписал контракт, он обнаружил, что, помимо своих планов насчет симпатичной Вайз, он сможет подробно ознакомиться с состоянием и историей самого корабля. Достаточно быстро – как наверняка и остальная команда – он докопался до предыдущего названия корабля, которое основательно его развеселило. Ничего удивительного, что Миртон купил корабль, никому, вероятно, не нужный даже задаром. Похоже, он был куда решительнее, чем предполагал Месье.

«Черная лента», может, и не производила особого впечатления на фоне десятков тысяч подобных кораблей – как их там называл капитан?.. «семейных прыгунов»? – но история ее была достаточно интересна для того, чтобы оставить свой след в Потоке. Информация о названии, правда, хранилась лишь в файлах капитанского боржурнала и черном ящике корабля, но Месье списал и ее, просто на всякий случай, решив сохранить в личной базе, на полке между нейроконнектором с коллекцией утонченно-чувственного порно на модулях памяти и собственным, редко использовавшимся модулем персонала. Но дело было вовсе не в этом. «Черная лента», несмотря на многочисленные модернизации и подходящий скорее для фрегата тоннаж, доходивший до пятидесяти с лишним тысяч тонн, была попросту очень старой. Месье удивлялся, что она вообще до сих пор функционирует и что ей удалось пройти строгие тесты Контроля Альянса... пока не заметил, что на ней имеются усовершенствования элохимов.

Артефакты!

Гребаная секта! Все в Выжженной Галактике знали, что элохимы владеют самым большим количеством оставшихся после Иных артефактов, но запихать их в такой невзрачный

корабль? Зачем? Пока что он насчитал пять артефактных кронштейнов для реактора и мог побиться об заклад, что столько же их элохимы установили под глубинным приводом. Об их предназначении он мог лишь догадываться, а это означало, что он не в состоянии исследовать корабль так, как велели ему яйца – второй, не менее важный элемент его системы принятия решений, сжимавшийся в моменты опасности.

Уже сама связь человеческих технологий с изобретениями ксено казалась ему абсурдом. Научный клан, естественно, занимался изучением возможностей, которые могло дать объединение чужих и человеческих технологий, но большинство проведенных экспериментов закончились фиаско. Технология Иных была... в общем иной. Однако то, что остановило Научный клан, нисколько не умерило амбиции элохимов. Секта, ведшая свое происхождение откуда-то с пограничья между самим Кланом и столь же фанатичными стрипсами, завладела немалой частью материалов Клана еще во время Машинной войны. Не удивительно, что почти каждый попадавший в их лапы корабль они пытались превратить в корабль Ушедших.

«Ленточка» летала. Все показатели были в норме. Сердце, как утверждал Хаб, работало безупречно. Но что, если накроется какая-нибудь деталь, доставшаяся от элохимов? Скажем, ни с того ни с сего перестанет функционировать система жизнеобеспечения, потому что от качающего кислород и азот регенератора отвалится поблескивающий зелеными огоньками артефакт, принадлежавший хаттонам, инзедримам или каким-нибудь другим говнюкам из числа Иных?

Месье проглотил последний кусок колбасы, думая о том, в какие дебри судьбы и смерти завела его собственная похоть. Нужно поторопиться, решил он. А потом валить отсюда, и побыстрее. Даже ценой досрочного разрыва контракта.

Самого корабля они еще не видели, но искин «Ленточки» уже получил его спецификации. Проектор на главной палубе выплюнул небольшой трехмерный эскиз, подрагивавший над навигационной консолью.

– Не отвечает, – сообщила Эрин. – Я знаю, что он нас слышит, но говорить не желает.

– Что-нибудь еще? – спросил стоявший рядом с ней Миртон.

– Корабль тяжело вооружен, – решила Хакль. – Вот и вот, – она подсветила сиявшие красным фрагменты корабля. – Лазеры, стандартная плазма. Скорее всего – скрытые бортовые орудия, увы, не знаю, какие именно. И, как и у нас, луч захвата. Трудно сказать, с чем мы имеем дело, но их реактор перебрасывает туда немало энергии, плюс столько же уходит на магнитное поле. На сам привод почти ничего не остается. Корабль маленький, обычный прыгун. Возможно, настолько автоматизированный, что на нем только один человек, – она ткнула пальцем в голограмму, показывая на очередной фрагмент. – Похож на «Ленточку», у него есть грузовые люки, но только две палубы. Частично состоит из модулей, которые я не могу идентифицировать.

– Что он передает?

– Приветствие, но без названия корабля. Я советовала бы быть с ними поосторожнее.

– И все?

– Еще они передают какую-то музыку. Усилить нашу защиту и переключить подачу энергии в оборонительный режим?

– Пока нет. Подлетай ближе, а музыку переведи на громкоговоритель.

– Есть. Хаб, сбрось сигнал на громкоговоритель в СН.

– Сделано.

– Что это? – спросила Пинслип, когда главную палубу заполнили звуки медленного средневекового вальса. – Красиво.

– Венский вальс некоего Штрауса доимперской эпохи, – ответил Тански, частично приглушая передачу. – Очень старая запись. Старше даже нашего дорогого доктора.

– Вы это мне прекратите, – недовольно буркнул Гарпаго, слегка поглаживая идеально сидевший на нем форменный китель. Вайз хихикнула, но тут же склонилась над приборами, делая вид, будто полностью поглощена их показаниями. Музыка вальса становилась все громче, заполняя собой всю палубу.

– Капитан? – спросила Эрин.

Миртон поскреб подбородок.

– Я знаю этот вальс. И знаю, что это за корабль. «Кривая шоколадка» капитана Тартуса Фима.

– Это ее мы ждали?

– Скажем так – да.

– Разве она не должна была быть ближе к станции?

– Должна была. Подлетай ближе и ложись на параллельный курс.

– Параллельный? Будем перебрасывать трап?

– Конечно, – Грюнвальд уже отошел от стазис-навигаторской и не спеша направлялся к себе в каюту. – Умойтесь как следует, побрейте ноги. У нас будет гость.

«Гость», – недовольно подумала Эрин, перебросив подачу энергии с реактора на стандартный привод и плавно выводя «Ленточку» на параллельный курс. Больше капитан предпочел ничего не сообщать.

На всех предыдущих кораблях, где довелось служить Хакль, к астролокаторам и механикам относились как к дорогой, но необходимой части оборудования. Ничего удивительного – человек на подобном посту до определенной степени становился продолжением корабля, его частью, биологической приставкой к механизмам. То же касалось сидевших в Сердце компьютерщиков. Последние были настолько окружены ореолом тайны, что их воспринимали как неизбежное зло, но все равно им доверяли. По крайней мере настолько, насколько можно доверять программному обеспечению корабля.

О настоящей доверии между капитаном и командой можно было говорить лишь в отношении пилота или оружейника. Именно они поддерживали наиболее близкий контакт с командиром, и без глубокого доверия им было не обойтись.

«Что ж, – подумала Эрин. – Придется привыкать к тому, что у нас будет иначе».

Миртон шел к себе в каюту, полный тревожных предчувствий.

Напасть, все должно было быть не так. Совсем не так. На мгновение остановившись, он что-то забормотал себе под нос, почесывая трехдневную щетину. Не так они договаривались. Не в пустом пространстве.

Гребаный паршивец.

«Кривая шоколадка» должна была появиться значительно позже – перед самым Гаде-сом, в радиусе действия датчиков станции, что позволило бы лучше контролировать ситуацию. Капитан «Кривой шоколадки» осознавал бы, что в случае провала пострадают они оба, а Миртон не чувствовал бы себя заранее проигравшим. Несмотря на риск, оба имели бы равные права – во всяком случае, записи со сканеров в ближайших окрестностях станции показали бы встречу двух кораблей. А теперь? Теперь все сваливалось на него. А если что-то накроется? Что тогда сделает этот говнюк? Разведет руками – мол, мне очень жаль, но я ничего не знаю, господин контролер. Какой Миртон? Какая «Ленточка»? В жизни не видел такого корабля.

Напасть, Напасть, Напасть...

По кораблю пробежала едва заметная дрожь, тут же подавленная антигравитонами, – процесс сближения подходил к концу. Через несколько секунд Эрин включит луч захвата и выдвинет магнитные зацепы, затем развернет трап и разгерметизирует шлюз. Произойдет контакт. «Контакт, которого я вовсе не желаю, – понял Грюнвальд. – По крайней мере, не здесь».

Коснувшись ладонью генодатчика, он открыл дверь капитанской каюты и вошел внутрь. Сперва он решил допить содержимое бутылки, но внезапно у него пропала всякая охота к алкоголю. Миртон провел рукой по растрепанным черным волосам.

Он знал, что нужно сделать. Нужно выйти и встать у этого напастного шлюза. Дождаться капитана «Кривой шоколадки» и отдать ему все почести. Он видел, как смотрят на него остальные – на видео из кают, в коридорах «Ленточки», в кают-компании. Он видел, что ему не доверяют.

Что ж – взаимно.

6. Планы

Самое время признать, что Пограничные герцогства – не что иное, как угроза для всей Выжженной Галактики. Вы объясняете, что их местоположение на данном этапе делает невозможной успешную аннексию и включение в структуры Альянса. Вы убеждены, что они представляют собой естественный клапан, благодаря которому человечество мирится с необходимостью подчиниться новому порядку. Вы повторяете, что эти староимперские системы – наше историческое наследие, музей свершений и ничего больше; вы верите, что это лишь слащавый сантимент. А я вам повторяю: это угроза. Это бомба замедленного действия, которая однажды станет причиной очередной войны.

Талин Эм Шет, бывший член Совета Альянса (см. Совет Лазури), фрагмент выступления на тему галактической политики

Осторожно маневрируя антигравитационным креслом в боковых коридорах замка Гатларк, его титулярное высочество Натрий Ибессен Гатларк направлялся к своему достопочтенному отцу, принцу-протектору, Властителю Систем, Отцу Рода и кавалеру Зеленой жемчужины, герцогу Ибессену Сектаму Гатларку.

Как он и ожидал, видневшиеся вдали двери в Жилковые покои были слегка приоткрыты. Эта часть коридора, именовавшаяся также Гнездом шепотов, в отличие от остального замка Гатларк была не чисто-белой, но мерцающе-зеленой.

– Перемести его в тот сектор, малыш. Заходи с фланга.

«Он играет с Талином», – понял Натрий. Он подождал еще немного, прислушиваясь под дверь, но потом, словно стыдясь того, что торчит под дверь в покои отца, слегка толкнул ее и вплыл в кресле в Жилковые покои. Как он и ожидал, большой голографический стол отца был включен, и в воздухе висела симуляция космического пространства системы Гатларк вместе с точными изображениями родовых кораблей. Нат усмехнулся, заметив, что управляемый компьютером противник носит эмблему Исемина. «В Зале света свадьба, в Гнезде шепотов битва», – подумал он.

– Привет, Натрий. – Отец снял с колен золотоволосого малыша Талина и поставил его на пол.

«Здоровый наследник престола, зачатый в последний момент», – желчно подумал Нат. Отец, несмотря на генотрансформаторы и по-солдатски подстриженные седые волосы, скорее походил на его деда.

– Мы совершали заход с фланга, – с серьезным видом сообщил Талин. – Но учитель Сепен говорил, что такие маневры в космическом пространстве не применяются, – обратился он к отцу. – Он говорил, что в космосе никого не обойдешь с фланга.

– Учитель Сепен был прав, но не насчет данной конкретной симуляции, – сказал герцог. – Защищая станцию, ты сужаешь область своих действий до конкретной точки пространства. Так же поступает и твой противник, и тогда стратегический фрагмент космоса действительно становится фрагментом, замкнутым в ограниченной сферической зоне действий. Так что заход с фланга вполне имеет смысл, – Властитель Систем коснулся одной из кнопок, увеличивая интересующий его сектор, а затем один из кораблей Гатларка. – Не говоря уже о том, что восприятие космоса как полностью открытого пространства не оправдывает себя в случае необходимости использования глубинного привода, – добавил он, подсвечивая фрагменты опутывавшего корабль привода. – Перед маневром команда должна войти в стазис и лишь затем совершить прыжок, вследствие чего бегство с поля боя становится крайне сложной задачей.

Дополнительной проблемой может стать использование противником волнолетов или кораблей, оборудованных волновыми лучами захвата и блокирующих возможность прыжка для конкретной боевой единицы, если удастся поймать ее в зону их действия. Учитель Сепен должен был тебе об этом рассказать. Я с ним поговорю, – закончил он, вновь вызывая жестом общий вид системы.

«Стратегическая болтовня», – недовольно подумал Нат. Когда-то герцог Ибессен точно так же включал голостол вместе с ним – естественно, до того, как дала о себе знать болезнь.

– Вряд ли принц Рунхофф Казар позволил бы себя обмануть столь простым маневром, – заметил Нат, не в силах до конца справиться с горечью в голосе. – Он психопат и постоянно видит везде и во всем какой-то подвох.

– Мог бы обойтись и без подобных комментариев, – сухо ответил Властитель систем. Криво усмехнувшись, Нат подплыл ближе к голостолу.

– Принц Рунхофф – психопат? – заинтересовался Талин.

– Отец прав, – бросил Натрий. – Некрасиво так говорить о новоиспеченном дяде.

– Иди к Геене, Тал, – сказал отец. – Пусть она тобой займется.

«И побыстрее, – мысленно добавил Нат, глядя, как Талин недовольно покидает Жилковые покои, возвращаясь к одной из нынешних фавориток отца. – Еще заразишься психофизией». Вопреки собственным мыслям он улыбнулся герцогу.

– Незачем, отец. Что тут такого...

– Почему ты покинул Южную башню?

«Вот и конец беседе», – подумал Натрий. Стукнув пальцем по подлокотнику, он развернулся, чтобы лучше видеть лицо герцога Ибессена.

– Свадьба уже состоялась.

– Не говори глупостей, – отец смотрел не на него, а на висящие в воздухе голографические силуэты кораблей. – Эта проклятая свадьба продлится самое меньшее лазурный месяц.

– Хочешь меня изолировать на целый месяц?

– Если потребуется.

– Я против.

– Мне плевать на твои капризы, – герцог словно не замечал возражений Ната. – Ты прекрасно знаешь, почему я решил так, а не иначе. Я уже устал тебе напоминать о политических соображениях.

«Сейчас», – решил Натрий.

– Меня все равно обнаружат, – заявил он. – Голокамеры по всему замку, так что спрятаться негде. Речь, впрочем, не только о столице и замке. Вся планета живет этим празднеством. Когда свадьба всем наскучит, начнутся поиски сенсаций. Психопатии Рунхоффа хватит где-то на неделю, а потом вытащат меня. – Глава рода молчал, но Натрий не собирался заканчивать. – Я сыт всем этим по горло. Полечу в космос. Пусти меня на один из кораблей. Поболтаюсь, поскучаю... может, проведу небольшую разведку в подчиненных системах?

Герцог Ибессен впервые посмотрел прямо на сына. Нат заметил, что его левый глаз прикрывает голограмма солнца Гатларка.

– Хватит тебе твоего... как ты там его назвал? «Хохот»?

– «Гогот», отец.

– Вполне подходящее название. Если настаиваешь – можешь полететь на нем.

Нат вздохнул – достаточно громко, чтобы звук его вдоха пробился сквозь голостол, разбившись о худое напряженное лицо герцога.

– «Гогот» – маленький одноместный прыгун. В лучшем случае я мог бы просидеть в нем две недели, но уж точно не целый месяц.

– Что тебе в таком случае надо?

– Посижу лучше на «Карме».

– Хочешь, чтобы я тебя отправил на один из наших лучших легких крейсеров? Даже не думай. Еще не хватало, чтобы ты там болтался и пугал моих офицеров. В лучшем случае отпущу тебя на эсминец – если вообще соглашусь на подобное сумасшествие.

«Оно самое», – подумал Нат, но промолчал. Герцог Ибессен Сектам Гатларк склонился над голостолом и выключил симуляцию. Все погасло, оставив после себя лишь голубоватый туман. Властитель Систем откашлялся и постучал пальцами по крышке стола.

– Можешь полететь на «Пламени», – объявил он. – Капитан Кайт Тельсес хорошо тебя знает и, насколько мне известно, вполне терпит. Может, даже выслушает несколько твоих распоряжений.

«Старик Кайт», – подумал Нат. Оставленный на посту ввиду столь же старых, как и он сам, знакомств, он якобы был наполовину слеп и плохо соображал, как и вся его команда. Летящую помойку, которой он командовал, за глаза называли «летающим домом престарелых».

– «Пламя» – старый, рассыпающийся металлолом! – сказал Нат, не пытаясь скрыть свои истинные чувства. – Он едва прошел последний техосмотр! Болтается на околопланетной орбите, подсоединенный к верфи! И, насколько я знаю, он находится там уже давным-давно, поскольку из него до сих пор что-то сыпется!

– Вижу, ты соображаешь, что к чему. Увы, это единственное, что я могу тебе предложить. По крайней мере, на нем ты не будешь мотаться по подчиненным системам. Бери его, если хочешь, и возвращайся не раньше чем через лазурный месяц.

Отвернувшись, отец направился к огромному письменному столу, соединенному с голостолом и компьютерной системой замка.

Аудиенция закончилась.

Керк Блум была сыта по горло.

Сперва она бесцельно бродила по всей квартире, проверяя компьютерное оборудование. Потом подключилась к голоигре по какой-то чудовищно древней литературе еще доимперской эпохи, но многообразие вариантов отбило у нее всякую охоту. Вызвав контактную консоль, она попыталась проанализировать исходный код какой-то написанной много лет назад программы, но, бросив взгляд на несколько строчек, поняла, что у нее нет никакого желания этим заниматься. Минут пять она просматривала эротические каналы, подумывая включиться в какую-нибудь оргию, разыгрывавшуюся в данный момент во внепланетном Потоке, а потом пошла в кухню и попробовала соорудить что-нибудь поесть, но со злости лишь раскодировала программатор. Вернувшись наконец в гостиную, она рухнула на диван, разбросав несколько забытых голожурналов.

Ей не хотелось думать о Нате, зонде и данных, до которых ей удалось докопаться, однако это было не так-то просто, к тому же она постоянно ощущала знакомую дрожь.

– Гребаная Напасть! – выругалась Керк, вскакивая на ноги, и бросилась ко входной двери. Накинув свою любимую куртку из синтетической кожи, она выбежала в коридор, машинально заблокировав дверной генодатчик.

Ее квартира находилась в небоскребе Тридцать четвертой общины, в самом Свете, как поэтично именовали один из самых ухоженных районов Прима. Считалось, что поэтические названия способны несколько оживить скопление устремленных к небу жилых домов и фабрик. Если Гатларк казался отсталым, почти средневековым, то Прим и сам Свет были чем-то вроде вишенки на торте – местом, где технология встречалась с историей.

Увы, в планах все это выглядело намного лучше, чем на практике.

Район, как и весь Прим, пришел в упадок почти сразу же после его постройки, якобы по причине отсутствия средств на развитие. Там, где должны были выситься бизнес-центры, возвели ряд жилых домов, а обанкротившиеся торговые галереи зияли пустотой. Гатларкцы не питали любви к Альянсу и обещанной им современности, так что хватило всего нескольких

десятилетий, чтобы Прим стал заповедником для любителей архаичных технологий и спальней для планетной бедноты, что было хорошо заметно по облупившемуся коридору лестничной клетки и старым гравитационным лифтам, то и дело застревавшим между этажами.

Керк, однако, не собиралась пользоваться лифтом. Она направилась в сторону выхода к стояночным зацепам, на которых, в числе многих других, висел СВ33 – ее старый заслуженный ездолет.

– Напасть, Напасть, Напасть, – бормотала она, забираясь в машину. Керк провела ладонью по генодатчику, и машина начала причитать насчет правил безопасности и застегивания ремней.

Блум никогда не застегивала ремни – нудная болтовня кастрированного искина настолько ее раздражала, что она перепрограммировала всю систему СВ33, подключив его к Тетке – псевдоличности персонала, которую она запрограммировала много лет назад по пьяни, загрузив в нее несколько смешанных и переработанных файлов, подключенных к ее личной системе. В результате персонал Керк стал фактически Теткой – сумасшедшей, несущей всякий бред, давящейся собственными банками памяти и потому не особо вмешивавшейся в управление ездолетом.

– Дитя мое дорогое, застегни ремни, – стонала Тетка, пока Керк, перебросив рычаг отсоединения захвата, отдалялась от здания. – Ради всего святого, дитя мое дражайшее...

– Отвали, Тетка.

Встроенные в СВ33 антигравитоны закашлялись, пытаясь перевести машину из свободного падения в горизонтальный полет. Блум ударила ладонью по покрытой толстым слоем пыли панели управления, включая Поток. Часть стекла кабины сразу же покрылась полупрозрачными рекламными голограммами, помаргивающими на краю поля зрения водителя. Слегка наклонившись, Керк постучала пальцем по одной из потоковых станций, кажется, «СубЗеро», и внутренность ездолета заполнила протяжная, прерываемая электронными вставками музыка с Комы, вечно залитой дождем планеты, находившейся где-то ближе к Ядру.

– Тетка, задай координаты «Пикси».

– Нет никакой Икси. Прошу тебя, сладенькая моя, ремни...

– Не Икси, а «Пикси». Бар «Пикси», Напасть тебя дери, – отпустив правую ручку управления, Керк заплясала пальцами по панели. – Я же вводила их тебе где-то лазурный месяц назад, а ты уже не помнишь... все у тебя перепуталось... даже дурацкий СВ33 вести не можешь. Да еще и датчик ездолета, похоже, глохнет... Гребаная матрица...

– Матка? Нет у меня никакой матки.

– Само собой, что нет. Еще этого не хватало.

Машина плавно свернула, пролетая между брошенными небоскребами. Здания были мертвы – Блум не сомневалась, что в них живет самое большее три, может, четыре семьи. Те, кого не устраивал довольно отсталый статус Гатларка, еще много лет назад сбежали за пределы системы. Другие создали в Приме свои маленькие королевства в виде отдельных районов и жилых комплексов. «Все равно они проиграют, – лениво подумала Блум. – Мы все проиграем – нас захлестнет средневековые, замки, история и паутина древнего герцогства.

А... пошло оно все...»

Размеренный полет успокаивал. Керк дремала, пока машина не начала медленно снижаться, выпуская шасси, которые вскоре коснулись покрытия улицы перед самым баром.

– Сейчас нажрись, – сообщила ездолету Блум. – Наверное. Включи блокировку генодатчика. Тетка, присмотри за машиной.

– Присмотрю. Но много не пей, дорогая.

– Ясное дело.

На улице воняло, из открытых дверей бара тянуло дымом и затхлостью, но Керк это нисколько не мешало – она считала «Пикси» своим любимым притоном. Там всегда было

достаточно темно, чтобы посидеть в одиночестве, и достаточно светло, чтобы позволить себя подцепить очередному простаку, простачке или бесполому после генотрансформации существу. Но сейчас Блум не хотелось любовных приключений – только напиться. Напиться и забыть.

Она прошла мимо сканера, который, тихо попискивая, просветил ее и, не обнаружив никакого оружия, пропустил в коридор. Быстро пройдя через него, Керк оказалась в большом зале с пустой сейчас голосценой, изгибавшимся вдоль стены баром с автоматами по продаже напитков и проходом в два зала поменьше по сторонам, а также лестницей на второй этаж. Когда-то Блум слышала, что в «Пикси» имелся еще минус первый этаж, находившийся прямо под главным залом, но он ее не интересовал – она подозревала, что там обретаются нелегальные генотрансформанты, нанитовые наркоманы и одному дьяволу ведомо кто еще. Пока же она плыла в дыму сигарет и нескольких кальянов с легкими наркотиками, лавируя в поисках свободного места у бара.

– Мне «Золотую мочу», Фред, – сказала она едва соображавшему бармену. То, что тот в стельку пьян, она заметила почти сразу же. В любом другом заведении он наверняка бы за три секунды вылетел на улицу, но не здесь. Любимый старый «Пикси».

– Меня зовут не Фред, – пробормотал бармен, ставя на стойку квадратный стакан.

– Не важно, – пожал плечами Блум. В свое время она смотрела сотни старых плоскофильмов доимперской эпохи, возможно, снятых еще на легендарной Терре, и, судя по тому, что она помнила, каждого второго бармена звали Фред. А может, она с чем-то спутала. Или... собственно, в самом деле не важно. – Просто налей.

Бармен не возражал. Он налил сто граммов желтоватой жидкости, и под стаканом на мгновение высветились циферки списанных со счета Керк юнитов. Блум сразу же пригубила стакан – вкус «Золотой мочи» вполне соответствовал названию, с некоторым послевкусием ванили.

– Что будут играть? – от нечего делать спросила она, глядя на свое отражение в зеркале за стойкой. Бармен не понял, и она мотнула головой в сторону сцены.

– Сегодня автоматика.

– Никакой группы? Только голо кого-то из Ядра?

– Должен быть Бесподобный Крекки.

– Спасибо. – Керк отхлебнула «Золотой мочи».

– Керк?

Блум неохотно обернулась, прекрасно видя, на кого наткнулась. На табурет у бара вскарабкивался Камп по прозвищу Вонючка. Фамилию она не помнила, но, глядя на его искусственно омоложенную физиономию, решила, что Вонючки вполне достаточно.

– Камп?

– Кого я вижу? – пропищал Вонючка, улыбаясь Керк потрескавшимися сухими губами. «Если попробует приставать – врежу», – решила Блум. По слухам, Камп когда-то потратил кучу денег на генотрансформаторы, стремясь избавиться от похотливой прыщавой рожи, но что-то пошло не так, и, хотя он в самом деле стал симпатичнее, он так и застыл в облике подростка со всеми его подростковыми недугами. Можно было бы подумать, что генотрансформация сделала его бессмертным, но на самом деле внутренние органы неестественно быстро старели, что фатально влияло на внешность. Кампу оставалось жить не так уж долго, хотя лицо его выглядело молодым. Имелся также неприятный побочный эффект – исходивший от кожи слабый сладковатый запах. Его можно было легко замаскировать... но стоило его раз почувствовать, и он оставался в ноздрях навсегда.

– Ну и кого же ты видишь, Камп? – спросила Керк, программируя на стойке новую порцию выпивки.

– Прославленную Керк Блум, – ответил Вонючка. – Генохакера Гатларка, принцессу проводов и нейроконнектора. У которой как раз появился шанс проверить, как глубоко может к ней подключиться Камп, знаменитый на всю планету ухажер.

– Слушай, Камп, а ты не так уж плохо болтаешь языком.

– Спасибо, – похоже, он в самом деле обрадовался. «Бедняга», – подумала Керк. Он даже не пытался к ней подкатывать – ему хотелось лишь бросить фразу, которую он наверняка составлял всю последнюю лазурную неделю, зная, что никаких шансов у него нет. Интересно, что было бы, если бы она ему позволила? Выглядел он вполне недурно – настолько, насколько мог выглядеть тощий подросток с прыщом на лбу. Собственно, не все ли равно?

«Напасть, я уже пьяная», – подумала Керк.

– Кстати, Блум, – продолжал Вонючка, махнув полусонному бармену, – около двух лазурных дней назад тебя искали, знаешь? Какие-то типы... ну знаешь...

– Нет, не знаю.

– Ну, эти... бритоголовые. И бабы с белыми волосами. В общем, секта. Там был один такой... Эй, да подойди же ты! Напасть, ну и бармен! Ладно, не важно. В общем, они про тебя спрашивали, и про Таблиса, того ясновидца, который предсказал несколько лет назад результаты гонок, помнишь?.. Да, я к тебе обращаюсь! Налешь мне того же? Спасибо. И еще спрашивали про какую-то бабу... даже про двух, не помню. Показывали твое голо, когда ты была моложе. Неплохо, да? А когда я спросил, в чем дело, они ответили, что это меня не касается, и я ответил, что с тем же успехом они могут меня чмокнуть. Наверняка у них Жатва. Знаешь, что Собрание иногда устраивает Жатву? Собирают со всей Выжженной Галактики тех, кто... Эй, куда ты?

Но Керк уже не было.

Машина уже садилась – они видели ее бесформенный, похожий на жука силуэт. На «Няне», вследствие ее размеров, имелись только два челнока класса ТПК – транспорт планета-космос, именовавшихся обычно «тупаками», и два истребителя типа «стилеть», действительно напоминавших своей вытянутой формой стилеты. Пришвартованные непосредственно к корпусу, они как бы являлись частью эсминца, находясь в пределах прыжкового поля, которое генерировал глубинный привод. То, что их было только два, особого значения не имело – Вальтер знал, что Мама Кость подобрала для них лучших пилотов, супругов Цару и Малькольма Джейнисов, якобы бывших убийц, пиратов, охотников за головами и воров, реабилитированных в обмен на службу. Учитывая технологически продвинутый уровень «Няни», он также не сомневался, что «стилеть» – не совсем то, чем они кажутся.

Проклятый корабль. У Динге не было никакого желания отправляться на него вместе со смотрительницей, но деваться ему, похоже, было некуда. Раз уж сказал «А», придется оттарбанить весь алфавит.

«Тупак» выдвинул серый язык трапа, и один из пилотов направился в сторону «Иглы». «Мама Кость полетит со мной, – понял Вальтер. – Напасть, ни минуты покоя. Будет торчать рядом на челноке, а потом ни на шаг от меня не отойдет. Ждет моего поражения? Выдержу, – решил он. – Лишь бы подальше от этого планетного смрада».

На «Няне» все было иначе – эсминец Маделлы Нокс славился своей чистотой, которую сравнивали с чистотой лучших кораблей Лазури. Корабль был вылизан до блеска. «Если все получится, сам обзаведусь таким же, – решил Динге. – Хватит с меня поста контролера без территории. Пора бы уже пойти на повышение, а то и перепрыгнуть через две ступеньки. Может, системным контролером? Хватит с меня посменной работы с постоянными перелетами с поста на пост... лишь бы все получилось».

Он двинулся за Мамой Кость, оставив позади Пустоши Гатларка. Нокс уже сидела в кресле, застегивая ремни, и он последовал ее примеру, неуверенно улыбнувшись, но, есте-

ственно, она никак не отреагировала. «Тупак» втянул трап, закрыл люк и, издав несколько контрольных звуков, начал подниматься в воздух. Динге взглянул в стекло пилотской кабины. Машина быстро ускорилась, летя на полных антигравитонах, и, когда ее внутренность залил белый свет, Вальтер понял, что они оказались в облаках, перед тем как устремиться в усыпанную звездами космическую черноту.

«Няня» находилась прямо перед ними – небольшой ангар мигал позиционными огнями. Они летели на автомате; пилот, явно расслабившись, перемещал пальцами голоформы данных, отпустив ручки управления. Ускорение, замедление, стабилизация. Вальтер даже не заметил, когда они преодолели магнитное поле корабля, на долю секунды останавливавшее работу всех устройств, но «тупак» включил стандартное автономное управление и мягко опустился на посадочное место номер два.

– Выходим, – сообщила Нокс, что было совершенно излишне. – Вальтер, через пятнадцать минут хочу тебя видеть в стазис-навигаторской. Будем готовиться к глубинному прыжку. – Само собой.

Но до прыжка было еще далеко. Когда «тупак» открыл люк, их, к удивлению Вальтера, ждала уже целая команда – молодой парень с коротко подстриженными светлыми волосами, видимо, астролокатор, если верить нашивкам... и еще двое: правая рука Маделлы Нокс на корабле, чисто выбритый законченный службист, двигавшийся, словно Машина, капитан Вермус Тарм и незнакомая молодая женщина, похожая на мышшь, с перепуганным взглядом.

– У нас проблема, Мама, – сообщил шелестящим голосом Вермус.

– В чем дело?

– Второй астролокатор, боцман Цицера Флинк, – Тарм показал на парня, – заметил, что в околопланетном пространстве появился неавторизованный глубинный зонд, ведущий передачу кодом. Впрочем, он тебе сам расскажет. Флинк?

– Каждый глубинный зонд должен быть зарегистрирован в Потоке, – начал парень. – Все прочие подпадают под статью Контроля. Я не стал его трогать, но провел глубокое сканирование со сбросом данных.

– Как тебе это удалось без физического контакта с зондом?

– Зонд передавал данные, и я их скопировал. Садиться он не собирался... К сожалению, данные оказались защищены, и я попросил нашего компьютерщика взломать защиту. Младший техник Лотта Лар справилась с задачей, но... – он взглянул на стоявшую рядом женщину, у которой был такой вид, будто она вот-вот лишится чувств.

– Данные были защищены на высшем уровне, Мама, – заикаясь, проговорила младший техник Лотта. – При попытке их прочесть они оказались частично стерты. Мне удалось спасти только около шестидесяти процентов.

– И? Кто там с кем разговаривает?

– Трудно определить, но один из них, похоже, выдает себя за... прошу прощения, Мама, но это звучит очень глупо...

Лотта Лар будто ушла в себя, закрыв глаза. Похоже, решил Динге, она впервые имела дело со смотрительницей. Что ж, первый раз всегда больно.

– Что звучит глупо? Говори конкретнее. У нас мало времени.

– Прошу прощения. Этот некто выдает себя за кого-то из Ложи и говорит о данных некоего Вальтера Динге, касающихся неких экстраполяций, – сообщила она. Вальтер шумно засопел. – Это ведь какая-то чушь, да? – добавила техник. – Никакой Ложи ведь нет.

– Похоже, все-таки есть, – прошептал Вальтер. Ему незачем было смотреть на Маму Кость, чтобы увидеть, как лицо ее превращается в удивленную, полную гнева маску.

«Напасть, – внезапно сообразил он. – Они добрались до данных. И теперь они знают все! Они нас обкрадут».

7. Вопросы

Единство? Единство – есть святотатство. По какому праву машинное бытие поименовало себя Единством? Можно ли в случае Машин говорить о сознании в том смысле, в каком мы его понимаем? Достичь истинного Единства способен только человек. Человек, которого поведет за собой Собрание.

Комментарий к «Анализу Машинной войны» библиотеки Собрания, автор неизвестен

«Ленточка» сообщила об успешной стыковке с «Кривой шоколадкой». Компьютер в капитанской каюте настойчиво запищал, но Грюнвальду не хотелось выходить. Ему хотелось остаться и, словно после лекарства доктора Гарпаго, провалиться в пустоту – ни о чем не думать и обо всем забыть. Прежде всего – забыть.

Закрыв глаза, он полежал в тишине около сорока долгих, тягучих секунд, а потом сел и протянул руку к початой бутылке.

Пустота и смерть. Конец всему, будто тебя выжигает изнутри. Но со временем все приходит в норму.

Эрин Хакль, ждавшую у шлюза прибытия Тартуса Фима, капитана «Кривой шоколадки», мучили неясные, очень тревожные предчувствия.

Огонек над шлюзом все еще светился красным, медленно сменяясь желтым, который в конце концов должен был превратиться в зеленый. Трап, как обычно называли межшлюзовую соединительную трубу, наверняка был удобным решением, но требовал некоторого времени на подготовку. Соединяя шлюзы «Ленточки» и «Кривой шоколадки», он становился как бы продолжением обоих кораблей и потому должен был соответствовать условиям, имевшимся на каждом из прыгунов. Обычно, правда, предполагалось, что на звездных кораблях действует та же сила тяжести, что и на Лазури, но у капитанов имелись свои предпочтения, и редко бывало, чтобы два встретившихся в космосе корабля обладали в точности одними и теми же параметрами.

Хакль подумала, что намного удобнее и быстрее было бы воспользоваться скафандром, как на военных кораблях, но команды частных прыгунов, грузовиков и фрегатов привыкли к удобствам. Зачем надевать скафандр и ждать в шлюзе, пока выровняется давление, если можно перейти прогулочным шагом с одного корабля на другой – если, конечно, у капитана вообще хватало отваги оставить свой корабль. Нечто подобное наверняка мог позволить себе Миртон, но он, судя по тому, что упоминал Гарпаго, записал в корабль свой импринт. Эрин подозревала, что этот самый Фим либо установил исключительно мощную блокировку на стазис-навигаторскую, либо включил на «Кривой шоколадке» программу самоуничтожения, которую мог запустить в любой момент с помощью персонала. Именно так поступали многие капитаны, вынужденные покинуть корабль.

Персональ, правда, можно было отобрать, но лишь как интерфейсный модуль. Само устройство содержалось в организме пользователя, представляя собой нечто вроде дополнительной нервной системы, и его основные функции можно было активировать и без модуля. Сама Эрин могла подать несколько базовых команд, не пользуясь физическим интерфейсом, хотя демонстрация подобных умений не всегда вызывала восхищение у посторонних, скорее даже наоборот. Выжженная Галактика слишком хорошо помнила Машины, чтобы хвастаться пусть даже мягкой киборгизацией. Лишь стрипсы считали персонали существенным плюсом Машинной войны, воспринимая их как пример вознесения человека на более высокий эволюционный уровень. Эрин относилась к данному вопросу довольно безразлично, полагая, что

вживляемые в момент рождения персонали, нанитовая часть которых передавалась вообще в процессе зачатия, являются чем-то всеобщим и практичным, чего ей вполне хватало. В конце концов, без них подключиться через нейроконнектор к компьютерным системам и модулям памяти было просто невозможно.

– Говорит Тартус Фим, – неожиданно послышался из расположенного над шлюзом динамика хриплый, но по-своему приятный голос. – Напасть, вы вообще открывать собираетесь? У меня уже яйца отмерзли.

Что-то пробурчав себе под нос, Хакль нажала кнопку. Зеленый огонек замигал и погас, люк с тихим вздохом открылся, и Эрин увидела перед собой алкоголика.

«Два сапога пара», – промелькнула у нее мысль. Тартус Фим стоял в люке во всей своей красе – ростом сто шестьдесят сантиметров, с длинными растрепанными седыми космами, усами, как у пьяницы с галактического базара, и внешностью одышливого инфарктника. С банкой пива в одной руке и с окурком в другой, он не то стоял, не то шатался, и Хакль на мгновение испугалась, что он и в самом деле свалится без чувств.

– Где фанфары? – прохрипел капитан «Кривой шоколадки». Не дожидаясь ответа, он переступил порог шлюза и отхлебнул пива, критически оглядывая нижнюю палубу. – Ты кто?

– Пилот «Ленточки» Эрин Хакль, – ответила она, закрывая люк.

– Пусть будет так, – Тартус лениво пожал плечами, уронив на палубу несколько капель пива. – Это... вообще летает?

– Летает, – лаконично ответила Хакль.

– Ладно. Жопу не рвет, но сойдет. Для галактического дома престарелых, или как он там называется.

– Я просканировала ваш корабль. Интересный у вас набор бывших в употреблении деталей. Сами собирали?

– Ого, мы еще и огрызаемся? – Фим улыбнулся, показав желтые, частично испорченные зубы. – «Кривая шоколадка» – роскошная яхта-прыгун, полная сюрпризов и укромных местечек. Если соорудишь хорошей выпивки, может, и тебе покажу. Как и другие интересные места.

– Спасибо, но, пожалуй, нет. Музеи вгоняют меня в тоску, – неприязненно отрезала Эрин. «Во имя Ушедших, что за бред!» – подумала она. Работая еще на «Лазурном полете», полном скучающих пожилых туристов, разбрасывавшихся тысячами юнитов, она наслушалась подобной чуши в сотнях всевозможных вариантов. Болтуны-эротоманы, постоянно сравнивавшие длину и живость своих сокровищ, не могли удержаться от того, чтобы стукнуть женщину по попке, за что нередко получали подобный же ответ, только в челюсть.

Они уже шли в сторону ведущей на среднюю палубу лесенки, миновав по пути явно пребывавшего в приподнятом настроении Месье. При виде капитана «Кривой шоколадки» бортмеханик с улыбкой покачал головой и закрыл люк доступа к упрятым внутри стены проводам от реактора.

– Чего ржешь? – спросила его Эрин, хватаясь за лесенку. Тартус уже скрылся наверху, распространяя после себя вонь перегара.

– Да брось, Хакль, – оскалился Месье. – Ты ему понравилась – уж я-то в этих делах разбираюсь, принцесса. Вы отлично друг другу подходите.

– Что ты несешь, механик?

– Роман у вас будет, мать вашу.

– Отвали, Месье, – поморщилась Эрин, карабкаясь по лесенке. Смешок механика, однако, смолк лишь тогда, когда она преодолела последние сантиметры и вышла на среднюю палубу.

Гребаный придурок.

Факт прибытия Тартуса Фима, который отметил Хаб Тански, отобразился в Сердце в виде сигнала смены давления, мигающего зеленым огоньком системы управления шлюзом и тарактения автоматической записи данных боржурнала. Установленная компьютерщиком прослушка внутренней связи также сбросила ему короткую беседу капитана «Кривой шоколадки» и Эрин Хакль, стычку с механиком и звук решительных шагов гостя по средней палубе.

Тански прекрасно понимал, что настоящее веселье начнется в капитанской каюте, находящейся под столь мощной защитой, что Хабу не приходило в голову ничего иного, кроме как подсадить какой-нибудь замысловатый, устойчивый к глушилкам жучок. Впрочем, он полагал, что это просто невозможно – Миртон рано или поздно обнаружил бы прослушку, и в итоге возникла бы ситуация, допустить которую было никак нельзя. В результате Тански лишился бы единственного, что представляло для него ценность, – контроля. А контроль означает свободу – если, конечно, все контролируешь сам, а не находишься под контролем.

И от этой свободы Хаб Тански вовсе не собирался отказываться.

Как в таком случае поступить? Закурив, он погрузился в размышления, скрывшись под вуалью голубоватого дыма. Ответ не требовал долгих раздумий – он знал его с самого начала. И ответ этот был прост – взломать импринт.

Тански уже успел понять, что сведения насчет импринта носят достаточно отрывочный характер. Сидя в Сердце и отслеживая работу программ, он, однако, располагал достаточным временем для того, чтобы прочесать доступный Поток в поисках данных. Флюктуации Потока в пустом секторе, излучаемые системными спутниками и зондами, были довольно слабы, но Хаб не спешил. Хотя на выделенные им капли Потока хватало всего пяти процентов оперативной памяти, его персонал и компьютер «Ленточки» постепенно заполнялись информацией.

Общедоступные интерпретации данного явления мало его интересовали. Как он успел заметить, прочитав полтора десятка статей о киборгизации, они были весьма туманны и неконкретны, а в большинстве случаев представляли собой полную чушь. Информационные сервисы сходились лишь в одном: первыми импринт начали использовать Машины, тестируя возможность связи между программным обеспечением и мозгом. Подопытными кроликами, естественно, стали пленные люди. Тански с интересом пробежался по голограммам и плоскофильмам, показывавшим нечеткие слайды со встроенными в древние версии Сердце человеческими головами и элементы захваченных людьми кораблей Машин. Однако во всех них описывался не столько сам импринт, сколько его зачатки. Пустая трата времени.

«Данные стрипсов», – решил Хаб. По сути, только там он мог что-то найти – его бы крайне удивило, если бы технологическая секта не интересовалась импринтом. Но данные стрипсов наверняка находились где-то во внутренней части Потока. Как их добыть? У стрипсов не было родной планеты со множеством передающих спутников, но секта имела представительства на большинстве планет, так же как Собрание и элохимы. Соответственно, там должен быть доступен и внутренний Поток стрипсов. Фактически он представлял собой отдельную паутину данных, объединяющую их Флот Зеро, как они называли свою настоящую родину – сорище разбросанных по Выжженной Галактике прыгунов, фрегатов, грузовиков, эсминцев и даже крейсеров.

«Плохо дело», – подумал Тански. Чтобы подключиться к передаваемым стрипсами данным, нужно было найти хотя бы один их корабль. Или станцию? Должны же у них быть какие-то станции, но где? Может, потолковать на эту тему с девчонкой-астролокатором? А потом уговорить капитана отправиться в небольшое путешествие в регион пребывания технологической секты... Нет, он не согласится. А что, если?.. Ходили слухи, будто у стрипсов есть собственные системы обращения в свою веру, якобы еще более безумные, чем у элохимов, и еще более навязчивые, чем у Собрания. Кажется, они называли это «технологическим спасением». Хаб понял, что нужно узнать побольше. Пока же он торчал в своем коконе, дожидаясь подходящего случая.

Тански закурил очередную тошнотворную сигарку, а затем, после краткого мига наслаждения дымом, показавшегося ему целой вечностью, отключился от кокона и не спеша, почти с неохотой отправился на поиски Пинслип Вайз.

Доктора Гарпаго Джонса вновь вызвали в капитанскую каюту – почти сразу же после того, как он ее покинул.

Как он и ожидал, Миртон хозяйничал возле бара, шаря среди початых бутылок. Стоявший неподалеку Тартус Фим сжимал в руке банку какой-то дряни. «Будто талисман», – подумал доктор.

– Точно не хочешь? – спросил Миртон, наливая виски в квадратный, грубо обработанный стакан. Фим что-то отрицательно проворчал, приплясывающей походкой двигаясь в сторону небольшого стола примерно в центре каюты, исполнявшего роль дополнительного проектора, постоянно соединенного с системой стазис-навигации. Пока он был выключен, и на крышке его виднелось лишь несколько влажных следов от стаканов. Капитан, похоже, все больше расхотелся, и доктору оставалось лишь надеяться, что он не разнесет в итоге и сам корабль.

– А вы, я вижу, все так и обретаетесь с этим лохом, доктор? – Тартус Фим уселся за стол, довольно вертя в руке банку пива. Джонс криво усмехнулся, не имея никакого желания садиться, а тем более напротив Фима.

– Что поделаешь... – ответил он. – Такая уж судьба.

– Да, пожалуй, – согласился Фим. – Впрочем, насчет судьбы порой бывает весьма забавно. Взять, скажем, ту историю с «Драконихой». Корабль разбит, в живых остается только вы и капитан, но вы мужественно не расстаетесь со своим шефом. Во имя Ушедших! В таком, простите меня, возрасте? Да вы настоящий герой! Вашей преданности можно только позавидовать, – театрально вздохнув, он отхлебнул пива. – Наверное, именно потому я и летаю один. Но ведь был и у меня момент слабости! Некая Спети... может, вы знали ее, доктор?

– Знал.

– Настоящая звездочка, согласитесь! Сама прелесть. Как она повсюду бегала своими ножками, стучала кулачками по моему кораблю, везде заглядывала, нос свой любопытный совала. То сюда заглянет, то туда, проводок потянет, что-то перепрограммирует... Такая милая, на все готовая... мол, учиться хочу, говорила. У вас, капитан! Корабли пилотировать. А когда было грустно и одиноко... ну, вы и сами лучше меня знаете. Кажется, я видал пару раз, как она вас за руку держала, а вы ей что-то объясняли долго и путано. А как она слушала – аж лобик свой симпатичный морщила!

– Хватит тебе, Тартус. – Миртон упал на стул и поставил стакан. Желтоватая жидкость опасно задрожала, но не пролилось ни капли. Фим словно его не слышал, глядя лишь на доктора.

– Вот только все прекрасное, увы, не вечно, – продолжал он, с удовольствием подмечая реакцию Джонса. – Уж столько это дитяtko запрограммировало, столькому выучилось, что я пошел как-то раз в галльон облегчиться, а горшок мне: «Кто вы? Прошу немедленно покинуть корабль! Прошу немедленно покинуть корабль!» Как же мне тогда стало грустно... С каким же сожалением нажал я кнопку вышестоящей программы, о которой не знала наша дорогая Спети... И как же мне потом чуть ли не плакать хотелось, когда я запихнул бедняжку в шлюз, а затем...

– Достаточно, Фим, – отрезал Грюнвальд, видя, как багровеет, а затем бледнеет морщинистое лицо доктора Гарпаго. – Заканчивай!

– Ладно, ладно... – Тартус поднял руки, изображая покорность. – Ничего с ней не случилось, доктор, не падайте в обморок! Напасть, ну и нервы у вас... Да, в шлюз, но на Дельмаре-4! Приятная песчаная планетка, знаменитая тем, что на ней правит картель Паллиатива. Думаю, они быстро вправят ее куриные мозги, выбив из них все глупости – она и думать забудет захва-

тивать корабли. Но так уж оно бывает, когда пытаешься объяснить скромной девушке-пилоту третьей категории, что ее контракт... гм... под вопросом с точки зрения жалования. Тогда у нее сносит крышу, и хлопот не оберешься. Разве нет?

– Чересчур много болтаешь, Фим, – поморщился Миртон. – С тех пор как ты сюда явился, постоянно несешь какую-то несуразицу, аж рот не закрывается. Но звуки, которые ты издаешь, никого не интересуют. Нас интересует твой несессер. А его я при тебе не вижу.

– Есть он, есть. На «Кривой шоколадке». Весь набит ампулами. При мне его нет? Ах, какой недосмотр! Сейчас возьму и полечу за ним. Аж дрожу от нетерпения. Кстати, он того стоит – прекрасный, профессиональный товар. Доставленный из весьма... гм, как бы это сказать... интересного с политической точки зрения источника. Довольно опасный, если размахивать им перед носом Научного клана и Альянса. Может, даже очень опасный. Но хороший. Хороший, даже если его разбавить. Вы ведь его слегка разбавили, да? – он замолчал, ожидая реакции, но ее не последовало. – Я как-то раз сел за компьютер и начал считать, – после некоторой паузы продолжил он. – Люблю считать. Циферки, столбики и прочую хрень. Расслабляет.

– Да что ты говоришь?

– И я посчитал, – невозмутимо продолжал Тартус, – что кое-что у меня не сходится. Что склонило меня к дальнейшим размышлениям.

– Капитан... – начал Гарпаго, но Грюнвальд жестом заставил его замолчать.

– Каким размышлениям, Фим? – медленно спросил Миртон. Тартус отставил банку с пивом и сосредоточился полностью на ней, будто все остальное внезапно перестало его интересовать.

– Простым. Даже банальным, – ответил тот, поглаживая банку кончиками пальцев. – В чем смысл жизни? В самом ли деле существовали легендарные Иные? Можно ли найти любовь во Вселенной? Движется ли время в обратном направлении? Почему у меня иногда свербит там, где не должно? Не отвалится ли у меня хозяйство после последнего визита в бордель на станции Йорк в Рукаве Стрельца? И так далее.

– Вам вовсе незачем это слушать, капитан, – вмешался Гарпаго, но Грюнвальд даже не взглянул на доктора, продолжая смотреть на Фима, который с кривой усмешкой отхлебнул пива.

– Подобные размышления естественным образом ведут к последующим раздумьям, – заявил он, вздыхая над банкой. – Когда летишь в пустоте, глядя на эти... как их там... которые светятся...

– Звезды, – подсказал Миртон.

Тартус хлопнул ладонью по столу.

– Именно! Звезды! Человек такой маленький на фоне всего этого дерьма, верно? В общем, смотрел я, смотрел, и мысли мои бродили туда-сюда... а потом остановились на нашем дорогом СНС – синапсово-нейронном стабилизаторе, известном также как «малый стазис». Полулегальное средство, которое дают тем беднякам, что имели несчастье побывать в Глубине, будучи в сознании, – Тартус с явным удовольствием переключился на лекторский тон. – СНС – средство, лишь отсрочивающее неминуемый конец. Созданный Научным кланом препарат можно применять лишь с согласия Альянса – порой ведь бывает, что контролеры хотят узнать подробности случившегося и дают согласие на продление агонии жертвы. Крайне интересен также тот факт, что за относительно короткое время действия стабилизатора мозг больного не в состоянии чему-либо научиться! Он функционирует так, словно его заморозили, и может воспроизводить лишь уже известные данные. Однако этого достаточно, чтобы подвергнуть больного допросу без всяческих безумных бредней насчет глубинных чудовищ, таинственного псевдопространства и прочей чуши. Просто захватывающе! Естественно, до поры до времени, – Тартус постучал по банке. – Как говорила моя дорогая бывшая супруга по контракту, всему есть свой конец.

– Короче, Тартус, – сухо бросил Миртон.

Торговец взглянул на него, с плохо изображаемым негодованием подняв брови.

– Уже кончаю, кончаю... – пообещал он. – В общем, сперва я думал, что вы продаете СНС куда-то дальше, но вы слишком мало его брали. Чтобы дело окупилось, вам пришлось бы брать по крайней мере тысячу единиц каждую лазурную неделю, – он развел руками. – Вполне логично. Именно это у меня и не сошлось. Впрочем, где вы могли бы его продавать? На Дурдоме? У них есть свои собственные легальные поставки. Станциям во Внешних системах? Как основу для какого-то наркотика? Абсурд. А может, вы сбываете стабилизатор где-то в захолустных, всеми забытых планетных системах? Но зачем, во имя Напасти? И кому? Селянам с их остатками юнитов в платежном чипе? И так далее... – Тартус печально покачал головой. – Если честно, у меня от всех этих мыслей аж башка разболелась. Я все пытался понять – если они так мало берут, может, тут замешан какой-то частный получатель? Но – опять-таки, какой? Стабилизатор имеет свои ограничения. Его можно использовать чуть дольше лазурного месяца... может, даже и меньше, и с каждым днем он становится все хуже. Так что оставалось лишь одно. И тут все начало сходиться.

– Просвети нас, Фим, – глухо проговорил капитан, и доктора Гарпаго пробрал мороз по коже.

– Конечно, конечно! – замахал руками Тартус. – Естественно, речь идет о «Драконихе», разбившейся примерно пол-лазурного года... а может, год назад? Не помню. Но я помню те заголовки... Почти вся команда погибает при загадочных обстоятельствах в окрестностях системы Бурой Элси. В катастрофе выживает лишь капитан, посадивший остатки корабля на планету... и его любимый доктор Гарпаго, найденный в выброшенной с корабля дрейфующей спасательной стазис-капсуле. Из чего следует, что доктор был без сознания, а вся катастрофа каким-то образом связана с Глубиной, – Фим с деланой грустью покачал головой. – Не с каким-то пульсаром, не с поврежденным реактором. И таким образом, складывая два и два, получаем четыре. И еще одну мелочь, которую можно свести к простому вопросу.

– Какому?

– Как так вышло, что ты все еще жив, Грюнвальд?

Удостоверившись, что корабли надежно состыковались, Пинслип Вайз покинула кресло и направилась в свою каюту, уступив место странно хмурившейся Эрин Хакль. Впрочем, причины подобного настроения Эрин не особо волновали Вайз. Пин думала совсем о другом – о безопасном месте, где можно было наконец сесть и принять таблетку нейродопаминала, надеясь, что хотя бы он поможет ей побороть чувство холода, которое она постоянно испытывала на этом корабле. Положить таблетку на язык, а потом уйти с головой в голонишу, предварительно подключив к ней Галактический кристалл, рисующий перед глазами миллионы солнц и серебристую звездную пыль.

Чтобы попасть в свою каюту, ей нужно было уйти с главной палубы и тащиться почти в самый конец корабля, где на средней палубе, почти сразу за кают-компанией, находилась небольшая, закрывавшаяся посредством гидравлического привода дверца. Пин шла словно в странном полусне, не обращая внимания на то, что ее окружало, пока не наткнулась на Месье.

Она сразу же почувствовала, что толстый механик чего-то от нее хочет. Он странно на нее смотрел еще во время первой встречи команды, да и потом, сталкиваясь с ним, она всегда старалась, чтобы поблизости был кто-то еще. «Ленточка» в этом отношении идеально ее устраивала – корабль, может, и был достаточно велик, но акустика его гарантировала, что голос Пин услышат повсюду.

Повсюду – если только крик раздастся не из кают-компании.

Двери туда открывались и закрывались автоматически, без использования генодатчиков. Соответственно, это означало, что настежь они не были открыты никогда. Лишь пройдя через

них и сделав еще несколько шагов, Пин заметила, что двери с противоположной стороны перебивает развалившийся на слегка выдвинутом вперед стуле механик.

– Привет, Пинслип, – сказал он, не глядя на нее, словно для него она была пустым местом.

– Привет, Месье, – лаконично ответила она, подумав, не повернуться ли ей и просто уйти, однако решила, что с ее стороны это будет выглядеть глупо и по-детски, и остановилась, приняв делано расслабленную позу. – Что такое?

– Ничего, – столь же лаконично ответил он.

– Ну и прекрасно. Я иду к себе.

– Хотелось с тобой поговорить.

– Я немного устала. Может, позже?

– Лучше сейчас.

Пин вздохнула, чувствуя, как сердце вновь охватывает странный мертвый холод. Месье все так же на нее не смотрел, еще больше развалившись на стоявшем возле овального стола стуле, так что она уже не сомневалась, что он преграждает ей дорогу. Несколько мгновений она слышала лишь собственное дыхание и шум механизмов корабля. Теоретически, если сейчас повернуться и пойти назад... но у нее возникло странное ощущение, что тогда механик вскочит и остановит ее, прежде чем она успеет добежать до дверей. Хотя она понятия не имела, с чего вдруг такое пришло ей в голову.

– Я тут подумал, – вдруг сказал Месье, – что этого все равно не избежать.

– Гм?

– Нет смысла тянуть, Вайз. На этом напастном прыгуне мы все обречены. Ты знаешь, что вся эта посуда держится лишь благодаря артефактам элохимов? Ты бы в такое поверила?

– Что, правда?

– Правда, – в бесстрастном голосе механика звучало странное спокойствие. – Тут все может накрыться словно карточный домик в любой момент. Уфф... – Он развел руками, впервые взглянув ей прямо в глаза. – Я не собираюсь тут долго торчать, Вайз. Это летающий гроб. Если что-то сгорит, могу починить. Напасть, я даже полреактора могу поменять, были бы запчасти! Но с этим элохимским говном мне ничего не поделать.

«Так вот, значит, в чем дело», – облегченно вздохнула Пинслип. Но Месье еще не закончил.

– Может, подойдешь поближе? – спросил он. – Неохота, знаешь ли, болтать о таких делах на полной громкости.

– Я прекрасно тебя слышу. Пожалуй, ты прав, Месье. Может, поговоришь с капитаном?..

– Я не хочу говорить с капитаном.

– Вот как? А чего ты тогда хочешь?

– Хочу поговорить с тобой.

– Мы и так уже разговариваем, – ответила она и, увидев, что механик встает, вздрогнула, подавляя инстинктивное желание бежать.

Особо высоким ростом он не отличался, зато был весьма тучен. Пин увидела, как по его щеке стекает крупная капля пота – словно на четкой, резкой голограмме. Он был уже близко, слишком близко. Остановившись рядом, он придвинулся к ней боком, и она вдруг совершенно ясно, без каких-либо сомнений поняла, что ему на самом деле нужно.

– Все будет хорошо, Вайз, – тихо сказал он. – Все будет отлично. Рано или поздно это все равно случится. Неизбежно.

– Что? – спросила Пинслип, отступая к дверям, но было уже слишком поздно. Месье повернулся к ней лицом, и она ощутила кислый запах пота и едва сдерживаемой похоти.

– Любишь поострее? – спросил он. Вайз попятилась, но механик решительным спокойным движением схватил ее за руку, крепко сжав. Голос, до этого бесстрастный, сменился хриплым шепотом: – Ух, и отжарю же я тебя сейчас, – пообещал он, расстегивая и спуская ниж-

нюю часть комбинезона. – Так отжарю, что дышать не сможешь. Звезды увидишь, – добавил он, когда она инстинктивно сжала ноги. – Со мной, дорогуша, ты за гребаную Галактическую границу вылетишь.

8. Встречи

Я в полной мере понимаю возмущение Совета и возражения с его стороны. В конечном счете психофизия – болезнь не столько неизлечимая, сколько опасная. Телекинез? Пиромания? Чтение мыслей? Представьте себе все разновидности психических мутаций, слившиеся воедино, подобно неуправляемому вирусу, уничтожающему тело больного в обмен на его безумие. Однако вы не желаете мне верить. Вы говорите об эволюции человека. Я же говорю об экспериментах Машины. Вы говорите о контроле – я же о реальном риске заразиться этой болезнью при слишком близком и длительном контакте с больным. Вы говорите о расходах – я же о Собрании, которое вам платит, о секте, которая уже много лет проводит эксперименты над этой чудовищной болезнью! И потому я повторяю: психофизия должна исчезнуть из Выжженной Галактики, пусть даже для этого придется перебить всех заболевших! О чем заявляю вполне осознанно.

Эфам Ле Тулл, старший мыслитель Научного клана, речь перед Советом Альянса, Лазурь

Орбитальная космическая верфь Пурпура была обязана своим названием цвету, давно уже поблекшему в лучах солнца. Испещренная частями разобранных кораблей и поблескивавшая желтыми огоньками позиционных ламп, она напоминала тощее насекомое с десятками конечностей, которое, вместо того чтобы пожирать корабли, испражнялось ими деталь за деталью.

– Стоило бы назвать ее Пурпурной паучихой, – пробормотал Нат, глядя на изогнутые неометаллические очертания верфи на передававшем картинку из рубки управления челнока мониторе. Расположившийся рядом Аро что-то утвердительно булькнул, приподнимаясь на гусеницах и глядя в монитор единственным овальным глазом.

Они летели уже почти час. Похожий на пузырь «тупак» тяжело плыл к станции, словно управлявший им пьяный пилот заснул и только теперь пробуждался от летаргического сна. Однако это был единственный доступный челнок, пусть даже и неисправный, – всепланетное свадебное празднество собрало свою жатву. «Неплохое начало, – усмехнулся про себя Натрий. – Поврежденный челнок, пьяный пилот и разваливающийся корабль с престарелым капитаном и столь же старой командой. Интересно, что станет делать капитан Кайт Тельсес?»

– Аро, подзарядись, – велел он. – Напасть знает, когда снова будет такая возможность.

– Зарядись, – согласился Аро, подкатывая к одному из доступных на челноке разъемов. Перед самым вылетом Нат заблокировал у него некоторые языковые функции – чересчур умные Машины никто не любил. – Зарядись.

– Именно.

– Десять минут до цели, – послышался хриплый голос пилота. – Желаете ангар А, ваше высочество?

– Ладно. Лишь бы побыстрее.

– Так точно.

К удивлению Ната, «тупак» прибавил скорость. Из-за компенсировавших ускорение антигравитонов ощутить это было нелегко, но Нат не сомневался, что тяга выросла как минимум на полтора десятка процентов. «Пилота тоже все достало, – со злорадным удовлетворением подумал он. – К чему ему на борту злобный мутант и Машина-убийца?»

На мониторе уже виднелся ангар, скрывавшийся за голубоватым свечением магнитного поля. Похоже, он был забит до отказа – видимо, часть гостей из-за пределов планеты оставила здесь свои лишние атмосферной защиты глубинные прыгунки, чтобы, как бы заодно, пройти

техосмотр. Несколько силуэтов удалось даже опознать – прыгунки с Исемина, Новой Каппы, Эксона... и, похоже, один с артефактным корпусом. Вновь обретенный корабль Иных? Нат попробовал приблизить картинку, но это мало что дало. В любом случае небольшой корабль был белым, неправильной, почти неевклидовой формы. «Корабль элохимов, – решил Натрий. – Здесь? Только этого еще не хватало».

Картинка на мониторе дрогнула на долю секунды, извещая о преодолении магнитного поля, защищавшего открытый ангар станции. Вспыхнули зеленые огоньки, «тупак» открыл люки и выпустил трап. Пилот остался в рубке, разговаривая по связи с верфью. Пожав плечами, Нат разблокировал захваты кресла.

– Идем, Аро.

– Выполняю.

Сложная система антигравитонных дюз переместила кресло вниз по трапу, постоянно удерживая его в вертикальном положении. Аро с тихим шумом съехал следом на своих гусеницах. Бочкообразная Машина с любопытством окидывала взглядом ангар, регистрируя данные для возможного последующего анализа. Функцию автоматической записи Натрий установил в ней уже давно, с возможностью сброса на свой персонал.

Ангар был велик, хотя и не настолько, как казалось снаружи. Нат с интересом взглянул на стоявшие ближе всего прыгунки. Часть их была подключена к зарядным разъемам реактора, другие осматривали механики.

– Аро, панель, – велел Натрий. Свернув влево, Машина подъехала к располагавшейся у одного из выходов ангара контактной панели. Вытянув один из шести своих рычагов, опекун начал стучать по появившемуся на экране меню. Нат остановил кресло.

– Войди в список кораблей и найди «Пламя». Обойдемся без посредников. Мне ни к чему, чтобы из-за нашего визита стоял на ушах весь Пурпур. Нашел?

– Ответвление номер семь.

– Отлично. Если уже скопировал карту, веди.

– Ответвление номер семь, – послушно повторил Аро, сбрасывая данные панели, и они двинулись с места. Нат полагал, что их ждет долгое путешествие через полстанции, но опасения его быстро развеялись – ангар А находился между шестым и седьмым ответвлением верфи. Однако при всем при этом они все же вызвали некоторое любопытство у прогуливающих там клиентов. Может, левитирующий в коляске калека был и не столь интересен, зато движущаяся следом за ним Машина – причем, вероятнее всего, третьей степени – более чем.

Натрий заметил, как какая-то женщина в обтягивающем комбинезоне пилота из Внутренних систем сплюнула в их сторону, а в становившемся все громче шепоте тех, мимо кого они проходили, слышалось смешанное с недоверием презрение. Все это его особо не волновало до тех пор, пока в глазах какого-то пожилого щеголеватого мужчины, прихлебывавшего из бокала в мини-баре, не промелькнул странный блеск. «Похоже, он меня узнал», – понял Нат и передвинул рычаг кресла, прежде чем до него донеслись слова вроде «мутант», «психофизия» или «сын герцога». Они свернули в сторону, оставив перешептывания позади. В ответвлении, в отличие от соединительного туннеля, клиентов было немного, причем явно утомленных ожиданием. Вокруг крутились механики и спешащие команды трех или четырех подсоединенных к ответвлению кораблей, тоннаж которых не позволял им расположиться в ангарах Пурпура. Остановившись у входа в нужный док, Аро начал набирать на панели возле люка просьбу открыть канал связи.

– Да? – голос, слегка измененный некачественными компьютерными цепями, звучал по-стариковски, но Ната это не слишком удивило.

– Натрий Ибессен Гатларк, – представился он, подплывая ближе в кресле. – К капитану Кайту Тельсесу по поручению его высочества Ибессена Сектама Гатларка. Прошу разрешения войти на борт.

В динамике послышался треск. «Это не Кайт, – понял Нат. – Скорее всего, кто-то из команды. Во имя Ушедших, пока кто-то из этих старикашек дотащится до капитанской каюты...»

– На-а-ат?

– Капитан? – удивился Натрий. Неужели Тельсес уже доковылял до микрофона?

– На-ат, это ты?

– Да, это я, капитан Тельсес.

– Впусти его, Сори. Сколько раз вам говорить... – бормотание капитана заглушил шум открывающегося люка. – Вы же знали... мне что, все самому делать? Все самому?

«Чудесно», – подумал Нат.

Док, как оказалось, являлся не чем иным, как небольшим продолжением станции, соединенным с открытыми настежь люками корабля. До них доносился странный сладковатый запах, в котором Нат сразу же опознал запах старости. Всего лишь иллюзия, но побороть ее было нелегко – особенно после того, как Нат увидел команду.

Кайт Тельсес стоял во всей своей красе на главной палубе эсминца, по сути, состоявшей из стазис-навигаторской с несколькими постами управления. Тощий старик с длинной седой бородой средневекового чародея, прищурившись, с трудом вглядывался в Ната. Отсутствие капитанской фуражки ему компенсировали длинные, столь же седые, как и борода, волосы, невообразимо торчавшие в разные стороны.

– На-ат? – слегка пошатываясь, удостоверился он. – Проклятые очки, опять забыл...

– Это я, капитан Тельсес.

– Я же тебе говорил, Сори, – капитан повернулся к стоявшей рядом маленькой высохшей женщине с подстриженными под ежик волосами, такими же белыми, как и у него. – Это малыш Нат. Точно он.

– Вижу, капитан.

– Что тебя к нам привело... Нат? Нат, что там стоит за твоей спиной, Напасть тебя дерит? Машина?

– Это всего лишь Аро, капитан Тельсес. Он нисколько не опасен. Вы его уже как-то раз видели на Гатларке. У него уровень меньше трех. Аро, представься.

– Быть Аро, – послушно ответил Аро. Кайт подозрительно взглянул на него.

– Чтоб меня Напасть взяла, Нат, если я позволю какой-то напастной Машине разобрать мне на части корабль или перебить людей. Если уж он будет тут, ты должен держать его у себя в каюте, понял?

– Конечно, капитан.

– Вот и хорошо. Иди сюда, Нат. Сори, скажи Киприану, чтобы сделал нам кофе. С водкой.

– Никакой водки, капитан.

– Проклятая баба! Это моя жена. Капитан-срапитан. Это она так выделяется. Сорок лет супружеского контракта, представляешь. Нат? Сорок напастных лет! Это уже кровосмешение какое-то, тебе не кажется? Иди, дорогая, сделай нам кофе. С водкой.

– Никакой водки, капитан.

– Мы с ней можем так целый день, – пояснил Кайт, когда Сори скрылась из виду. – Не важно. Пойдем, – он медленно двинулся вперед, обходя семенящих по главной палубе членов команды. Нат с облегчением заметил, что, по крайней мере, половина из них выглядит достаточно бодро, чтобы исправно выполнять приказы. – Нальем себе немножко, у меня кое-что припрятано в баре, – добавил капитан. – Пил когда-нибудь водку, Нат? Очень старый рецепт, не то что нынешнее говно. Еще с Терры. Напиток древних богов с забытой планеты. Хе-хе.

– Пару раз приходилось.

– Повзрослел, значит, – кивнул капитан Тельсес. – Это хорошо. Отец жив? Ну да, я же с ним разговаривал. И как тебе? Нравится?

– Кто, отец?

– Какой еще отец? Наша стазис-навигаторская! У нас до сих пор проблемы с выходом из Глубины – искин будит всех через пятнадцать секунд, представляешь? Так что прыгаю я редко. В прошлом году мы из-за этого потеряли Мансена. Может, помнишь его? Такой старый, седой...

«Не может быть», – подумал Нат.

– Так или иначе, нам загрузили новое программное обеспечение, – продолжал капитан. – Большое прозрачное меню с возможностью масштабирования. Если бы ты знал, как меня раздражали те мелкие буковки! И еще нам реактивировали два огневых поста на главной палубе. Вон, смотри – там, где сидит Канто. Помнишь Канто? Кажется, это он. В любом случае он может выпустить две «ищейки» сразу. Прекрасные маленькие ракеты! Может, как-нибудь постреляем... Ну а сейчас мы войдем в мой маленький лифт. Примо, будь любезен, нажми кнопку. Едем наверх, в капитанскую. Помнишь Примо?

– Не особо...

– Он тут новенький, может, и не помнишь. Сколько ты тут уже работаешь, Примо? Ему стыдно, не хочет говорить. И вообще, где ты шляешься, Примо? Хочешь стать нашим лифтером? Будешь кнопку нажимать – вверх, вниз, вверх, вниз... Ну, не обижайся. Седой, а дурак! Ну ладно. Выходим. Ты вроде как все еще болен, да? Этим... как его... Значит, хочешь тут перезимовать, а, Нат?

– Как раз наоборот, – возразил Нат. – Я хочу отсюда улететь, капитан Тельсес. С вами и вашей командой.

– Гм... вот как? И куда же, Напасть тебя дери?

– Недалеко. Но чем быстрее, тем лучше.

Керк Блум, как и большинство компьютерщиков, генокомпьютерщиков и прежде всего генохакеров, страдала паранойей.

Паранойя эта носила вполне здравомыслящий характер. Когда занимаешься взломом программ, основанных на генной структуре, то есть выращенных и трансформированных с помощью эволюционных факторов в симуляторах и построенных на биологических подсистемах, без паранойи не обойтись. Большинство взломанных программ, может, и не обладали настоящим искусственным интеллектом, но в них чувствовалось нечто вроде внутреннего инстинкта и защитного механизма. Так что если у генохакера возникало ощущение, будто нечто за ним наблюдает, то, скорее всего, именно так и было.

В итоге паранойя стала суррогатом шестого чувства, позволявшим избежать множества проблем. Блум, может, и не считала, что обладает шестым чувством, по крайней мере, пока ею не заинтересовалось Собрание. Паранойя бросала ее в дрожь – и этого ей вполне хватало.

Вплоть до встречи с Вонючкой.

Выбравшись из «Пикси», она сразу же включила ускоренную автоматику ездоleta и, не обращая внимания на причитания Тетки, начала машинально надавливать на кожу возле разъемов. Сами разъемы нисколько ее не интересовали – ряд точных нажатий должен был активировать скрытые функции ее персонала.

С точки зрения Альянса, нарушить работу базового программного обеспечения персоналей было невозможно – они являлись генокомпьютерным продолжением человека, позволявшим вступать в близкий контакт с Потокom и миллионами доступных в Выжженной Галактике устройств. Будучи индивидуальным и меняющимся вместе с человеком, персонал представлял собой лишь технобиологический интерфейс, и каждое, даже незначительное вмешательство в его деятельность могло его повредить. К тому же любое его расширение сверх базовых функций уже подпадало под Машинный риск и уголовные статьи Альянса.

Однако Керк все это не интересовало. Свой персонал, и без того уже поврежденный псевдоличностью Тетки, она взломала давным-давно, хотя прекрасно знала, что ей может за это грозить. Загруженные в него новые функции, которые она для удобства назвала Плюсом, позволяли многое... хотя и риск был немаленький.

В Выжженной Галактике лишь одно человеческое сообщество позволяло себе глубоко вторгаться в персонали. С целью избежать связанных с этим последствий, много веков назад оно зарегистрировалось как секта, верящая в Симуляционную Технологию Развития Интеллекта Постчеловечества, или стрипсы. Тем самым стрипсы вывели себя за рамки общества, назвав себя «постлюдьми», и, хотя им позволяли существовать, существование их было довольно шатким и не вполне законным, но к ним относились терпимо благодаря ожидавшейся от самого факта их наличия пользе. Проклятые и всеми презираемые, стрипсы, помешанные на идее киборгизации и древних Машин, представляли ценность – подобно элохимам или Собранию – для Научного клана, который с интересом наблюдал за их начинаниями, а некоторые якобы даже спонсировал.

– Притормози, дитячко мое дорогое, притормози! – стонала Тетка, пока взволнованная Керк искала нужную комбинацию. Перед ее глазами возникла отображенная на сетчатке глаза картинка – основное меню с дополнительными скрытыми опциями. Не приходилось даже прибегать к помощи модуля – Блум напрягала и расслабляла мышцы, подбирая комбинации пальцами. Этого вполне хватило, чтобы ввести сигнал в организм, который тотчас же начал вырабатывать дополнительные порции допамина.

– Напасть, – уже спокойнее пробормотала она, наконец вновь обретя способность думать. Мысленно она уже обругала себя за чересчур импульсивную реакцию – нужно было остаться и слегка помучить Кампа. Может, он рассказал бы больше. А может, он просто врал? Но зачем? Даже он должен был понимать, что всякая чушь насчет Собрания не поможет ему затащить Керк в постель.

Не важно. Она не знала, насколько правдива информация, которую продал ей Вонючка, но для нее та была достаточно реальна, чтобы принять решение. Гатларк определенно становился чересчур тесен. Нужно было отсюда сваливать, и подальше. Лучше поближе к Внутренним системам, во всяком случае, достаточно близко к Ядру, чтобы осложнить Собранию его дурацкие Жатвы. И Нат ей это устроит – все-таки он перед ней в долгу.

Керк начала вызывать его по частному каналу, но межперсональная связь молчала. Отключился? А может, куда-то полетел? Теоретически в пределах одной системы можно было связаться с каждым, кто хотя бы раз оставил свой след в Потоке.

Однако его гребаное высочество Натрий Ибессен Гатларк молчал как проклятый.

Похоже было, что он заблокировал любую возможность связи с собой, полностью обрыв контакт, а Керк прекрасно знала, что сделать он так вполне мог. Она сама помогала ему установить соответствующие блокировки. В обычной ситуации она сумела бы их снять, но не без генокомпьютерного подсоединения к Поток. К тому же давать понять Нат, что она на это способна, выглядело не слишком разумно.

– Дом, милый дом... – умилилась Тетка. Блум бросила взгляд через неостекло СВ33 – действительно, уже был виден Свет. Весь район Прим окутывала ночь, освещенная лишь плотным поясом созвездия Вампира и Дамы, как гатларкцы называли самое крупное скопление видимых в системе звезд.

– Паркуйся, – приказала Керк, отключая нелегальные функции персонала. Ездолет уверенно спикировал вниз, стабилизируя полет дюзами антигравитонов. Черная черточка небоскреба Тридцать четвертой общины превратилась в толстый столб, а затем в темный монолит, на фоне которого виднелось лишь несколько светящихся точек. Машина развернулась вокруг своей оси и, слегка накренившись вправо, ловко подцепилась к стояночным захватам.

– Тетка, возвращайся полностью в персонал, – велела Керк. – Начиная процедуру очистки системы СВ33. Оставь основные управляющие функции. Цель следующего полета – космопорт Гатларк-2. Планируемое время – через тридцать лазурных минут. Выполняй.

– Выполняю.

Блум не относилась к числу тех, кто любил принимать решение в последний момент, но, уже его приняв, не теряла времени зря. Выйдя из ездолета и даже не оглянувшись, она быстрым шагом направилась в сторону квартиры. Керк машинально бросила взгляд на генодатчик двери, но опытный глаз параноика не заметил никаких изменений. Если кто-то и собирался к ней вломиться, то не сегодня.

– Напастное Собрание, – пробормотала она, вбежав в квартиру и хватая из шкафа небольшой чемоданчик с микроизлучателями антигравитонов, компенсировавшими чрезмерную тяжесть. Установленный в нем генодатчик тихо пискнул и открыл замок. Перебежав в комнату, Керк начала паковать модули памяти, несколько помятых предметов одежды и жратву из холодильника, который при виде нее засветился крикливой голорекламой и начал наигрывать раздражающие мелодии. – Гребаное напастное Собрание.

Для нее не имело особого значения, что брать с собой – львиная доля данных хранилась в нелегальных чипах внутри ее собственного тела, соединенных с персоналем. Больше всего ее интересовало Сердце – главное ядро установленной в доме компьютерной системы. Остальное представляло собой лишь сменные надстройки, позволявшие легко установить с ним контакт.

Заперев квартиру с помощью генодатчика, она могла какое-то время спустя позволить себе нанять транспортно-упаковочную фирму, которая вычистит ее жилище до последней пылинки, запакует все вещи и отправит на указанный адрес в пределах всей Выжженной Галактики. Впрочем, большинство надстроек, микроразъемов, датчиков или даже голожурналов не представляло никакой ценности. Любой купленный предмет был отмечен в Поточе ее генами, и им невозможно было воспользоваться, не рискуя раскрыть местонахождение владельца. То же относилось и к некоторым предметам одежды и продуктам питания.

Естественно, все это она могла заблокировать – стирание сигналов, которое передавали в Поток предметы, для генохакера было задачей на уровне детского сада. Но Керк решила, что у нее нет времени и следует взять лишь самое необходимое. Собственно, ей хватило бы только модулей и Сердца – небольшого черного куба, внешне напоминавшего некоторые из Галактических кристаллов, любимых игрушек астролокаторов, способных хранить невообразимое количество данных, необходимых для наглядного представления Выжженной Галактики.

ЭИП она в конце концов нашла под ванной – всеми забытый запылившийся серый шар на псевдоножах. Когда Блум взяла его в руку, шар показался ей очень тяжелым – ничего странного, что он оказался там, где Керк не могла случайно о него споткнуться и сломать себе палец на ноге.

– Привет, дорогой, – прошептала она, протирая контактный экран. – Секунды... минуты... дни. Всё на месте. Дай поцелую.

Впервые после встречи с Вонючкой Блум улыбнулась про себя. Может, ее и преследовало Собрание, может, Нат втянул ее в исключительно дурно пахнущую историю. Но она знала, что мгновение спустя устроит себе в квартире напастную Выжженную Галактику.

А ничто так не радует генохакера, как успешное стирание данных.

Второго астролокатора «Няни», младшего боцмана Цицера Флинк, снова вызвали в капитанскую каюту, еще до того как он успел вернуться на свой пост. Улыбнувшись про себя, он пригладил коротко подстриженные светлые волосы и дождался, когда смолкнет звонок и по главной палубе эсминца вновь разнесется фраза: «Астролокатора Флинка просят явиться в каюту капитана».

«Астролокатор», – удовлетворенно подумал Флинк. Не второй астролокатор. Все-таки стоило опередить Лема и передать данные о том спутнике. Он направился в сторону лестниц и лифтов.

Конструкция «Няни» основывалась на простой и достаточно распространенной конфигурации эсминцев Альянса. Главная палуба, как и в случае многих других кораблей данного класса, по сути, представляла собой стазис-навигаторскую, соединенную с боевой рубкой и электронными контурами обнаженного Сердца, распределенными между несколькими взаимодействующими между собой постами. Такие корабли, как эсминцы или крейсера, не полагались на мощность одного процессора – подобное могли позволить себе обычные прыгуны и часть фрегатов, обладавшие более компактной и не столь сложной конструкцией. Однако корабли класса «Няни» были слишком велики, и их обслуживало слишком много народу, чтобы их функционирование могло зависеть от одного компьютера. То, что это мог быть компьютер предпоследнего поколения, с кастрированным всего на двадцать пять процентов искомом, значения уже не имело.

Командиров подобных кораблей также не особо вдохновляла идея, что Сердце будет контролировать единственный компьютерщик с помощью единственной синхронизирующей все воедино программы. Связано это было не только с нежеланием делиться властью на сугубо военном корабле, но и с легендарными рассказами о Машинах, которые во время войны могли быстро инфицировать корабли, оснащенные лишь одной компьютерной системой.

Капитанская каюта располагалась непосредственно над выдвинутым вперед носом, являвшимся своего рода продолжением стазис-навигаторской в виде небольшого капитанского мостика, окруженного главной консолью, которая собирала доклады от всех постов корабля и могла перехватывать управление каждым из них. Нос заканчивался огромным, усиленным с помощью нанитов неостеклом, через которое можно было увидеть фрагмент планеты, окутанной пузырями атмосферы и серыми точками спутников.

Флинк секунду постоял, глядя на выпуклую поверхность Гатларка, а затем направился к лифту номер один, ведущему непосредственно в каюту капитана Вермуса Тарма и соединенную с ней официальную каюту Маделлы Нокс. Смотрительница сектора контроля, возможно, не хотела, чтобы ее воспринимали как официального командира корабля, но обозначила свое присутствие в достаточной степени, чтобы ни у кого не возникало сомнений, кому на «Няне» принадлежит последнее слово.

Судя по тому, что слышал Цицero, ее каюта, может, была и невелика, но подсоединена ко всем системам корабля и могла от него в случае чего отделиться, превращаясь вместе с боковыми дюзами в небольшой, но быстрый и маневренный прыгун, который все называли «Детка». Официального названия никто уже не помнил.

Войдя в лифт, Флинк нажал кнопку. Пискнув, кабина молниеносно взмыла наверх и автоматически открыла двери. Цицero сделал шаг и наткнулся на Захария Лема.

Бывший первый астролокатор «Няни» неуверенно стоял на расстеленном ковре с вышитой на нем системой Лазури. Картина наверняка должна была вызывать ассоциации с художественными гравюрами доимперских времен – художник изобразил траекторию единственной планеты системы с помощью пунктирной линии. Цицero, видевший Лазурь лишь однажды, предполагал, что в полной мере ее гигантские размеры передать не удалось: Научный клан утверждал, что диаметр этой самой большой обитаемой планеты Выжженной Галактики в двадцать с лишним раз превосходил диаметр легендарной Терры. Естественно, встречались и более массивные планеты, такие как, например, Трес-4 в созвездии Геркулеса, который был еще на семьдесят процентов больше, но это отрицательно влияло на их плотность, а соответственно, и на возможность приспособить их для колонизации. Столь огромный размер парадоксальным образом означал и одиночество: в процессе формирования системы Лазурь погло-

тила все находившиеся поблизости планеты и спутники, за исключением одного со странным названием Серебро.

Флинк подозревал, что Захарий Лем чувствовал себя примерно так же, как Лазурь, – одиноком на фоне столь же гигантского солнца.

– Цицero, – простонал астролокатор. – Ты ничего не сказал... Цицero...

– Мне очень жаль, – холодно ответил Флинк, проходя мимо Захария и направляясь к собравшимся в глубине каюты. Он уже заметил, что, не считая младшего техника Лотты Лар, капитана Вермуса и Мамы Кость, там нервно переминался с ноги на ногу контролер, фамилии которого он уже не помнил. Вальтер Как-его-там продолжал топтаться на месте даже тогда, когда Цицero вытянулся в струнку перед капитаном корабля.

– Флинк, мы как раз говорили о тебе, – приветствовал его Тарм. – Твой начальник, увы, не сумел объяснить, почему столь важные данные не прошли через него. У меня странное чувство, будто он до сих пор не понимает, что происходит. Можешь нам объяснить его поведение?

– Увы, нет, капитан.

– Что ж, ничего не поделаешь. Поговорим об этом позже – сейчас нет времени. Техник Лотта воспроизведет интересующий нас фрагмент передачи, и мне бы хотелось, чтобы ты еще раз на него взглянул и подтвердил, что это действительно все и что ты ни на что больше не наткнулся. Прошу продолжать, – как всегда жестко обратился Вермус к перепуганной Лотте, которая поставила на ковер небольшой проектор и нажала кнопку.

Свет автоматически померк, и пространство заполнилось подрагивающим нечетким голографическим туманом. Похожая на мышку Лотта Лар присела возле проектора и отрегулировала резкость. После ряда потрескиваний и белого шума они наконец увидели размытый силуэт мужчины, напоминавший столб дыма с неподвижной маской вместо лица. «Графическая надстройка», – подумал Флинк.

– ...предварительно заинтересована в том, насколько истинны данные экстраполяции контролера Вальтера Динге, – говорил дым. – Однако за столь короткое время мы не можем ничего гарантировать. Если получишь дополнительные данные относительно местонахождения, отправишься туда сам. Насколько я помню, соответствующие возможности у тебя имеются. Ложа ознакомится со всеми данными, которые ты сумеешь добыть. Если данный вопрос заинтересовал Альянс, возможно, он того стоит. Ложа...

Часть передачи внезапно затерлась, сменившись рваной голографикой.

– ...Динге, – произнес дым после того, как вернулся звук. – Да, согласен. Интересный случай. Естественно, все зависит от того, насколько он прав. Но подозреваю, что в связи с этим ничего предпринято не будет. Лазурь не...

Цицero вздрогнул, услышав писк, сопровождавшийся картинкой из рассыпанных пикселей. Секунду спустя они снова услышали:

– ...гистерезиса. Векторы наверняка были постоянные, но он, скорее всего, обнаружил задержку благодаря экстраполяции на основе данных предыдущих прыжков. Все, естественно, зависит от массы. Чем больше объект, тем надежнее данные. Остается вопрос, провел ли он экстраполяцию сектора. Если он так уверен...

Сигнал прервался в очередной и последний раз.

– Там есть еще, – пробормотала Лотта Лар. – В основном данные и сильно искаженная речь, которую можно подвергнуть дальнейшему компьютерному анализу.

– Известно, для кого передача? – спросила Маделла Нокс.

Младший техник нервно покачала головой.

– Адрес получателя неизвестен, – объяснила она. – В передаче он тоже не упоминается. В зонд были аппаратно записаны контактные данные и параметры прыжка, но он получил команду передавать на большой участок территории планеты Гатларк. Передачу мог принять кто угодно, обладающий соответствующим ключом.

– Боцман Флинк? – спросил Вермус Тарм. Цицero удивленно заморгал.

– Все верно, капитан, – подтвердил он. – Это все. По крайней мере, все из той части передачи, которая звучит более-менее логично и которую удалось восстановить.

– Прекрасно, – Тарм повернулся, словно исполняя отгачивавшийся годами пируэт. – Кто-нибудь хочет еще что-то добавить?

– Это мои данные, – выдавил контролер Вальтер Динге, на мгновение перестав топтаться на месте. – Это мои данные. Они все знают, Мама. Они уже летят. Наверняка летят. У нас нет времени.

– Они утверждают, что местонахождение им неизвестно, – неожиданно бросил Флинк. Динге посмотрел на него как на сумасшедшего. «Да он псих, – подумал Цицero. – Свихнувшийся галактический псих».

– Если они перехватили эти данные, то докопаются и до местонахождения, – пискнул псих. – И всё узнают!

– Прекрасно, – кивнула Маделла Нокс. Смотрительница сектора Контроля была единственной, кто позволил себе сидеть во время собрания. Только теперь Цицero заметил, что она заняла обычное место капитана. Интересно, была ли тому причиной исключительно галантность Вермуса? – Капитан Тарм, прошу объявить подготовку к глубинному прыжку. Ставим счетчик на минимальное время после подачи стазиса. Первый астролокатор Флинк, задайте указанный господином Динге целевой сектор в радиусе до пятисот километров.

– Слишком близко, Мама, – вмешался Вермус, но Флинк его не слушал. В ушах его все еще звучало слово «первый».

– Рискнем, – оценила Мама Кость. – Но не бездумно. Предлагаю перебросить сорок процентов энергии реактора на защитные системы «Няни». Еще сорок – на совершение еще одного глубинного прыжка, если возникнет такая необходимость.

– У нас останется всего двадцать процентов... – заметил Тарм. – Исходя из того, что десять мы направим на магнитное поле, только десять остается на все остальные системы.

– Магнитное поле? Неужели они осмелятся нас атаковать? – сухо рассмеялась Нокс, хотя Цицero не почувствовал в ее голосе ни грамма юмора. – Стоит им нас увидеть, и они сбегут. Вся эта Ложа, похоже, еще недавно была лишь выдумкой Вальтера. И теперь они вдруг стали опасны? Не стоит преувеличивать. Насколько я поняла, у них поблизости есть некий агент, который скачал данные и, если сумеет благодаря им узнать координаты, прибудет на каком-нибудь прыгуне или наймет корабль «ТрансЛинии», – смотрительница презрительно махнула рукой. – Ладно, если хотите дополнительно защититься, капитан, включите поле, но отключите все остальное. За исключением глубокого сканирования.

– Можно отключить часть внутренних систем, – согласился Тарм, – таких, например, как контроль циркуляции отходов. Но большинство остальных должны работать – хотя бы антигравитонные компенсаторы, чтобы нас не раздавило от перегрузки. Система внутренней связи, обогрев, фильтры... Напоминаю, что мы в конечном пункте контрольного галактического полета, и, учитывая, что мы как раз собирались подзарядить реактор, у нас не так уж много энергии для прыжка. Остается еще аварийный резерв, но на него, как правило, никто не рассчитывает. Корабль без возможности аварийного прыжка... Эту энергию используют лишь в крайнем случае.

– Хорошо, какие есть предложения?

– Можем изолировать все палубы, кроме главной, но этого все равно может оказаться недостаточно. Десять процентов – не так уж много. Даже глубокое сканирование предполагает использование показаний электродоплера и молекулярных датчиков. Все это поглощает немалую часть энергии реактора.

– Что ж, если потребуется, изолируйте все, кроме главной палубы. Динге?

– Да, Мама?

– Сколько у нас осталось времени?

Контролер вздохнул, явно пытаясь взять себя в руки.

– Немного. Полагаю, что временная вилка составляет примерно от двадцати лазурных часов до лазурной недели, если судить по предыдущим открытиям на линии от туманности де Мерана в Орионе до интересующего нас сектора, но эти данные уже неточны. Если, однако, взять минимальное значение, то есть двадцать часов, то расстояние, может, и невелико, но сам прыжок займет половину этого времени.

– Хорошо. За работу, господа.

«Вот ведь Напасть», – с внезапным страхом подумал Цицеро Флинк.

9. Конфликт

Прежде чем мы перейдем собственно к расчетам, следует вспомнить, что вектора, скорости, ускорения, а также показателя массы и самого гистерезиса недостаточно для определения положения корабля в конкретном четырех- или даже трехмерном пространстве. Глубина управляется собственными законами перемещения энергии и материи, и основанные на математических формулах выводы в ее случае неприменимы. Поэтому, чтобы рассчитать вероятность материализации корабля в заданном пространстве, требуется, во-первых, хорошо знать результаты предыдущих прыжков, в которых данные конкретного корабля, такие как тоннаж или точка отправления перед самым прыжком, совпадают с нашими, и, во-вторых, знать координаты глубинного эха. Как известно, глубинный прыжок ускользает от нашего понимания материи и времени, и потому, вполне вероятно, что глубинное эхо, сопутствующее возвращению из Глубины, может возникнуть перед этим самым возвращением в нашей Вселенной, в виде его предвестника в соответствии со средневековой теорией Шредингера и Гейзенберга.

Математический альманах Научного клана, фрагмент главы «Экстраполяция глубинных прыжков»

Впервые Пинслип поняла, на что способны мужчины, в библиотеках Дурдома.

Серая, лесистая и покрытая вечной мглой Центральная психиатрическая планета Альянса весьма напоминала ее родную планету, Еврому-7. Там тоже были леса и туманы, хотя Еврома выглядела иначе – почти сказочная и прежде всего таинственная, полная древних руин, журчащих среди деревьев родников и старинных курганов. И она не была столь знаменита, как Дурдом, значение которого заметно выросло после того, как участились неудачные глубинные прыжки.

В растущем, словно лавина, количестве аварий обвиняли Научный клан, хотя трудно было понять, шла ли речь о производимом Кланом стазисе или о серии неисправных глубинных приводов, произведенных ОКЗ, Объединенными космическими заводами, находившимися под юрисдикцией как Клана, так и Альянса. Ответственные за массовое производство кораблей ОКЗ, располагавшие невообразимым богатством, которое было сосредоточено в руках их шефа Астиса Кореля, считавшегося одним из самых могущественных людей в Выжженной Галактике, с легкостью переложили вину на субподрядчиков, независимые верфи, Научный клан и даже стрипсов, помогавших разрабатывать программное обеспечение для стазис-навигации. Со временем выяснилось, что дело связано с коррупцией одного из сотрудников Кореля, который решил передать часть производства глубинных приводов неким подозрительным, но дешевым верфям во Внешних системах.

Дело было расследовано, виновные наказаны, и после «глубинного срыва», как назвала его пресса, производство снова возобновилось. Однако это никак не отменяло того факта, что сошедшие с ума после неудачных прыжков экипажи нужно было куда-то девать, притом так, чтобы дело было легко замаять. Дурдом казался самым лучшим решением, а его библиотеки – идеальным местом для ожидания смерти.

Библиотеки занимали обширную часть госпиталя номер три, в котором находилась Вайз. Большие, казавшиеся пустыми здания напоминали монолиты. В соответствии с директивами Альянса, все они были не чем иным, как контролирующими пациентов компьютерами с кастрированным на сорок процентов искином, внедренным в модули памяти, которые представляли собой своего рода библиотеки данных, установленные в составлявших часть инфраструктуры

компьютерах, – собственно, поэтому комплекс назывался именно так, а не иначе. Могло показаться, что душевнобольные предоставлены здесь сами себе, но Дурдом славился своими превентивными технологиями, и, не будь он психиатрической планетой, можно было бы считать, что некоторые из них подпадают под Машинный риск.

Пациенты находились под постоянным наблюдением, а вживленные чипы сильно модифицировали их персонали. Таким образом, безумцев можно было в любой момент усыпить или обездвигить с помощью нейронной блокады. Персонал Дурдома называл это «отключением».

Пинслип прогуливалась по уродливому лесу Дурдома, где стволы деревьев выглядели так, словно страдали странным параличом, когда на глаза ей попался один из пациентов. Он сидел на толстой ветке, одетый в рваную больничную форму. Уже сам вид его одежды должен был заставить ее задуматься, но Вайз лишь ускорила шаг, полагая, что ей удастся избежать встречи с незнакомцем.

– Красавица... – прошептал пациент. – Краса-а-а-вица...

Вайз молча свернула влево. Корпуса госпиталя номер три находились недалеко, и ей хотелось успеть получить очередную дозу лекарств – приступы страха в последнее время ослабли, и она была уверена, что это заслуга прописанных ей медикаментов.

– Знаешь, что там, в Глубине? – спросил пациент. Повернувшись, она увидела, как тот ловко спрыгнул со своей ветки, словно какой-то древесный зверь. Он был весь в крови, и до Вайз начало доходить, что он пытался добраться до одного из чипов. Мало кто решался на подобное – защищенный персонал мог в процессе отключить доморощенного хирурга. – Там ты, – пояснил он. – И там я. Вечно. Вечно. Вечно. Вечно.

Она побежала, но пациент оказался проворнее, Контроль Дурдома должен был заметить, что ситуация становится опасной, но, видимо, отключить безумца не удавалось.

Перепрыгнув через искривленный корень, Пин выбежала на дорожку, ведущую к одному из монолитов. Она уже видела, что автономное здание освещает ее датчиками, – там знали, что происходит. Но пациент был быстрее. Схватив Пин сзади, он опрокинул ее на спину и начал сдирать с нее форму.

– Я только раз всажу, – пообещал он. Лицо его напоминало потрескавшуюся маску. – И раз. И раз. И еще раз!

Именно тогда она сделала то же самое, что и сейчас.

Месье застонал и судорожно дернулся, а затем его потное тело сползло с нее на пол кают-компания. Вайз столкнула его полностью, заметив, как из разбитой головы течет тонкая струйка крови. Когда он на нее набросился, она врезала ему первым, что попало под руку, – по случайности это оказалась одна из расставленных по всему кораблю игрушек Хаба.

Тански любил их собирать, иногда используя детали от предыдущих, – маленькие, обычно автономные, машинки или логические игры на примитивных подсистемах. На этот раз ей попала механическая птица, постоянно раскачивающаяся туда-сюда благодаря простой силе отталкивания магнитных полей, подключенных к ядерным батарейкам. Игрушка оказалась на удивление прочной.

Пинслип уже один раз едва не изнасиловали. И этого раза ей вполне хватило.

Стараясь не отводить взгляд от лежащего тела, она медленно поднялась на ноги. Месье выглядел не так, как обычно, – в бесчувственном состоянии от его похоти и наглости не осталось и следа. Пинслип шагнула к выходу из кают-компания, но дальше двинуться не смогла – лишь стояла и тупо смотрела перед собой, дожидаясь, пока ее тело, разум и пространство вокруг заполнит знакомый холод.

А потом дверь в кают-компанию открылась, и вошел худой неопрятный Хаб Тански.

Эрин Хакль устала от информации.

Информации о том, что произошло на «Суматохе». Информации о секретах и планах пассажиров «Лазурного полета». Информации о запрещенных пространствах, исследуемых «Ио» – черным кораблем Погранохраны, на который она попала какое-то время назад, – и информации о реальном бессилии пограничников, которых представляли человечеству как бдительное око известной Вселенной. Информация эта, особенно в последнем случае, всегда оказывалась чересчур преувеличенной.

И потому она решила, что информация насчет встречи Миртона Грюнвальда и Тартуса Фима ее не интересует.

Во имя Напасти, зачем ей эти сведения? Каждый раз новое знание оказывалось чересчур тяжким бременем. Хотя Эрин и без того была уверена, что знает, о чем шла речь.

Фим выглядел один в один как контрабандист из дурацкого голофильма. Наверняка они с Миртоном переправляют какую-то контрабанду. Пакуют вместе с белковыми лишайниками с Бурой Элси и продают тому, кто больше заплатит.

Она угодила на корабль какого-то напастного торговца наркотиками.

Собственно, если подумать, Грюнвальд именно так и выглядел – постоянно какой-то помятый, потрепанный, странно полусонный и, похоже, всегда поддатый. «Ну и выбрала же ты себе капитана, Эрин, – подумала она. – Чудесно. Просто великолепно».

Сидя в кресле первого пилота и разрываясь между чувством обреченности и злостью на саму себя, она смотрела на навигационный монитор. Оба все еще соединенных между собой корабля дрейфовали в пространстве сразу за двойной системой пограничных мертвых планет на орбите Гадеса, Игнис и Юноны-Б. Сложные гравитационные взаимодействия обоих небесных тел и их спутников накладывались дрожащей волной на большинство показаний, которые корректировал кастрированный искин корабля.

Зеленое пятнышко станции Гадес-сигма мигало в самом верху экрана – Эрин могла сколько угодно сканировать траекторию подхода, чтобы очистить сигнал, но все время попадался какой-то создававший помехи в показаниях мусор. Не помогали также пульсации далеких глубинных эхо и разрывов Глубины – знак, что официальный торговый путь находился недалеко, всего в половине светового года отсюда. Что ж, по крайней мере, тут было пусто.

Хакль, уставшая и смирившаяся с судьбой, потянулась к термочашке с кофе, взятой полчаса назад в кают-компанию. Жидкость все еще была теплой. Эрин отхлебнула глоток, позволив себе на миг забыть о Миртоне, «Ленточке», Тартусе, контрабанде и записанных в Потоке контрактах. «Контрактах, которые не разорвешь, – мысленно поморщилась она. – По крайней мере, без последствий».

А потом все изменилось.

На мониторе, словно пятно из белых пикселей, возникло мощное глубинное эхо, предвещающее появление какого-то крупного корабля всего в ста километрах отсюда. Отставив термочашку, Хакль машинально ввела команды на клавиатуре навигационной консоли, передавая полученные данные для автоматического сканирования.

– Кто там, во имя всей... – прошептала она.

Глубинные эхо, загадочные предвестники открытия Глубины, носили случайный характер – они могли как появиться, так и нет, но если уж они возникали, то это наверняка означало прибытие корабля. Бывало, что системы улавливали так называемое «эхо эха», или предвестники собственно эха, но их относительно легко было отличить при наличии соответствующего оборудования. Насколько знала Эрин, таким образом удавалось выигрывать некоторые схватки во время Машинной войны: обладавшие исключительными способностями астрологаторы могли с помощью компьютеров предвидеть появление собственно эха, соответственно, с намного большим опережением предвидя прибытие кораблей Машин.

Тем временем сканер завершил работу и выдал предполагаемую величину и время прибытия корабля.

– Не может быть, – прошептала Эрин. Эта скотина и впрямь была крупной, наверняка крейсерского класса, а может, и больше. Суперкрейсер? Чушь. А может, все-таки?..

Не веря собственным глазам, первый пилот «Ленточки» протянула руку к интеркому и замерла, заметив еще два, намного меньших, пятна глубинного эха. Оба предвещали прибытие кораблей среднего тоннажа, каждый в окрестностях разрыва, который система уловила в самом начале. Расстояние составляло всего около трехсот с небольшим километров. Три прибытия? В этом захолустье, где-то во Внешних системах? Откуда? Облизнув внезапно пересохшие губы, Эрин нажала кнопку интеркома.

– Говорит Хакль, – сухо проговорила она, стараясь ничем не выдавать своих чувств. – Три неожиданных прибытия из Глубины в нашем секторе. Повторяю: три неожиданных прибытия из Глубины в нашем секторе. Примерное время до первого: пятнадцать минут. Повторяю: пятнадцать минут. – Она мгновение поколебалась, понятия не имея, когда придут остальные корабли. Первого ей более чем хватало. – Предполагаемый класс корабля первого контакта: крейсер, – сообщила она и добавила: – Конец сообщения.

Эрин отпустила кнопку. «Если это контролеры на крейсере Альянса с эскортом эсминцев, – подумала она, – то с наркотиками на борту нам крышка. Раз уж ты меня во все это втянул, Миртон, то лучше придумай что-нибудь, иначе я яйца тебе оторву».

Хаб замер на долю секунды, анализируя ситуацию. Выглядевшая относительно понятно для обычного наблюдателя, для Тански сцена разбилась на фракталы и сети данных – стоящая у двери Пинслип с мертвым неподвижным лицом, столь же неподвижный, а может, и мертвый Месье, сверкающий на полу голыми ягодицами. изнасилование, понял Хаб. Или попытка изнасилования. Кто же иной, как не механик? «Вполне предсказуемо», – усмехнулся про себя Тански.

И сколько же в связи с этим неожиданных возможностей...

– Похоже, у нас проблемы, малышка? – учтиво начал он, не глядя на Вайз и склонившись над жирной тушей Месье. – Посмотрим, – он дотронулся до шеи механика, проверяя пульс. – Жив, – с едва скрываемым весельем сообщил он. – У Гарпаго встреча с капитаном, но если поднапряжемся, сами оттащим беднягу в лазарет. Если, конечно, удастся войти в кабинет господина доктора, но вряд ли с этим будут сложности, уж точно не для этих пальчиков, – он взмахнул пальцами, словно ударяя по невидимой клавиатуре.

Слова его, похоже, привели Пин в чувство. Девушка открыла рот, словно собираясь что-то сказать. Тански приложил ладонь к уху, зная, что жест выглядит комично, но именно это больше всего ему нравилось.

– Да? – ободряюще спросил он. Пинслип повернулась к нему, и лицо ее тотчас же превратилось в гневную маску.

– Он пытался меня изнасиловать, – отчетливо проговорила она.

– Ну конечно, – кивнул Хаб. – Достаточно раз на него взглянуть, чтобы понять, какие мыслишки варятся в этом ржавом горшке, что у него вместо черепа. Но, малышка, стоит ли устраивать из этого скандал? Ты должна понимать, – словно извиняясь, продолжал он, – что находишься на корабле нашего любимого капитана не так давно. Напасть, как и все мы, – он развел руками, демонстрируя самые лучшие намерения. Пин бесстрастно смотрела на него. – Могу поспорить, что Миртон вряд ли обрадуется конфликту на борту, поводом для которого стали вы оба – и ты, и Месье. Пока что ты отлично справилась, – признал он. – Но у Грюнвальда нет никакого желания решать конфликты внутри команды. Ты же его видела... Он все время пьян, и голова у него как в тумане. Так что, пожалуй, придется тебе справляться самой. Так, как и раньше.

Хаб замолчал, ожидая произведенного своей тирадой эффекта. Вайз не походила на особо строптивую, но он подсознательно чувствовал, что она способна его удивить. Если

именно она была самым слабым звеном, возможно, направить ее действия в нужное русло было проще, чем он предполагал... но он вовсе не был в этом уверен. Во всяком случае, не сейчас, после ее реакции на приставания Месье. «Впечатление порой обманчиво», – вздохнул Тански.

А может, и нет.

– Что ты предлагаешь? – спросила она.

Хаб почувствовал в ее тоне неприязнь, но тут же замахал руками, пытаясь отогнать возможные опасения. Кризисная ситуация, решающий момент. Чудесно. Тански обожал кризисы. Они, и только они позволяли увидеть траекторию полета мушек-людей, векторы их мечтаний и стремлений.

– Оружие, – почти с нежностью ответил он. – Разве не ясно?

– Какое оружие, Тански?

– Такие штуки я делаю сам, – заверил он. – Это нетрудно. Да ты и сама видела... – он презрительно махнул в сторону окровавленной игрушечной птицы. – Я просто развлекаюсь, конструируя эти финтифлюшки, – он почти закрыл глаза, представляя, как дрожит готовая захлопнуться ловушка. – Естественно, что-нибудь простое. Скажем, пьезонейронный парализатор? Тяп-ляп – и готово.

Погрузив руку в карман потертого комбинезона, он извлек продолговатое устройство величиной с большой палец.

– Откуда это у тебя? На «Ленточку» нельзя было пронести оружие.

– Ясно, что нельзя. Но я же тебе сказал – я конструирую эти штуки, пока сижу на калоотсосе и читаю газету, – грубовато ответил он. Пинслип даже не засмеялась, впрочем, он этого и не ожидал. – Ну так как? – спросил он, жонглируя парализатором между пальцев. – Хочешь такой, Вайз? Ручаюсь, если этот жирдяй снова попробует, и ты в него стрельнешь, у него надолго пропадет всякое желание. А если попадешь в яйца, то может, и навсегда.

Хаб видел, как размышляет Пинслип, глядя на предмет в его пальцах.

– Чего ты хочешь взамен, Тански? – наконец спросила она.

Решив больше не разыгрывать комедию, Хаб пожал плечами.

– Успокойся, Вайз. Я ничего от тебя не хочу, – солгал он, увидев ее неуверенный взгляд. – Для меня важен этот корабль, – добавил он, решившись на часть правды. – Не вижу смысла в том, чтобы искать очередного астролокатора. Миртон ходит как снулая рыба, зачем нам новые проблемы? Что, снова хочешь работу искать?

– Дай, – слегка поморщившись, она протянула руку, а потом с неохотой добавила: – Спасибо.

«О нет, милая, – подумал он, вручая ей устройство. – Не благодари. И уж точно не сейчас».

– Хотя, раз уж об этом зашла речь, – сказал он, когда ее пальцы коснулись парализатора, – было бы неплохо, если бы ты между делом нашла для меня хотя бы фрагмент Флота Зеро. Полагаю, тебе известна какая-то часть их постоянных траекторий.

– Это твое «ничего не хочу»? – фыркнула она, но парализатор все же взяла, не придавая особого значения просьбе Хаба.

Тански пожал плечами. Нужно было действовать быстро, пока не прошел первый шок.

– Я бы в любом случае об этом упомянул, независимо ни от чего. Программное обеспечение требует модификаций. Сама видишь, что этот корабль – полная развалина, – с удовольствием добавил он очередную полуправду. – А его Сердце... Научного клана тут не хватит. Нам нужен Флот Зеро. Где ближайший? – В ответ Пин тоже пожал плечами. – Естественно, я понимаю, что капитану могут не нравиться стрипсы, – продолжал он, словно искренне желая избежать ее возможных возражений. – В конце концов, это единственная секта, которая считает, что каждый годится на роль добровольца, чтобы стать спасенным. К тому же в стрипсах слишком много от Машин. Мне они тоже не нравятся, как и любому другому. Но, – он

извиняющимся жестом поднял руки, – нам нужны их программные технологии. – Он понизил голос, придвинувшись ближе. – Мне нужно лишь подключиться к их части Потока, чтобы скачать кое-какие данные и улучшить программу...

– Он пытался... – еле слышно прошептала Пинслип, сжимая в пальцах парализатор. Тански протянул руку, почти коснувшись ее плеча, но в последний момент сдержался. Дотрагиваться до нее в данный момент было не слишком разумно.

– Где местонахождение ближайшего? – спросил Хаб.

– Совсем рядом, – словно в полубессознательном состоянии ответила она. – В Рукаве Лебеда, всего в трех световых годах отсюда. Сектор 32С. Там опасно, – добавила она. – Одна из территорий, выжженных во время Машинной войны. Рои астероидов, мощные гравитационные воздействия. Стрипсы называют его Тестером.

– Говорит Хакль, – затрещало в интеркоме корабля. Тански удивленно поднял брови. Пин взглянула на установленный в кают-компании громкоговоритель.

– Три неожиданных прибытия из Глубины в нашем секторе, – сообщил голос Эрин. – Повторяю: три неожиданных прибытия из Глубины в нашем секторе. Примерное время до первого: пятнадцать минут. Повторяю: пятнадцать минут.

– Бери его, – прошипел Хаб. Время для любезностей явно вышло. – Несем его в лазарет. Быстро.

Но голос в интеркоме еще не закончил.

– Предполагаемый класс корабля первого контакта: крейсер. Конец сообщения.

– Что? – прошептала Вайз. – Крейсер? Здесь?

– Альянс, – предположил Хаб.

– Зачем им...

– Не важно. Внезапный патруль? Теперь все равно, – компьютерщик быстро подошел к интеркому и нажал кнопку связи со стазис-навигаторской. – Говорит Тански. У нас тут небольшое происшествие – Месье, похоже, рассек себе голову. Мы вместе с Вайз попробуем отнести его в лазарет. Он без сознания, – Хаб немного помедлил, обдумывая последствия своих последующих слов. – Доктор Гарпаго, нужна ваша помощь. Прием, – добавил он, отпуская кнопку.

– Поняла, – подтвердила Эрин. – Приходите как можно быстрее. Особенно ты, Хаб. Ты нужен мне в Сердце. Конец связи.

– Рассек голову? – поморщилась Пинслип, но все же наклонилась, пытаясь схватить бесчувственное тело за ноги. Хаб пожал плечами.

– Захочешь – поправишь, – сказал Хаб. – Одну минуту, – он пинком загнал лежащую на полу птицу под стол. – Лучше, чтобы ее не нашли.

– Говорит доктор Гарпаго, – снова затрещало интерком, на этот раз голосом Джонса. – Передаю приказ капитана. Вайз, Тански, возвращайтесь на свои места. Я займусь пострадавшим. Конец связи.

– Что за цирк, – простонал Хаб, только что начавший поднимать Месье. – Но док прав. Нам тут нечего делать, – закончил он, заметив, что Вайз быстрым шагом выходит из кают-компании. – Великолечно, – подытожил Тански и, не дожидаясь доктора, тоже вышел, спеша к своему Сердцу.

Вселенная доктора Гарпаго Джонса сжалась, словно в гравитационном коллапсе перед самым рождением черной дыры. «Когда-нибудь, – подумал он, – погаснут все звезды, и Вселенная станет холодной и темной – как сейчас». Он пребывал в пустоте, из которой высосали весь воздух – совсем как тогда, когда старший советник Научного клана, желтозубый и престарелый Ибериус Матимус, вызвал его на ковер из-за проводившихся без разрешения экспериментов с глубинным скольжением. Тогда все закончилось – и началось. Исключение из Научного клана и Академии знаний, волчий билет и сброшенные в Поток компрометирующие

данные, связанные не только со скольжением и гибелью «Орхидеи», но и с предыдущими экспериментами, обнаруженными в опечатанной лаборатории Гарпаго. Конец. Конец всему, тепловая смерть Вселенной, смерть надежд, рождение страха. И все из-за Тартуса, этого самоуверенного жирного коротышки и сукина сына.

Капитан что-то говорил. Джонс заморгал, пытаясь вернуться к реальности, и почти вопреки собственному желанию прислушался.

– Что за чушь ты несешь, Тартус?

– Чушь? О нет, – торговец посмотрел прямо на Миртона, развалившись за столом. От его насмешливо-лекторского тона внезапно не осталось и следа. – Тебя уже не должно быть в живых, Грюнвальд. Ты в сознании пролетел через гребаную Глубину, которая разнесла на куски твой напастный корабль и убила твою напастную команду, не считая пребывавшего в стазисе дока. Ты давно уже должен быть сумасшедшим, как и остальные. Бегать с голым хером, жрать жуков, срать по углам, переодеваться в маленьких девочек и пытаться кому-нибудь отгрызть башку, даже проглотив тонну стабилизатора. И мне хотелось бы знать, как так получилось, – он замолчал, но лишь для того, чтобы набрать в грудь воздуха, а затем повернулся к застывшему, словно соляной столб, Джонсу. – Объясни ему, док, что он уже труп, просто сам об этом не знает.

Удар, похоже, пришелся в цель – доктор заметно побледнел.

– Ты закончил? – спросил Миртон. – Вся твоя чушь страшно меня утомляет. Настолько, что у меня возникает желание попросту вышвырнуть тебя из шлюза. Молчи, Джонс, – резко предупредил он, бросив взгляд на уже открывшего рот доктора. – Сейчас говорю я. Во-первых, во всей этой твоей идиотской концепции я вижу кучу пробелов, Фим. Не буду унижаться до того, чтобы объяснять тебе элементарные принципы логики – у меня нет времени на подобную ерунду. Так что перечислю лишь ошибки в твоих предпосылках, – он устало потянулся к стакану. – Прежде всего ты исходишь из предположения, будто я принимаю стабилизатор, и что он нигде не продается. Это первая твоя ошибка, а из нее следуют остальные. Мне жаль тебя разочаровывать, но я не употребляю СНС по той простой причине, что мне это не нужно. Я не пролетел через Глубину без стазиса. Если бы было так, мой мозг давно рассыпался бы в труху – как я понимаю, единственное, в чем мы с тобой согласны.

Он отхлебнул виски, весело глядя на торговца, хотя глаза его источали холод.

– Не делай из меня дурака, Миртон, – процедил Тартус. – Все сходится. Вся эта история с «Драконихой» дурно пахнет. Мне известно, что корабль имел частично призрачную структуру, словно прошел не до конца.

– А кто, собственно, тебе об этом сказал?

– Я добрался до потокового доклада Контроля Альянса.

– Он блефует, – Гарпаго решил, что самое время вмешаться. – Протоколы...

– Протоколы-пердиколы, – фыркнул Фим. – Все можно купить, док. Вопрос лишь в цене. Информация, как и лояльность нашей дорогой Спети, продается тому, кто больше предложит, – улыбнулся он.

– Это ничего не доказывает, – возразил Грюнвальд. – Призрачная структура могла означать, что «Дракониха» не вышла из Глубины до конца, но команда в любом случае пребывала в стазисе. Подача стазиса регулируется Сердцем, которое управляет счетчиком. В случае проблем с восстановлением физической структуры подача «белой плесени» прекращается с задержкой.

– Говно это все. Ни один гребаный компьютер, даже некастрированный искин, сам не проверит, достиг ли он уже нужных физических параметров. Это может сделать только посторонний наблюдатель. Для корабля-«призрака» и его команды внешне все нормально, – Фим не смотрел на Миртона, с интересом разглядывая пивную банку. – У них сдвиг в векторе реальной плоскости, который сами они оценить не могут, если только не будут в сознании. Лишь пре-

бывающий в сознании разум способен заметить, что что-то не так. Вас всех разбудили, может, за исключением дока. Или что-то не вышло со стазисом. И я хочу знать.

– Во имя Ушедших, Тартус... – Миртон отставил стакан и многозначительно взглянул на потолок. – Что, во имя Напасти, ты хочешь знать?

– То же, что и все, – пожал плечами Фим. – Я хочу знать, что на самом деле находится в Глубине. Что ты там видел, Грюнвальд. И сколько ты намерен мне заплатить, чтобы об этом никому не стало известно. Ибо если я прав, то вскоре ты станешь самым разыскиваемым засранцем во всей Выжженной Галактике. Человек, который в сознании побывал в Глубине и не сошел окончательно с ума? Миртон... Одно твоё яйцо стоит дороже, чем алмазное ядро белого карлика.

Затянувшееся молчание прервал смехок Грюнвальда. Капитан «Ленточки» смеялся, хотя взгляд его оставался холодным.

– Меня не интересует вся эта чушь. За одну только попытку шантажа мне следует вышвырнуть тебя из шлюза, Фим, – наконец проговорил он хриплым от смеха голосом. – Может, так и сделаю.

– Не сделаешь.

– В самом деле? Грозишь мне на моем корабле? – Миртон встал и оперся о стол. Глаза его сузились, лицо исказилось в гримасе едва сдерживаемой ярости. Казалось, он сейчас взорвется, словно граната с выдернутой чекой. – На моем корабле? Что может меня от этого удержать, ты, галактический кретин?

– Только то, – пожал плечами Фим, – что это вовсе не обычная банка с пивом.

Капитан и доктор в замешательстве переглянулись.

– Это электромагнитный импульсный передатчик, – объяснил Тартус, глядя, как Грюнвальд медленно, словно в кошмарном сне, оседает на стул. Гарпаго машинально попятился, шаря в поисках невидимой опоры. – Естественно, он достаточно примитивный, с небольшой поражающей силой, но ее вполне хватит, чтобы выжечь большую часть данных из этого древнего трупа, который ты называешь кораблем. Без всякого риска для «Кривой шоколадки».

Он не лгал. ЭИП редко использовали для атаки на корабль снаружи – шансы на уничтожение данных в компьютерах были ничтожны, корабли успешно защищало магнитное поле и сам корпус, устойчивый к большинству подстерегавших в космосе опасностей, по сравнению с которыми электромагнитный импульс был сущей мелочью. Однако одно дело – стрелять ЭИП-ракетами или гранатами в космическом пространстве, и совсем другое – включить передатчик внутри корабля.

– Несколько лазурных лет назад я заметил, что банки с пивом никто не проверяет, – продолжал торговец, видя, что никто его не перебивает. – Ни на кораблях, ни на верфях, ни в космопортах. Пиву всегда дают зеленый свет. А ведь в такой баночке много чего можно смонтировать, заодно оставив половину объема для этого столь ценного напитка, – он слегка улыбнулся, словно речь шла о некоей недостойной внимания мелочи. – Полагаю, это вопрос доверия к пиву, – мечтательно проговорил он. – Его производили за тысячелетия до Империи, и оно существует до сих пор. Пиво мало изменилось, и люди ему доверяют. А доверие – вещь прекрасная и достойная восхищения.

– Говорит Хакль, – внезапно послышалось в интеркоме. Миртон машинально повернулся к установленному в каюте громкоговорителю. – Три неожиданных прибытия из Глубины в нашем секторе. Повторяю: три неожиданных прибытия из Глубины в нашем секторе. Примерное время до первого: пятнадцать минут. Повторяю: пятнадцать минут.

– Не может быть... – прошептал доктор Гарпаго. Тартус недоверчиво заморгал маленькими глазками.

– Предполагаемый класс корабля первого контакта: крейсер, – продолжал сухой, лишенный каких-либо эмоций голос Эрин. – Конец сообщения.

– Если ты думаешь, будто это тебя спасет, Грюнвальд... – начал Фим, но Миртон не дал ему закончить.

– Свои бредни оставь на потом, – прошипел он, вставая. – Если они вышли из Глубины, то доберутся не только до меня, но и до твоего гребаного корабля. Уверен, что у тебя все в порядке с грузом?

– Крейсерский класс, – почти шепотом добавил Гарпаго. – Это Альянс.

Но интерком еще не закончил.

– Говорит Тански, – послышался голос Хаба. – У нас тут небольшое происшествие – Месье, похоже, рассек себе голову. Мы вместе с Вайз попробуем отнести его в лазарет. Он без сознания.

– Что за... – начал Джонс.

– Доктор Гарпаго, нужна ваша помощь. Прием.

– Поняла, – на этот раз заговорила Эрин. – Приходите как можно быстрее. Особенно ты, Хаб. Ты нужен мне в Сердце. Конец связи.

– Месье ранен? – поморщился Миртон. – Напасть, что там вообще происходит? Джонс, – обратился он к доктору, – разберись. Остальные пусть возвращаются к работе. Я иду в ста-зис-навигаторскую, – он направился к выходу. – А ты, – он презрительно взглянул на Фима, – либо убирайся с моего корабля, либо сожги его искин. У меня нет времени. Сейчас начну процедуру отстыковки.

– Мы еще не закончили, – возразил Тартус, но угроза не подействовала. Заметно было, что он с трудом сдерживает дрожь в руках.

– Говорит доктор Гарпаго, – Джонс подошел к интеркому и нажал кнопку. – Передаю приказ капитана. Вайз, Тански, возвращайтесь на свои места. Я займусь пострадавшим. Конец связи.

– Мы еще не закончили... – повторил Фим.

– Не нет, а да, – бросил ему на прощание Миртон. – Проваливай с моего корабля.

10. Страх

*Воплощением Программы является Машина.
«Машинный кодекс», параграф второй*

Нат не любил прыжки сквозь Глубину.

Первый свой глубинный прыжок он пережил в возрасте десяти лазурных лет, на флагманском корабле рода Гатларков, старом средневековом крейсере с романтическим названием «Память крови». «Память» функционировала лишь на сорок с небольшим процентов – якобы она участвовала еще в Машинной войне – и напоминала медленно движущееся в космическом пространстве кладбище в обертке из устаревшего оборудования, которое либо не работало, либо его уже невозможно было запустить. Тяжелый корабль, однако, выглядел внушительно и по-своему красиво, созданный настоящими мастерами своего дела имперской эпохи, что было заметно уже по его интерьеру, полному старомодных украшений, напоминавших скорее покрытую жуткими гравировками адскую машину, чем интерфейсы, нейроконнекторы и прочие бортовые механизмы более современных кораблей.

Обслуживание столь крупного корабля поглощало немалую часть планетного бюджета, но герцог Ибессен – так же, как его отец и дед, – утверждал, что «Память крови» добавляет престижа герцогству и является славным напоминанием о тех временах, когда с родом Гатларков еще считались в политических играх Старой Империи. Натрий считал заявления отца полной бессмыслицей, тем более что даже Альянс не реквизирует крейсер, сочтя его слишком старым, никуда не годным и создающим лишние расходы. Естественно, подобные мысли пришли ему в голову значительно позже, а не в тот день, когда Властитель Систем впервые привел худого бледного десятилетнего мальчишку на просторные, сверкающие серебристой пылью палубы крейсера.

– Как видишь, сынок, стазис-консоли расположены не в стазис-навигаторской, – объяснял сыну герцог, прохаживаясь по полупустым палубам. Голос его был полон доброжелательности – в то время психофизия Ната ничем не подтверждалась, не считая нескольких сомнительных эпизодов. – В прошлом команде перед глубинным прыжком лишь сообщалось об ожидаемом времени, когда он произойдет, после чего она механически вводила себе максимальную дозу стазиса.

– Механически?

– Обычным дозатором. Так назывались эти кресла и примитивные консоли, к которым можно было подключиться.

– А кто их будил?

– На крейсерах, таких, как этот, работали стазисты – врачи Научного клана, специализировавшиеся на пробуждении команды и ответственные за контроль над подачей и дозировкой «белой плесени». Это называется «жесткий стазис» и иногда применяется до сих пор, если на корабле слишком мало стазис-консолей, соединенных с искином, или нет времени ими воспользоваться. Люди, подвергшиеся такого рода стазису, могут пребывать в нем практически бесконечно, если их не разбудить, чем и занимались стазисты. Вместе с капитаном, главным пилотом и астролокатором они подключались к искину корабля, который будил их первыми. Подобная относительно продуктивная система закрепилась во время Машинной войны.

– А разве еще не во время Ксеновойны? – спросил Натрий.

– На этот счет ничего не известно. Мы даже не знаем, существовали ли вообще легендарные разумные Иные, а уж тем более, велись ли с ними войны, – герцог, довольный вопросом, взъерошил волосы любознательного сына. – Так или иначе, система получила распространение во время войны, – продолжил он. – Естественно, главным вопросом было время. Корабль с

непробудившейся командой мог обороняться от атаки с помощью кастрированного искина, но лишь человеческая интуиция и непредсказуемость были в состоянии дать отпор могуществу Машин.

Оглядываясь назад, Натрий прекрасно понимал, что это был его последний нормальный разговор с отцом. Герцог Ибессен Сектам Гатларк еще пол-лазурных часа читал лекцию об историческом значении рода Гатларков, ключевых сражениях с когда-то столь же великим и значащим Исемином, внутрисистемной политике и планах, главное место в которых должен был занять его первенец. Нат сиял от счастья. Отец, правда, жаловался, что его отпрыск чересчур худ и бледен, но и это он собирался в ближайшее время исправить. Натрию, как законному сыну герцога и его наследнику, предстояло вскоре пройти базовую военную подготовку в Планетарной академии.

Так они дошли до мостика. Нат помнил, как отец показал ему зеленое потертое кресло, которое в случае необходимости можно было привести в лежачее положение. Сиденье было подключено к сложному механизму подачи «белой плесени». От кожного покрытия кресла воняло каким-то давно вымершим животным, а когда к предназначенным для инъекции отверстиям его персонала подсоединили прозрачные трубки, Натрий внезапно побледнел и начал задыхаться, чувствуя, что сейчас умрет.

Каким-то образом он понял, что введение стазиса равнозначно смерти и что через секунду ему введут яд, вызывающий состояние, по сравнению с которым средневековый анабиоз на первых космоплавах выглядел блаженным сном. Мозг его перестанет функционировать, как и все тело, и он соскользнет в объятия того, что лишь благодаря последующему воскрешению не называли смертью.

Нат дернулся, пытаясь вырвать трубки. По ним уже текла «белая плесень» – он отчетливо видел каждый миллиметр, который предстояло преодолеть жидкости, чтобы попасть в его организм. Он закричал от ужаса и, словно в каком-то кошмарном сне, увидел полное разочарования, скривившееся в недовольной гримасе лицо отца, а также помощников, которые удерживали мальчика силой, пока не будет полностью введен наркотик.

А потом пришла смерть.

Это была пустота, залитая белизной – яркой, но не ослепительной. Белизна что-то ему шептала – он был уверен, что слышит голоса. Кто-то подробно описывал его нынешнее положение и очерчивал связанные с его личностью планы, воспринимая его с полнейшим безразличием, словно интересный экземпляр насекомого. Кто? Этого он не знал, но чувствовал его присутствие, гнетущее и душное. Затем, по прошествии вечности или доли секунды, по его телу пробежало нечто вроде судороги, пароксизм, возвращавшийся к нему впоследствии в леденящих кошмарах. Это было воскрешение – и Нат открыл глаза, с трудом хватая ртом воздух.

Они находились у Галактической границы, в объятиях пустоты и нескончаемой черноты, где «Память крови» должна была встретиться с делегацией пограничников, охотно сотрудничавших с Пограничными герцогствами.

С того рокового дня многое изменилось. Отец начал смотреть на него с презрением, а сам он никогда больше не нырял в Глубину, не считая столь же кошмарного возвращения на Гатларк. Позже ему не представилось шанса преодолеть страх, а еще позже... дала о себе знать психофизия.

– Проблема с коляской, – объяснял ему теперь седой коротышка Типси Пальм, один из механиков с полномочиями глубинника на «Пламени». Когда Ната препроводили в стазис-навигаторскую эсминца, главный счетчик корабля показывал около пятнадцати минут до прыжка. – В обычной ситуации вы могли бы воспользоваться одной из консолей, но вряд ли есть смысл вас переключивать. Вот только тут появляется проблема, – седой коротышка поскреб сморщенную, словно старое яблоко, щеку. – Ваше креслице на антигравитонах, значит, придется его закрепить. У меня тут, естественно, есть ремни, но никогда не знаешь, что

может случиться при перегрузке. Речь идет о самом моменте прыжка и выхода. Сами понимаете...

«Я понимаю только одно – нам придется прыгать на этом старом трупе, – подумал Нат. – Примерно через двенадцать лазурных минут». Он вполуха слушал нудную речь механика, вспоминая недоверчивое выражение лица капитана Кайта Тельсеса. «Он делает это ради меня, – понял Нат. – Не ради наследника его высочества, не для мутанта из Южной башни, но для мальчишки, которого он когда-то любил и не перестал любить».

Тельсес не мог его подвести.

– Почувствуете легкий укол, – бормотал Типси Пальм, затягивая удерживающие кресло ремни. – Так, подключаю... Потом я вас разбужу. Нам нужно спешить – мне самому надо подсоединиться к системе...

«Ясное дело», – подумал Нат, закрывая глаза. А потом он ощутил укол, о котором его предупреждали, за ним – пронизывающий холод, и больше он не чувствовал уже ничего.

Нахлынула белизна.

В тот момент, когда электромагнитный импульсный передатчик перешел ко второму, предпоследнему этапу отсчета, Керк Блум ковыряла пластиковой вилкой холистический салат, купленный в автомате в космопорту Гатларк-2.

Она боялась и одновременно злилась. Хотя она и знала, что торжества по поводу свадьбы Исы Анемотрии Ибессен Гатларк с принцем Рунхоффом Казаром из рода Исеминов носят всепланетный характер, но не ожидала, что они приведут к полному транспортному параличу. К тому же мало того, что опустевший порт обслуживала в лучшем случае половина работников, но эта половина еще и выглядела так, будто их чем-то одурманили.

Вокруг кружили антигравитационные головизоры, выплевывая рекламные вставки, время от времени перемежавшиеся очередным микрорепортажем о торжествах в замке Гатларк и подобных ему мероприятиях, разбросанных по всей планете. Даже большие плоские табло прилетов и вылетов периодически гасли, показывая полную энтузиазма физиономию Сонда Сондансона, главного ведущего и комика планеты, который вместе с глуповатой, но грудастой Синдией Плим излагал наиболее пикантные фрагменты, как он выражался, «марьяжа высшей пробы». Когда он упомянул что-то насчет «удачной случки вместо искусственного оплодотворения», Блум подумала, не подвешат ли его самого за одно место за подобные шуточки.

– Раз уж Рунхофф вкусит сегодня генов Исы, – гудел Сонд, – то, моя дорогая, ты тоже могла бы найти себе мужа!

– Ну, Со-о-онд! – пищала Синтия, обнажая по крайней мере девяносто восемь процентов своего бюста. – Ну что-о-о ты-ы-ы!

«Вот ведь Напасть», – с неудовольствием подумала Керк. Холистический салат уже начал формироваться: небольшие светящиеся пятнышки на ростках корешков медленно поднимались вверх, а микроскопические биосистемы заиграли лирическую мелодию. Блум ткнула вилкой в предполагаемый центр пищевой программной системы, но остановить процесс ей не удалось. Встав из-за столика, она в очередной раз направилась к стойке «ТрансЛинии». Сидевшая за ней девушка с блуждающим взглядом играла прядью волос с вплетенными в нее маленькими декоративными голографическими вставками.

– Пока ничего, – сказала она, увидев Керк. – Никаких... никаких зарегистрированных полетов. Может, завтра?

– У меня нет времени до завтра, – процедила Блум. – Мне нужно убраться отсюда сегодня. Что там есть на орбите, Напасть их дери?

– Минутку, – девушка наморщила лоб и коснулась пульта. – Есть только военные корабли. Кажется.

– А Пурпур?

– Что?

– Пурпур. Верфь, – Керк с трудом сдерживалась, чтобы не заорать. Девушка подняла голову и мутным взглядом уставилась на Блум. – Ну, такая штука, где садятся корабли. Самая большая верфь Гатларка. Это вам о чем-то говорит?

– Ну, есть такая верфь... станция...

– Можно туда добраться? На челноке?

– Но зачем...

Блум закатила глаза.

– Затем, – объяснила она, – чтобы поймать оттуда какой-нибудь другой перелет. Найдется у вас какой-нибудь заср... найдется у вас челнок? – уже спокойнее закончила она. Кивнув, девушка сверилась с системой.

– Последний «тупак» уже улетел. Но он все равно был неисправен и отправлялся в ремонт, – ответила она, явно гордясь, что докопалась до каких-то существенных данных. – Больше ничего нет.

– Чудесно, – Керк развернулась и решительным шагом вернулась к своему салату. За ее спиной послышались ничего не значащие заверения: «Если вдруг что-то будет...», но она пропустила их мимо ушей.

Похоже, ей предстояло остаться на этой напастной планете. А потом за ней явится Собрание, которое, не особо беспокоясь по поводу правил приличия и контроля Альянса, ткнет ее парализатором и упакует в один из своих Центров, где ее подвергнут полному и необратимому промыванию мозгов. Именно в этом, насколько она понимала, заключались печально знаменитые Жатвы. Какой-то процент похищенных удавалось вернуть, но большинство уже ходили с белыми волосами или бритыми головами, одетые в развевающиеся мантии, и агрессивно реагировали на любые попытки их спасти.

Не задерживаясь возле столика, она подошла к автомату с едой и начала бездумно водить пальцами по доступным на дисплее вариантам.

– Могу тебя взять.

Голос был тихий, почти неестественно спокойный. Блум нажала кнопку «меню номер восемь» и лишь затем обернулась. Машина забулькала и выплюнула запечатанную термокружку.

– Если торопишься, – продолжал голос, – я улетаю где-то через пол-лазурных часа.

Схватив кружку, Керк повернулась к незнакомцу.

– Да, тороплюсь, – кивнула она, пытаясь скрыть удивление. – И даже очень. Полчаса для меня, пожалуй, многовато. Если тебе нужны юниты...

– Не нужны, – ответил он. Блум попыталась изобразить улыбку. Обычно у нее не возникало никакого желания с ними общаться.

С настоящими, не контрактными пограничниками.

Теоретически пограничником мог стать каждый, подписавший соответствующий контракт, после чего он получал почти полностью автоматизированный корабль, настроенный на запрограммированные глубинные прыжки вдоль Галактической границы и остановку на одной из сторожевых застав с целью пополнения припасов и подзарядки реактора. Работа была достаточно простая – большую часть патрулирования и сканирования границы выполнял кастрированный искин корабля, – но и утомительная.

Не каждый мог выдержать долгие безмолвные перелеты в бескрайней черноте космоса – говорили, будто один лишь вид пустоты за пределами Границы плохо влияет на мозг. Можно было, естественно, смотреть в сторону Выжженной Галактики... но мир Пустоты и далеких галактик притягивал взгляд и гипнотизировал. Одни выдерживали на этой работе несколько лазурных недель, другие дольше. Бывало, что безмолвные, всегда черные корабли пограничников возвращались со столь же безмолвными мертвыми пилотами, которые сошли с ума –

не обязательно из-за неудачного глубинного прыжка – и перерезали себе вены в креслах статис-навигации.

Бывало и иначе.

Некоторым, крайне немногочисленным индивидуумам работа пограничника настолько нравилась, что они, вместо того чтобы продлить контракт, решались пройти Инициацию. О самой процедуре мало что было известно, но она изменяла человека настолько, что он полностью входил в структуру Погранохраны. С этого момента охрана Границы от возвращения Машин или легендарных Иных становилась его жизнью, а сам он становился не только пограничником, но и членом Ордена Пустоты. Узнать их было легко: неестественно бледные, худые, в черных обтягивающих пилотских комбинезонах, с лазерной татуировкой в виде двойного круга – глаза, помещенного внутрь символа Глубины.

«Пограничник прямо как с гребаной картинки», – подумала Керк. Худой, бледный. Длинные прямые черные волосы до плеч, ниспадающие на комбинезон. Острый нос. Бледно-голубые глаза. Казалось, будто от него веет холодом. На руках, над худыми пальцами пианиста, виднелась татуировка.

Вампир.

– Куда летишь? – спросила она. В принципе, ее устроило бы, если б он на миг причалил на Пурпуре. При мысли, что ей пришлось бы лететь вдоль Галактической границы и смотреть в сводящую с ума черноту, Керк стало не по себе. Дело было даже не в Пустоте – Галактическая граница собирала лишь остатки Потока, а Блум не представляла себе, как можно вообще функционировать, не имея возможности к нему подключиться.

– Это последний перелет, – сообщил он. – Мне осталось еще два прыжка вдоль Границы, в пределах Рукава Лебеда, то есть недалеко от теперешнего сектора. А потом – обратные прыжки на Терминус.

– Терминус?

– Это одна из наших главных станций. Сторожевая застава. Чтобы на нее попасть, нужно лететь ближе к центру Рукава.

– К центру Рукава? – переспросила она, быстро анализируя возможные варианты. Если перетерпеть те два прыжка вдоль Границы...

– Терминус – одна из чаще всего посещаемых застав, – объяснил пограничник. – Она находится между Рукавами Лебеда и Персея.

Блум сделала глоток меню номер восемь, вкусом походившего на гибрид генетически модифицированного цыпленка с лягушачьими ножками. Насколько она ориентировалась в галактической географии, Рукав Персея – в отличие от Рукава Лебеда, именовавшегося также Внешним или Угольником, – не входил в зону интересов Погранохраны. Лишь небольшую часть Рукава Персея можно было отнести к пограничной.

Но это означало, что на Терминусе она могла найти транспорт, чтобы отправиться глубже – настолько, чтобы покончить раз и навсегда с Внешними системами. «Если уж сваливать, – подумала она, – то лучше туда, где контролеры будут добросовестно контролировать нелегальные практики Собрания. И поселиться где-нибудь поближе к цивилизации, а не в галактической заднице вроде средневекового Гатларка».

– Ты мог бы взять меня с собой? – спросила она, стараясь не показывать, насколько это для нее важно. – Я заплачу...

– Как я уже говорил, юниты мне не нужны. Мне бы не помешало... – пограничник на мгновение поколебался, – общество. Чье-то присутствие, не более того, – тут же добавил он. – Слишком долго... я был в патруле один.

– Что значит – слишком долго? – поинтересовалась Блум. – Сколько ты провел в патрулях? Лазурный год или около того?

Пограничник криво усмехнулся.

– Семь лет, – помолчав, ответил он. – Считая от официальной Инициации до Ордена. Если тебе все еще интересно, осталось двадцать четыре минуты, – добавил он, видя, что Керк не отвечает, лишь таращится на него широко раскрытыми от удивления миндалевидными глазами. – Площадка номер четыре. До встречи, – закончил он, удаляясь в сторону стойки диспетчера, наверняка чтобы завершить последние формальности.

Лишь через пять минут Керк поняла, что даже не сказала ему, как ее зовут.

Что ж, он тоже этого не сказал. Может, оно и к лучшему.

«Конец», – подумал контролер Альянса Вальтер Динге.

По показаниям счетчика, «Няня» вынырнула из Глубины пять минут двадцать семь лазурных секунд назад. В стазис-навигаторской царила нервная суматоха. Персонал навигаторской был воскрешен в течение трех стандартных минут после того, как Сердце корабля завершило беглую проверку всех систем. Во времена Машинной войны подобное невозможно было представить – искин воскрешал навигаторскую и боевую рубку почти сразу же после выхода. Такие возвращения из мертвых удавались не всегда – процент пробудившихся еще в Глубине, может, и был невысок, но следовало считаться с риском, что часть команды сойдет с ума. И все это ради того, чтобы не дать себя перестрелять бдительным кораблям Машин. Остальная команда, как и Вальтер, пробудилась минуты на две позже, то есть почти через шесть минут после завершения прыжка.

От персонала контролера бесшумно отсоединились инъекционные трубки. Вальтер заморгал, и картина перед его глазами стала четче. На эсминце смотрительницы сектора Контроля имелось полтора десятка дополнительных стазис-консолей, размещенных вдоль главной палубы, – неудобные, расположенные вертикально кушетки или углубления, к которым необходимо было самостоятельно подключиться и привести в действие инъектор. Если кто-то опаздывал, его ждал неприятный сюрприз – искин «Няни» отказывался от прыжка только в том случае, если в стазисе не находился персонал навигаторской. Остальной команде оставалось лишь контролировать показания счетчика и при необходимости нажать блокирующую прыжок тревожную кнопку.

«Когда-нибудь я нажму эту дрянь», – подумал Динге, с отвращением глядя на не слишком чистые трубки, по которым ему только что ввели «белую плесень». Он мысленно содрогнулся, думая о своей любимой чистоплотности. «Когда все закончится, – решил он, – нужно будет купить сеанс Очищения, который предлагает Собрание в главном центре секты на Лазури». Правда, при этом ему будут лить в уши всякую чушь, пытаясь обратить в свою веру, а может, даже попытаются взломать персонал, но процессу Очищения не имелось равных во всей Выжженной Галактике.

Стараясь больше не думать о грязи, он отстегнул ремни и осторожно шагнул на блестящий металлический пол корабля. Вокруг уже суетились люди – некоторые, как и он, только отстегивались, другие уже стояли и сидели на своих постах. Видневшаяся впереди стазис-навигаторская светилась мягким сиянием мониторов и голограмм, контрастировавших с украшенной серебряной звездной пылью чернотой космоса за неостеклом. Маделлы Нокс, как уже успел заметить Динге, нигде не было – наверняка она сидела в своей каюте, словно удельный властитель над бегающими по мостику муравьями.

– Доложите обстановку, – в голосе Вермуса Тарма звучали странные металлические нотки, вероятно из-за электронного усиления. Персонал навигаторской должен был хорошо слышать своего командира.

– Цель прыжка достигнута. Отклонение минимально, в пределах до тысячи километров, – отбарабанил первый астролокатор Цицерио Флинк.

– Вижу впереди три корабля на расстоянии примерно полторы тысячи километров, – вмешалась первый пилот Эноба Стисл. – Два маленьких, один большой.

– Больше нашего? – спросил Вермус.

– Похоже на крейсер. Кроме того, наблюдается глубинное эхо всего в нескольких сотнях километров впереди. Эхо... – Стилс склонилась над пультом, – пульсирует. Предполагаемый выход из Глубины – через несколько минут.

– Сердце, каково наше состояние?

– Пять процентов мощности реактора в защитном магнитном поле, – доложил из Сердца главный компьютерщик. – После изоляции всех палуб, кроме главной, и переброски десяти процентов на боевую рубку осталось еще пять на глубокое сканирование. Около пятидесяти процентов оставшейся энергии реактора ушло на глубинный прыжок. Уже идет аварийная подзарядка из энергетических банков. Что касается остального: пока что у нас есть твердых тридцать процентов на навигацию, антигравитоны и системы, не считая аварийного прыжкового резерва.

– Запускайте Джейнисов. Пусть летят вперед на максимальной скорости и разведают обстановку. И пусть остаются на постоянной связи. Разрешаю им при необходимости стрелять. Стилс, начинай передавать стандартное сообщение. Не прицепляйся к послеглубинной волне. Дай нам тридцать процентов максимальной скорости, в случае чего ускорься. Исполняй.

«Джейнисы, – с неудовольствием подумал Вальтер. – Цара и Малькольм Джейнис – напастные наемные убийцы. Что ж, если и пускать кого-то в авангарде, то лучше уж их». Добравшись до стазис-навигаторской, он мгновение спустя увидел, как перед носом «Няни» вылетают два серебристых силуэта «стилетов». Двигатели истребителей вспыхнули ярко-голубым, и оба корабля через три секунды уже ничем не отличались от многочисленных звезд.

– Всем кораблям в секторе, – послышался голос первого пилота. – Говорит корабль Контроля Альянса, регистрационный номер 534Р. Сообщите свои координаты и данные и отключите магнитные поля. Вы будете подвергнуты глубокому сканированию. Повторяю...

– Капитан... – Вальтер в последнюю секунду удержался от желания дернуть Вермуса за китель. – Прекратите передачу! Мы не знаем, с кем имеем дело!

– До них всего полторы тысячи километров, контролер, – ответил командир. – Они нас прекрасно видят, как и мы их. Сообщение – лишь формальность.

– Если это... мы ведь не знаем, может...

– Потому мы и послали Джейнисов, – прервал его Вермус. – На «стилетах», не считая турбинных пушек, простого лазера или плазмы, имеются туннельное орудие и гравитационная ракета. К сожалению, туннельные пушки – лишь образцы, и стреляют на небольшое расстояние, но...

– Туннельное орудие? Но ведь оно запрещено!

– Можете заявить об этом смотрительнице.

Вальтер закрыл рот. Насколько ему было известно, туннельные пушки представляли собой результат недавнего эксперимента Научного клана, имевшего отношение к какому-то квантовому явлению, основанному на проникновении частиц сквозь теоретически непреодолимый барьер энергетического потенциала, превосходившего саму энергию данной частицы. Пушки запретили из-за слишком разрушительного эффекта, который они вызывали на поверхности планет.

Само явление туннелирования было известно еще в Средневековье и использовалось для исследований в области квантовой механики, пока около десяти лет назад не обнаружилось, что проникающие через энергетические барьеры частицы можно усилить за счет энергии этих барьеров, сосредоточивая получаемую посредством ядерного синтеза мощность. Проблема заключалась в том, что энергию выстрела из туннельного орудия невозможно было удержать – пробив магнитное поле, она поглощала цель и всю материю в ее окрестностях, рассеиваясь лишь в полном вакууме, когда иссякал ее энергетический потенциал. По сути, магнитное поле было единственной защитой от подобного выстрела – по не до конца выясненным причинам

усиленная антигравитонами магнитная сила могла ослабить разрушительную мощь туннелирования.

На «стилетах» имелись также турбинные пушки, предназначенные для ослабления потенциала защитных магнитных полей. Если они его пробьют, выстрелят под неудачным углом да еще притянут к себе цели гравитационной ракетой... Разрушительная волна вполне могла зацепить и «Няню».

– Безумие... – прошептал Динге. – На нашем нападном эсминце они тоже есть?

– Есть, – похоже, испуг Вальтера развеселил Вермуса Тарма. – «Няня» оборудована лазерной пушкой, несколькими турбинными, плазменным излучателем и одним туннельным орудием. К сожалению, оно все еще на этапе испытаний. Смотрительница сама проявила интерес к этой технологии, хотя испытания показали, что один выстрел пожирает почти всю энергию реактора и даже может его повредить. Подобная же ситуация и с орудиями на истребителях, но они намного слабее. Впрочем, выстрел из туннельного орудия мы называем «выстрелом последнего шанса».

– Да что вы говорите! – слегка язвительно бросил Динге, но Вермус не заметил его иронии.

– В дополнение к ним у нас имеются две ракетные установки, способные стрелять ракетами типа М.

– Массовыми? Ракеты... атомные бомбы усиленного поражения?

– Вижу, разбираетесь! Их мощность может сравниться с мощностью вооружения средних размеров крейсера, но ракеты намного превосходят его маневренностью и скоростью, – капитан откашлялся, явно утомленный лекцией. – Можно подумать, вы не знаете, кому принадлежит этот эсминец.

– За такое мы угодим под контроль, – прошептал Вальтер.

Капитан весело посмотрел на него.

– Контроль – это мы.

– Говорит Джейнис, – раздался в стазис-навигаторской голос пилотирувавшего «стилет» Малькольма. – Подлетаю к небольшому кораблю. Вероятнее всего, прыгун. Он возле некоего... явления.

– Очередной выход из Глубины, – сообщила первый пилот Эноба Стис. – Это эсминец. Расстояние около семисот пятидесяти километров – в два раза ближе, чем интересующий нас сектор.

– Хорошо. У нас около трех минут до воскрешения его команды, – оценил Тарм.

– У нас их нет, капитан, – возразила Стис. – Тот корабль не стоит на месте, а летит по прямой. Похоже, с ним что-то не так.

– После выхода из Глубины? Во имя Напасти, что это может значить? Вызывай их!

– Есть.

«Какая-то клятая вечеринка, а не тайная операция, – недовольно подумал Вальтер. – Три корабля уже в секторе, еще один выходит из Глубины... Всеми забытый пограничный сектор, принадлежащий какому-то третьеразрядному герцогству – и вдруг все являются сюда, будто с ума посходили...»

– Говорит разведывательный корабль Контроля Альянса, – послышался в громкоговорителе хриплый голос Малькольма Джейниса. – Немедленно прервите связь с этим... чем бы оно ни было. Отключите магнитное поле и приготовьтесь к abordажу. У вас минута.

«Подлетели, – подумал Динге. – По крайней мере достаточно близко, чтобы выстрелить».

– У вас осталось пятьдесят секунд, – прохрипел наемник. – Решайтесь. В противном случае начну обстрел из турбинной пушки. Повторять не буду.

В стазис-навигаторской наступила тишина, которая длилась около сорока секунд. По их прошествии на мостике раздался странный, по-старчески дрожащий голос:

– Всем кораблям. Говорит капитан Кайт Тельсес с флагманского эсминца «Пламя» герцогства Гатларк. Вы вторглись на нашу территорию. Любые оперативные действия, проводимые в этом секторе без согласия герцогства Гатларк, незаконны в соответствии с протоколами Альянса. Это касается также корабля Контроля Альянса. Прошу немедленно связаться с нами и сбросить тягу.

– Это с того нового корабля, капитан, – бросила первый пилот.

– Уже воскресли? – удивился кто-то из команды. – Прошло меньше минуты после выхода из Глубины...

– У них какая-то неисправность, – объяснил компьютерщик из Сердца. – Либо ста-зис-навигаторская пробуждается раньше всех, как на кораблях, сражавшихся с Машинами.

– Насколько же старое это чертово корыто? – фыркнула первый пилот. Капитан подошел к пилотской консоли и наклонился к микрофону.

– Всем кораблям. Говорит Вермус Тарм, капитан «Няни», корабля Контроля Альянса. Протоколы Альянса относительно территориального невмешательства Пограничных герцогств не касаются секретных операций Контроля, связанных с безопасностью. Соответствующие документы будут пересланы властям Гатларка. Повторяю: отключите магнитное поле и сбросьте тягу, иначе возможны последствия. Я закончил.

Снова наступила тишина, а затем в ста-зис-навигаторской «Няни» послышался глухой треск, словно кто-то пытался пробиться из невообразимой дали. Динге, как и большинство персонала навигаторской, вздрогнул при звуке электрического разряда и белого шума, на фоне которого раздался доносившийся будто из бездны голос:

– Не стрелять! Повторяю: не стрелять! Не стреляйте! Мы не можем... маневр... Корабль нам... не подчиняется!

– Это из того сектора, – уточнил компьютерщик из Сердца. – Похоже, тот прыгун. Что-то там явно случилось. Данные не ясны, ничего не проанализировать. Все пульсирует...

– Капитан, оттуда улетает какой-то корабль... – сообщил кто-то из персонала. – Вижу на мониторе... Еще один прыгун. Они ускоряются!

– Джейнис, – Вермус Тарм снова склонился над микрофоном, – займитесь им. Немедленно.

– Есть, шеф, – в хриплом голосе Малькольма слышались веселые нотки. – Поджарь ему задницу, дорогая.

– Будет сделано, мой птенчик, – донесся до ста-зис-навигаторской теплый мягкий голос Цары Джейнис, частично заглушенный шумом ускоряющегося истребителя. Наемница помчалась следом за вторым прыгуном. – Запеленгуем, подстрелим и подадим к столу. Пока!

– Корабль, выдающий себя за эсминец Гатларка, прибавил скорость, – сообщил склонившийся над консолью молодой мужчина. – Они доберутся до места раньше нас.

– Хорошо, – кивнул Тарм. – Стилс, прибавь скорость, но не атакуй. Неизвестно, с чем мы имеем дело. Пусть долетят туда первыми, а потом мы их сцапаем. Отслеживайте состояние их реактора. Если они соберутся прыгнуть, мне нужно об этом знать.

Первый пилот коснулась консоли и переместила рукой одну из высвечивавшихся над ней голограмм. Антигравитоны компенсировали внезапную смену ускорения, но у Динге все равно возникло ощущение, будто некая непонятная сила толкнула его вперед, во тьму.

«Почему я вдруг подумал о тьме? – удивился он. – То, что перед нами, – не тьма, а свет. Свет знания. Плод многолетних поисков, сидения над экстраполяциями потерянных выходов из Глубины, охватывающих бесчисленные документированные случаи на протяжении сотен лет. Награда за труды».

– До цели три минуты, – сообщила Стилс. – Ускорение восемьдесят процентов. Тормозные двигатели работают от реактора. Сердце?

– Системы в норме.

– Я хочу это видеть, – внезапно раздался в стазис-навигаторской отдающийся эхом, усиленный громкоговорителями голос смотрительницы сектора контроля Маделлы Нокс. Мама Кость в очередной раз вспомнила, что бдит над своим маленьким королевством. – И иметь. Тарм, вы знаете, что делать в случае каких-либо проблем. Если Вальтер прав насчет того, что мы должны тут найти, – это величайший шанс за все лазурное столетие. Альянс должен заполучить его любой ценой.

– Сердце, перенаправить излишек энергии с аварийного прыжка на боевую рубку и магнитное поле, – заговорил капитан еще до того, как на главной палубе смолкло эхо голоса Маделлы. – Вы слышали Маму. Мы отсюда не уберемся, пока не овладеем в полной мере этим сектором, даже если придется ждать подзарядки для реактора с самой Лазури.

– Капитан...

– Да, Сердце?

– У меня уже есть картина того явления. Показать?

– Выведи на главную.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.